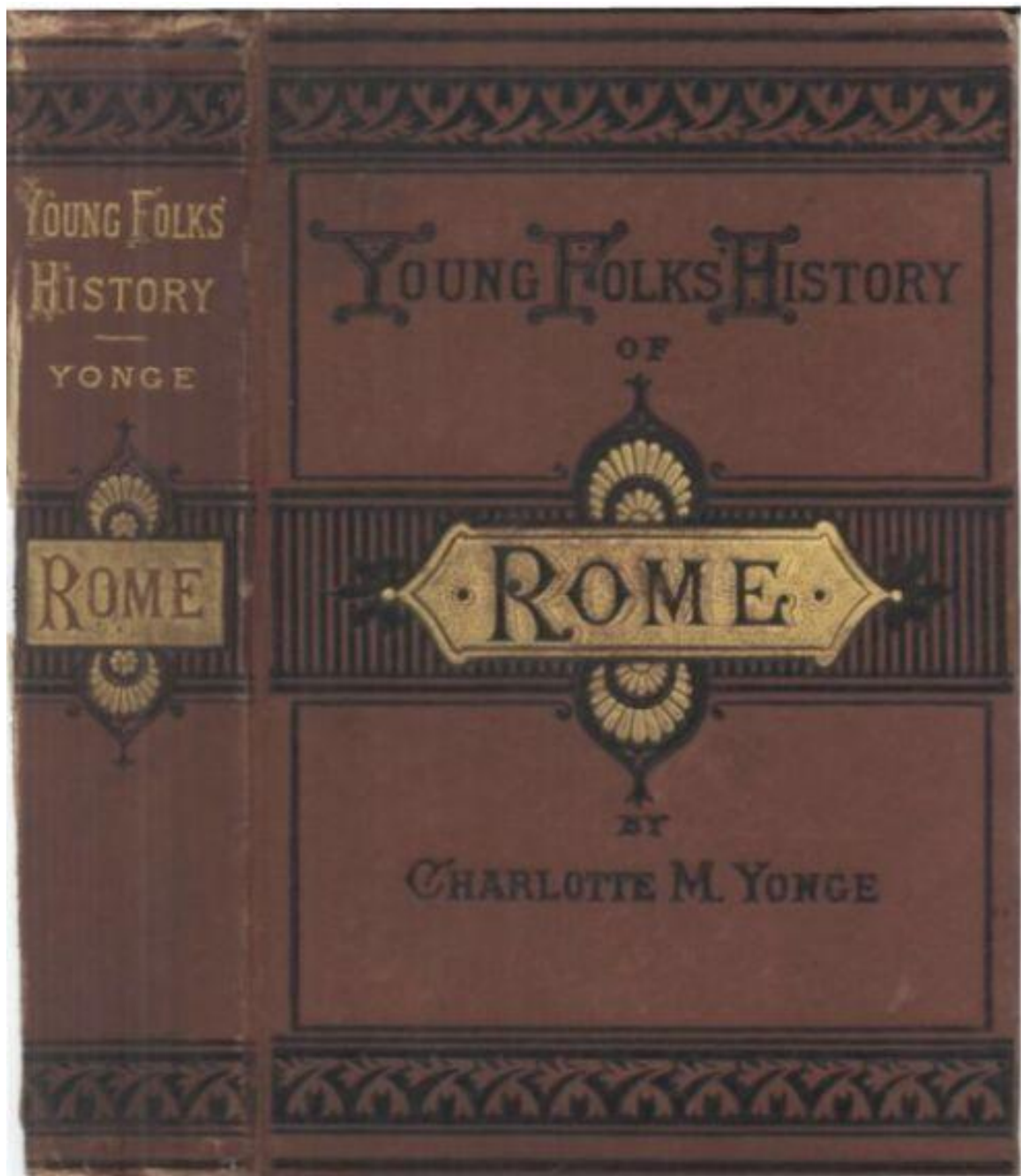

История Рима для молодых людей

Шарлотта М. Йонге

The Project Gutenberg eBook of Young Folks' History of Rome.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других стран мира без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Young Folks' History of Rome

Автор: Шарлотта М. Йонге

Дата выхода: 7 сентября 2005 [eBook #16667]

Последнее обновление: 12 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Кредиты: Продюсеры: Джульет Сазерленд, Грэм Макрет и
Команда онлайн-распределенной корректуры на <https://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK YOUNG FOLKS' HISTORY OF ROME ***

ПАПСКИЙ ПРИВРАТНИК

YOUNG FOLKS' HISTORY OF ROME.

BY CHARLOTTE M. YONGE,

AUTHOR OF "THE HEIR OF REDCLYFFE", "BOOK OF GOLDEN DEEDS", "YOUNG FOLKS' HISTORY OF FRANCE", &c.

БОСТОН:

ESTES & LAURIAT,

301 WASHINGTON STREET.

КОПИРАЙТ

D. LOTHROP & CO. и ESTES & LAURIAT.

1880.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Этот очерк истории Рима охватывает период до правления Карла Великого как главы новой Западной империи. История изложена настолько кратко, насколько это возможно, с такими подробностями, которые только и могут сделать ее интересной для всех категорий читателей.

ШАРЛОТТА М. ЙОНГЕ.

СОДЕРЖАНИЕ.

1.-Италия

2.- Странствия Энея

3.-Основание Рима. 753-713 ГГ. ДО Н.Э.

4.- Нума и Тулл. 713-618 ГГ. ДО Н.Э.

5.- Изгнание Тарквинов. 5.-ИЗГНАНИЕ ТАРКВИНОВ. 578-309 ГГ. ДО Н.Э.

- 6.- Война с Порсеной
- 7.-Римское правительство
- 8.- Басня Менения Агриппы. 494 Г. ДО Н.Э.
- 9.-Кориолан и Цинциннат. 458 Г. ДО Н.Э.
- 10.-Децемвиры. 450 Г. ДО Н.Э.
- 11.- Изгнание Камилла
- 12.-Разграбление Рима. 390 Г. ДО Н.Э.
- 13.- Плебейское консульство. 367 Г. ДО Н.Э.
- 14.- Преданность Деция. 357 Г. ДО Н.Э.
- 15.- Самнитские войны
- 16.- Война с Пирром. 280-271
- 17.- Первая Пуническая война. 264-240
- 18.- Завоевание Цизальпинской Галлии. 240-219
- 19.- Вторая Пуническая война. 219
- 20.- Первая Восточная война. 215-183
- 21.- Завоевание Греции, Коринфа и Карфагена. 179-145
- 22.- Гракхи. 137-122
- 23.- Войны Мария. 106-98
- 24.-Приключения Мариуса. 93-84
- 25.- Проскрипция Суллы. 88-71
- 26.-Карьера Помпея. 70-63
- 27.- Помпеи и Сезар. 61-48
- 28.- Юлий Цезарь. 48-44
- 29.- Второй триумвират. 44-33
- 30.-Сезар Август. 33 Г. ДО Н.Э. - 14 Г. Н.Э.
- 31.- Тиберий и Калигула. 14-41 ГГ. Н.Э.
- 32.- Клавдий и Нерон. 41-68 ГГ. Н.Э.
- 33.- Семья Флавиев. 62-96
- 34.-Эпоха Антонинов. 96-194
- 35.- Влияние Прэториана. 197-284
- 36.-Разделение империи. 284-312

37.-Константин Великий. 312-337

38.-Константий. 337-364

39.-Валентиниан и его семья. 364-392

40.-Феодосий Великий. 392-395

41.-Аларих Готский. 395-410

42.-Вандалы. 403

43.-Аттила Гунн. 435-457

44.- Теодорих Остроготский. 457-561

45.-Белисарий. 533-563

46.-Папа Григорий Великий. 563-800

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

Папский дурман. (*Фронτισпис.*)

Тибр

Любопытная керамика

Юпитер

Побережье

Гора Этна

Карфаген

Римский солдат

Гладиаторские представления на банкете

Форум

Янус

Актеры

Пещера Сибиллы

Брут осуждает своих сыновей

Римские энцины, штандарты, трубы и т.д.

Голова Юпитера

Женские костюмы

Женские костюмы

Дворец сенаторов

Вид на римскую гавань

Римский лагерь

Пахота

Смерть Виргиния

Гонки на колесницах

Стрелковая машина

Осадная машина

Руины Форума в Риме

Вход в Римский форум по Виа Сакра

Костюмы

Костюм

Куртий прыгает в залив

Апеннины

Бой между мирмилло и самнитом

Бой между легковооруженным гладиатором и самнитом

Древний Рим

Пирр

Римский оратор

Римский корабль

Боевой порядок римлян

Раненый галл

Клятва Ганнибала

В Пиренеях,

Встреча Ганнибала и Сципиона при Заме

Архимед

Ганнибал

Коринф

Корнелия и ее сыновья

Римский центурион

Марий

Один из трофеев, названный Мариусом, на Капитолии в Риме

Катапульта

Остров на побережье

Палаццо Веккьо, Флоренция

Корнелий Сулла

Побережье Тира

Горы Армении

Цицерон

Колоссальная статуя Помпея из Палаццо Спада в Риме

Помпеи

Амфитеатр

Арена

Юлий Цезарь

Катон

Погребальные торжества в колумбарии дома Юлия Цезаря в
Порта Капена в Риме

Марк Антоний

Марк Брут

Александрия

Кай Октавий

Статуя Августа в Ватикане

Картины в доме Ливии

Руины дворцов Тиберия

Агриппина

Рим во времена Августа Сезара

Клавдий

Нерон

Арка Тита

Везувий перед извержением в 63 г. н.э.

Гонения на христиан

Монета Нерона

Храм Антонина и Фаустины

Марк Аврелий

Септимий Северус

Антиохия

Александр Северус

Храм Солнца в Пальмире

Катакомбы в Риме

Монета Северуса

Диоклетиан

Диоклетиан в отставке

Константин Великий

Константинополь

Никейский собор

Катакомбы

Юлиан

Арка Константина

Александрия

Готы

Монастырь на холмах

Юлийские Альпы

Римский зал правосудия

Колоннады Святого Петра в Риме

Погребение Алариха

Римские часы

Испанское побережье

Вандалы грабят

Пирамиды и сфинксы, Египет

Лагерь гуннов

Собор Святого Марка, Венеция

Дом Папы Римского

Ромул Август отказывается от короны

иллюстрация

Неаполь

Константинополь

Папа Григорий Великий

Папская кафедра

Битва при Туре

ИСТОРИЯ РИМА ДЛЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ.

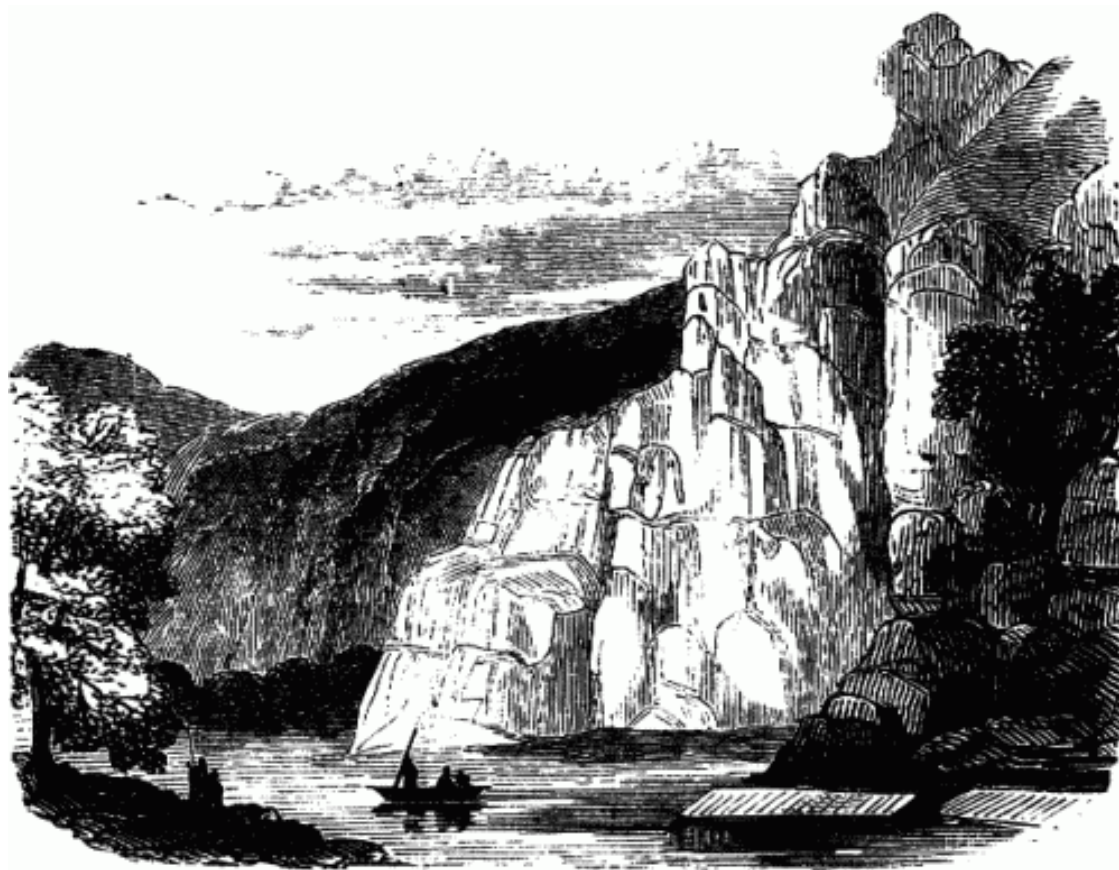
ГЛАВА I.

ИТАЛИЯ.

Далее я расскажу вам о самом знаменитом государстве в мире. На западе от Греции в Средиземное море вдается еще один полуостров. Апеннинские горы, как конечность, тянутся от Альп на юго-восток, и на них, кажется, образовалась та земля, по форме напоминающая ногу, которая называется Италией.

Вокруг ручьев, стекавших с этих холмов, образовались долины с плодородной почвой, и множество различных племен и народов поселились там, прежде чем появилась история, объясняющая их приход. Если собрать воедино все, что можно о них доказать, то становится

ясно, что большинство из них происходило из того древнего рода, от которого произошли греки и к которому принадлежим мы сами, и они говорили на языке, имевшем тот же корень, что и наш и греческий. От одного из этих народов произошла наиболее известная форма этого языка, отшлифованная в более поздние времена и названная латынью, по имени племени, которое на нем говорило.

ТИБЕР

Примерно в середине полуострова, к западу от Апеннин, протекает река Тибр, быстро текущая между семью невысокими холмами, которые уменьшаются по мере приближения к морю. Один, особенный, называемый Палатинским холмом, возвышается отдельно, с плоской вершиной и крутыми боками, примерно в четырехстах ярдах от реки, и опоясывает остальные шесть. Именно на этом месте выросла великая римская держава, истоки которой сейчас невозможно установить.

ЛЮБОПЫТНАЯ КЕРАМИКА.

Вокруг этих холмов жило несколько народов - этруски, сабины и латины. Дома этих народов, по-видимому, располагались в долинах вокруг отрогов Апеннин, где они имели фермы и кормили свои стада; но над ними всегда возвышался холм, который они укрепляли как можно сильнее, и где они укрывались, если на них нападали враги. Этруски строили очень мощные стены, а также прекрасно справлялись с дренажом своих городов. Многие из их работ сохранились до наших дней, в частности, были открыты их памятники, и найдена гробница каждого вождя, украшенная его фигурами, полулежащими, полусидящими; также любопытная керамика красного и черного цвета, из которой можно кое-что узнать об их жизни и образе жизни. Они говорили на языке, отличном от латыни, и имели другую религию, веря в одну великую Душу Мира, а также думая о наградах и наказаниях после смерти. Но мы почти ничего не знаем о них, кроме того, что их вожди назывались лукумами, и что когда-то они обладали широкой властью, которую утратили до начала истории. Римляне называли их *Tusci*, и Тоскана до сих пор сохранила это название.

Латины и сабины были более похожи друг на друга, а также на греков. В южных районах Италии было много поселений греков, и они кое-чему у них научились. У них было очень много богов. У каждого дома был свой страж. Они назывались ларами или пенатами и обычно изображались в виде маленьких фигурок собак, лежащих у очага, или в виде медных решеток с собачьими головами. Именно по этой причине решетки, закрывающие открытый очаг, до сих пор называются собаками. Всякий раз, когда в доме происходила трапеза, хозяин начинал с возлияния вина ларам, а также своим предкам, фигурки которых он хранил; ибо эти туземцы много думали о своих семьях, и вся одна семья носила одно и то же имя, как наша фамилия, например Туллий или Аппий, дочери лишь меняли его, делая окончание на *а* вместо *мы*, а мужчины имели отдельные имена, стоящие первыми, например Марк или Луций, хотя их сестры были только пронумерованы, чтобы различать их.

ЮПИТЕР

У каждого города был свой дух-хранитель, у каждого ручья - своя нимфа, у каждого дерева - свой фавн; были и боги, которым посвящались межевые камни поместий. Была богиня плодов по имени Помона и бог плодов по имени Вертумн. В их честь торжественно благословляли поля и урожай, и все они были священны для Сатурна. Именно он, согласно старинным преданиям, первым научил земледелию, и во времена его правления в Италии наступил золотой век, когда каждый человек имел свое поле, жил своим трудом и не держал рабов. В честь этого времени ежегодно устраивался праздник, называемый Сатурналии, когда на несколько дней рабам разрешалось вести себя как свободным и устраивать всевозможные дикие забавы и веселье. Впоследствии, с приходом греческой науки, Сатурна стали смешивать с греческим Кроносом, или Временем, которое пожирает свое потомство, а жатвенный крюк, который его фигуры несли для сбора урожая, стал косой Времени. Бог неба, Зевс или Deus Pater (отец), был сокращен до Юпитера; Юнона была его женой, а Марс был богом войны и в греческие времена считался тем же, что и Арес; Паллас Афина была объединена с латинской Минервой; Гестия, богиня очага, называлась Вестой; и, по правде говоря, мы говорим о греческих богах под их латинскими именами. Старые греческие сказания не были известны латинянам в первые времена их существования, но лишь впоследствии они узнали о них от греков. Похоже, что они считали своих богов более серьезными и высокими существами, более далекими и менее капризными и причудливыми, чем грекам они казались из-за легенд о погоде. Действительно, латиняне были более жесткой, суровой, серьезной, свирепой и деловой расой, чем греки; они были не столь умны,

задумчивы и поэтичны, но в них было больше того, что мы сейчас называем "твердыми качествами".

По крайней мере, так было с тем великим народом, который говорил на их языке и, похоже, был ответвлением от них. Считается, что Рим, название которого означает "знаменитый", сначала был скоплением маленьких деревень, с крепостями для защиты на холмах и храмами в крепостях. У Юпитера был храм на Капитолийском холме с кельями для поклонения ему, а также Юноне и Минерве; а двуликий Янус, бог ворот, имел свой храм на Яниковом холме. Кроме них, были еще Палатин, Эсквилин, Авентин, Селиан и Квиринал. Жители этих деревень называли себя квиритами, или копьеносцами, когда они объединились в армию и начали войну со своими соседями, сабинянами и латинами, а затем построили стену, окружающую все семь холмов, и с полосой земли внутри, свободной от домов, где приносили жертвы и искали предзнаменования.

История этого народа была написана только после того, как он превратился в могущественную и страшную державу, а также перенял многие греческие представления. Тогда они, по-видимому, составили свою историю в обратном порядке, переработали свои старые предания и песни, чтобы объяснить имена и обычаи, которые они нашли среди них, и рассказанные ими предания были сформированы в большую историю неким Титом Ливием. Необходимо знать эти истории, которые все привыкли считать настоящей историей; поэтому мы расскажем их сначала, начав, однако, с истории, рассказанной поэтом Вергилием.

ГЛАВА II.

СТРАНСТВИЯ ЭНЕЯ.

Вы помните, как в греческой истории была сожжена Троя и как Приам и вся его семья были перебиты. Среди троянцев был принц по имени Эней, отцом которого был Анхис, двоюродный брат Приама, а матерью, как говорят, была богиня Венера. Когда он увидел, что город потерян, он поспешил к себе домой, взял на спину своего старого отца Анхиса, отдал ему свои пенаты, или маленькие изображения домашних богов, чтобы он заботился о них, и повел за руку своего маленького сына Иулуса, или Аскания, а его жена Креуса шла позади, и все троянцы, которые могли собрать свое оружие, присоединились к нему, так что они бежали в полном составе к горе Ида; Но как только они оказались за городом, он упустил бедную Креусу, и хотя он бросился назад и искал ее повсюду, так и не смог найти. За свою заботу о богах и о старом отце он всегда был известен как благочестивый Инеас.

В лесах горы Ида он построил достаточно кораблей, чтобы отправиться со всеми своими последователями на поиски нового дома, на который его мать, богиня Венера, дала ему надежду. Во время плавания по Средиземному морю он пережил приключения, весьма похожие на те, что пережил Улисс. Однажды в Строфадах, скоплении, принадлежащем Ионическим островам, когда он и его войска высадились на берег за пищей и ели мясо многочисленных козлов, которых они нашли лазающими по скалам, на них спустились гарпии, ужасные птицы с женскими лицами и крючковатыми руками, которыми они выхватывали пищу и портили то, что не могли съесть. Троянцы стреляли в них, но стрелы

отскакивали от их перьев и не причиняли им вреда. Однако все они улетели, кроме одного, который сел на высокую скалу и прокричал, что троянцы будут наказаны за то, что досаждали гарпиям, тем, что их будет швырять вокруг, пока они не достигнут Италии, но там они не должны строить свой город, пока не проголодаются настолько, что съедят сами свои окопы.

ПОБЕРЕЖЬЕ.

Отплыв от этой мрачной пророчицы, они причалили к берегу Эпира, где Эней нашел своего двоюродного брата Еленуса, сына старого Приама, правившего маленькой новой Троей и женатого на Андромахе, жене Гектора, которую он получил после убийства Пирра. Геленус был пророком и давал Энею много советов. В частности, он сказал, что когда троянцы придут в Италию, то найдут под остролистом на берегу реки большую белую старую свиноматку, лежащую на земле, а вокруг нее - приплод из тридцати маленьких поросят, и это будет им знаком, где они должны построить свой город.

По его совету троянцы обогнули юг Сицилии, вместо того чтобы попытаться пройти пролив между страшными Сциллой и Харибдой, и прямо под горой Этна на берег прибежал несчастный человек, умоляя принять его на службу. Это был грек, который остался позади, когда Улисс бежал из пещеры Полифема, и добрался до лесов, где и жил с тех пор. Они только что приняли его, когда увидели, как Циклоп спускается с сосной в качестве посоха, чтобы омыть в море горящую впадину своего потерянного глаза, и в великом ужасе отплыли.

ГОРА ЭТНА.

Бедный старый Анхис вскоре умер, и пока его сын еще оплакивал его, Юнона, ненавидевшая всех троянцев, подняла страшную бурю, которая погнала корабли на юг, пока, когда море не начало успокаиваться, они не вошли в прекрасную бухту, окруженную высокими скалами с нависшими над ними лесами. Здесь усталые странники высадились на берег, и, разведя костер, Эней отправился на поиски пищи. Выйдя из леса, они посмотрели вниз с холма и увидели множество людей, которые строили город: возводили стены, дома, башни и храмы. В один из этих храмов вошел Эней и, к своему изумлению, обнаружил, что стены изваяны со всей историей осады Трои, а все его друзья так прекрасно изображены, что он разрыдался от этого зрелища.

В этот момент в храм вошла прекрасная царица, сопровождаемая целым отрядом нимф. Это была Дидо; ее муж, Сихей, был царем Тира, пока не был убит своим братом Пигмалионом, который хотел жениться на ней, но она бежала от него с отрядом верных тирийцев и со всеми сокровищами мужа и приплыла на северное побережье Африки. Там она попросила у вождя страны столько земли, сколько можно было бы вместить в шкуру быка. Тот охотно согласился, и Дидо, разрезав шкуру на тончайшие полоски, сумела отмерить ею достаточно земли, чтобы построить великолепный город, который она назвала Карфагеном. Она приняла Энея очень любезно и взяла всех его людей в свой город, надеясь оставить их там навсегда и сделать своим мужем. Сам Эней был так счастлив там, что забыл обо всех своих планах и услышанных пророчествах, пока Юпитер не послал Меркурия, чтобы тот пробудил его к исполнению своего предназначения. Он послушался, а Дидо была так огорчена его уходом, что соорудила огромную погребальную кучу, легла на нее и пронзила себя мечом Энея; куча сгорела, и троянцы увидели пламя со своих кораблей, не зная его причины.

КАРТАЖ.

Вскоре Эней высадился в одном из мест Италии под названием Кумæ. Там жила одна из сивилл. Это были дивные девы, которых Аполлон наделил глубокой мудростью; и когда Эней отправился посоветоваться с кумейской Сибиллой, она сказала ему, что он должен посетить подземный мир Плутона, чтобы узнать свою судьбу. Но сначала он должен был отправиться в лес, найти там и собрать золотую ветвь, которую он должен был носить в руке, чтобы она оберегала его. Долго искал он ее, пока не прилетели два голубя, птицы его матери, и не показали ему дерево, где сквозь ветви сверкало золото, а он нашел ветвь, растущую на дереве, как омела растет на терне.

Охраняемый этим и ведомый Сибиллой, после великого жертвоприношения Эней вошел в мрачную пещеру, где подошел к реке Стикс, вокруг которой порхали все тени, не прошедшие погребальный обряд, и которых не хотел переправлять паромщик Харон. Однако Сибилла заставила его перевезти Энея, и его лодка застонала под тяжестью человеческого тела. На другом берегу стоял Цербер, но Сивилла бросила ему лепешку с медом и каким-то опиатом, и он уснул, а Эней пошел дальше и нашел в миртовых рощах всех, кто умер за любовь, среди которых, к его удивлению, была и бедная покинутая Дидо. Чуть дальше он нашел жилище воинов и побеседовал со своими старыми троянскими друзьями. Он прошел мимо места гибели нечестивых - Тартара, а на Елисейских полях, полных лавровых рощ и лугов асфодеи, нашел дух своего отца Анхиза, и вместе с ним ему было позволено увидеть души всех еще не рожденных потомков, которые должны возвеличить славу их имени. Они описываются вплоть до того времени, когда был написан поэт, которому мы обязаны всеми рассказами о странствиях Энея, а именно Вергилий, написавший "*Энеиду*", откуда и взяты все эти истории. Далее он рассказывает, что Эней высадился в Италии как раз в то время, когда умерла его старая кормилица Кайета, в месте, которое до сих пор называется Гаэтой. Похоронив ее, они нашли рощу, где сели на траву и стали есть, намазывая мясо большими круглыми лепешками или печеньем. Вскоре они доели лепешки. Маленький Асканий воскликнул: "Мы едим сами столы!" И Инеас, вспомнив слова гарпии, понял, что его странствия окончены.

РОМАНСКИЙ СОЛДАТ.

ГЛАВА III.

ОСНОВАНИЕ РИМА.

753-713 ГГ. ДО Н.Э.

Далее Вергилий подробно рассказывает, как царь страны Латин сначала подружился с Энеем и обещал ему в жены свою дочь Лавинию; но Турн, итальянский вождь, который прежде был женихом Лавинии, поднял большую войну, и только после упорных боев был взят в плен и убит. Однако белая свиноматка была найдена в нужном месте со всеми своими маленькими поросятами, и на этом месте был основан город Альба-Лонга, где Эней и Лавиния царствовали до самой своей смерти, а его потомки, через двух его сыновей, Аскания или Иулуса и Энея Сильвия, царствовали после него в течение пятнадцати поколений.

Последним из этих пятнадцати был Амулий, который отнял трон у своего брата Нумитора, имевшего дочь по имени Рея Сильвия, весталка-девственница. В Греции за священным огнем богини Весты ухаживали добрые люди, но в Италии за него отвечали девы, к которым относились с большим почтением, но не разрешали выходить замуж под страхом смерти. Поэтому был большой гнев, когда Рея Сильвия стала матерью мальчиков-близнецов, да еще и сказала, что ее мужем был бог Марс. Но Марс не спас ее от погребения заживо, а двух младенцев положили в корыто на воды Тибра, чтобы они там погибли. Река вышла из берегов и оставила детей на суше, где, однако, их нашла волчица, которая ласкала и кормила их, как своих отпрысков, пока их не встретил пастух и не отнес домой к своей жене. Она назвала их Ромулом и Ремом и вырастила их пастухами.

Когда братья-близнецы достигли зрелого возраста, между пастухами Нумитора и Амулия произошла драка, в которой Ромул и Рем совершили такие отважные подвиги, что их привели к Нумитору. Тот осведомился об их рождении, и приемный отец рассказал, как нашел их, показав корыто, в котором они лежали; так выяснилось, что они внуки Нумитора. Узнав об этом, они собрали войско, с которым прогнали Амулия и вернули своего деда в Альба-Лонгу.

Тогда они решили построить себе новый город на одном из семи невысоких холмов, под которыми протекала желтая река Тибр; но они не сошлись во мнении, на каком холме строить: Рем хотел строить на Авентинском холме, а Ромул - на Палатине. Дед посоветовал им следить за знамениями богов, и каждый встал на свой холм и стал наблюдать за птицами. Рем первым увидел шесть летящих грифов, а Ромул - двенадцать, и поэтому Палатинский холм стал началом города, а Ромул был избран царем. Рем был оскорблен, и когда вокруг места, предназначенного для города, возводили глинобитную стену, он перепрыгнул через нее и рассмеялся, после чего Ромул поразил его насмерть, воскликнув: "Так погибнут все, кто перепрыгнет через стены моего города".

ГЛАДИАТОРСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НА ПИРУ

Ромул начертил плугом форму города, сделав его почти квадратным. Он назвал его Римом и поселился посреди него в глинобитной хижине, крытой соломой, в окружении примерно пятидесяти семей старого троянского рода и множества присоединившихся к нему молодых людей, преступников и беглецов из соседних государств. Датой постройки Рима считается

753 год н.э., и римляне отсчитывали свои годы от него, как греки - от Олимпиад, обозначая дату A.U.C., *anno urbis conditæ*, год постройки города. Юноши, присоединившиеся к Ромулу, не могли жениться, так как никто из соседних народов не отдал бы свою дочь за одного из этих разбойников, какими их считали. Ближайшими соседями Рима были сабиняне, и римляне тщетно заглядывались на сабинских девушек, пока старый Нумитор не посоветовал Ромулу объявить большой праздник в честь Нептуна, с играми и танцами. На него собрался весь народ в округе, и когда веселье достигло своего апогея, каждый из незамужних римлян схватил сабинскую девушку и унес ее в свой дом. Таким образом было захвачено шестьсот восемьдесят три девушки, и на следующий день Ромул женился на них всех, как это было принято в Риме впоследствии. Было совершено большое жертвоприношение, затем каждой девушке сказали: "Прими огонь и воду своего мужа"; он дал ей кольцо, перенес ее через порог своего дома, где была расстелена овечья шкура, чтобы показать, что ее обязанностью будет прясть для него шерсть, и она стала его женой.

ФОРУМ.

Сам Ромул по этому случаю отвоевал у сабинянок свою жену Герсилию; но народ, конечно, взялся за оружие под предводительством своего царя Татия, чтобы вернуть своих дочерей. Ромул вывел свои войска в *Campus Martius*, или Марсово поле, под Капитолием, или большим фортом на Сатурнианском холме, и выступил против сабинян; но пока его не было, Тарпея, дочь правителя маленького форта, который он оставил на Сатурнианском холме, обещала впустить сабинян при условии, что они отдадут ей то, что носили на левой руке, то есть браслеты; Но они возненавидели ее измену, даже воспользовавшись ею, и не успели они войти в ворота, как набросились на нее со своими тяжелыми щитами, которые носили на левом оружии, и убили ее. Скала, на вершине которой она умерла, до сих пор называется Тарпейской, а преступников казнили, сбрасывая с ее вершины. Ромул попытался вернуть Капитолий, но сабиняне обрушили на римлян камни, и он был оглушен одним, который ударил его по голове; и хотя он быстро оправился и собрал своих людей, битва шла против него, когда все сабинянки, которые уже почти два года были римскими женами, выбежали с маленькими детьми на руках и с развевающимися волосами, умоляя своих отцов и мужей не убивать друг друга. Это привело к заключению мира, и было решено, что сабиняне и

римляне должны составлять один народ, а Ромул и Татий должны править в Риме вместе. Ромул жил на Палатинском холме, Татий - на Тарпейском, а долина между ними называлась Форумом и была рыночной площадью, а также местом, где проходили все общественные собрания. Римляне считали, что все главные военные и правительственные постановления были законами Ромула. Однако через пять лет Татий был убит в местечке Лавиниум во время жертвоприношения, и Ромул царствовал один, пока во время большого собрания его воинов за городом не разразилась гроза с громом и молниями, и все поспешили домой, но царя нигде не было; Ибо, как говорят одни, его отец Марс спустился во время бури и унес его, чтобы царствовать с богами, а другие утверждают, что он был убит людьми, каждый из которых унес домой фрагмент его тела, чтобы его никогда не нашли. Неважно, как мы это расскажем, ведь история Ромула была такой же басней, как и история Энея; только нужно помнить, как в нее верили сами римляне. Они поклонялись Ромулу под именем Квирина и называли свои главные семьи квиритами - оба слова происходят от *ger* (копье); а волчица и близнецы были любимым значком империи. Капитолийский холм, Палатин и Форум до сих пор носят те же названия.

ГЛАВА IV.

НУМА И ТУЛЛУС.

713-618 ГГ. ДО Н.Э.

Между римлянами и сабинами было условлено, что они должны иметь по одному царю от каждого народа, и, когда Ромул исчез, был избран сабин по имени Нума Помпилий, который был женат на Татии, дочери сабинского царя Татия, но она умерла и оставила одну дочь. Со дня ее смерти Нума ходил от одной рощи или фонтана, священного для богов, к другой, принося жертвы, и был очень любим за свою мягкость и мудрость. Недалеко от Рима, в долине, была роща, где из скалы бил фонтан; здесь Эгерия, нимфа потока, в тени деревьев давала Нуме советы по управлению государством, которые были настолько мудрыми, что он жил в мире со всеми своими соседями. Когда римляне засомневались, действительно ли его вдохновляет богиня, Эгерия убедила их в этом, так как в следующий раз, когда в его доме появились гости, фаянсовые тарелки с домашней едой на их глазах превратились в золотые

блюда с изысканными яствами. Кроме того, с неба был принесен бронзовый щит, который следовало бережно хранить, поскольку Рим никогда не падет, пока он в безопасности. Нума приказал изготовить еще одиннадцать таких же щитов и повесить их в храме Марса, и ежегодно группа посвященных в должность людей проносила их по городу с песнями и танцами. Считалось, что все воинственные обычаи были изобретены Ромулом, а все мирные и религиозные - Нумой и его Эгерией. Считалось, что он установил календарь и придумал названия месяцев, построил алтарь Доброй Вере, чтобы научить римлян держать слово друг с другом и со всеми народами, и посвятил границы каждого поместья Dii Termini, или богам-ориентирам, в честь которых ежегодно устраивался праздник. Говорили также, что он имел такую власть над Юпитером, что убедил его довольствоваться без жертвоприношений мужчинами и женщинами. Короче говоря, все лучшее в римской системе должно было быть заслугой кроткого Нумы.

У ворот под названием Яникул стоял храм бога-сторожа Януса, у которого было два лица и который держал ключи, и в честь которого был назван месяц январь. Его храм всегда был открыт во время войны и закрыт в мирное время. Правление Нумы считается первым из трех случаев в истории Рима, когда он был закрыт.

ЯНУС.

Говорят, что Нума царствовал тридцать восемь лет, а затем постепенно угас и был похоронен в каменном гробу за Яникульскими воротами, причем все написанные им книги, по его желанию, были погребены вместе с ним. Эгерия плакала, пока не стала фонтаном в своей долине; так закончился тот период, который по римской вере соответствовал золотому веку Греции.

Следующий царь был родом из Рима, и звали его Тулл Хостилий. Он был великим воином и вел войну с альбанами, пока не было решено, что два города должны объединиться в один, как это делали раньше римляне и сабиняне; но возник спор, какой город должен быть большим в лиге, и было решено разрешить его боем. В каждом городе была семья, в которой родилось по три сына, а их матери были сестрами. Обе семьи были одного возраста - прекрасные юноши, искусные в обращении с оружием; и было решено, что все шестеро должны сражаться вместе: трое, чье имя было Гораций, - на стороне римлян, трое по имени Куриаций - на стороне альбанцев, и тот, кто одержит верх, должен будет отдать его своему городу.

Они сражались на равнине между лагерями, и очень упорно, пока двое из Горациев не были убиты, а все трое Куриациев ранены, но последний Гораций остался невредим. Он пустился бежать, а его двоюродные братья преследовали его, но на разных расстояниях, так как одному из них рана мешала меньше, чем другим. Как только первый из них приблизился. Гораций зарубил его, затем второго и третьего: когда он зарубил последнего, то воскликнул: "Во славу Рима я приношу тебя в жертву". Увидев, что его чемпион пал, альбанский царь обратился к Туллу Хостилию и спросил, что он ему прикажет. "Только чтобы альбанская молодежь была наготове, когда она мне понадобится", - ответил Тулл.

На голову победителя возложили венок, и, нагруженный добычей Куриация, он с триумфом вошел в город. Навстречу ему спешила его сестра; она была обручена с одним из Куриациев и мучительно ждала его участи; увидев, что одежда, которую она сплела для него, висит на плечах брата окровавленная, она разразилась громкими причитаниями. Гораций, все еще пылая от ярости, ударил ее на месте, воскликнув: "Да погибнет каждый римлянин, оплакивающий смерть врага своей страны!" Даже ее отец одобрил этот жестокий поступок и не стал хоронить ее в своей семейной усыпальнице - так суровы были чувства римлян, ставивших честь страны превыше всего. Однако Гораций предстал перед царем за убийство и был приговорен к смерти; но народ умолял пощадить своего чемпиона, и его лишь заставили пройти под так называемым ярмом, то есть копьями, выставленными как дверной проем.

Тулл Гостилий одержал несколько побед над своими соседями, но он был суров и самонадеян и оскорбил богов, и когда он использовал какое-то заклинание, подобное тому, что использовал добрый Нума, чтобы вести беседу с Юпитером, разгневанный бог послал молнию и сжег его и его семью. Тогда народ выбрал Анкуса Мартина, сына дочери Нумы, который, как говорят, правил в духе своего деда, хотя и не смог избежать войн с латинянами. Считается, что первый мост через Тибр, названный Сублицианским, был построен именно им. В его время в Рим прибыла семья по имени Тарквиний. Их отец был коринфянином, поселившимся в этрусском городе Тарквиний, откуда и пошло название семьи. Считается, что именно он впервые обучил итальянцев письму, и действительно, римские буквы, которыми мы пользуемся до сих пор, - это упрощенные греческие буквы. Его старший сын, обнаружив, что из-за своей чужеземной крови он не может добиться почестей в Этрурии, отправился со своей женой Танакил и их маленьким сыном Луцием Тарквинием в Рим. Едва они приблизились к Риму, как с неба спустился орел, сорвал с маленького Тарквиния шапочку и улетел с ней вверх, но в следующий миг снова спустился и снова надел ее ему на голову. На это Танакиль предсказала, что ее сын станет великим королем, и он стал таким знаменитым воином, когда вырос, что, поскольку дети Анкуса были слишком малы, чтобы править после смерти отца, его выбрали королем. Говорят, что он был первым римским царем, который носил пурпурную мантию и золотую корону, а в долине между Палатинским и Авентинским холмами он построил цирк, где можно было устраивать игры, как у греков;

также он поставил каменные лавки и лавки для магазинов вокруг Форума и построил каменную стену вместо глинобитной вокруг города. Его обычно называют Тарквиний Приск, или старший.

АКТЕРЫ

В его доме жила прекрасная девушка-рабыня, которая подносила пироги домашнему духу Лару, когда он явился к ней в телесном облике. Когда она рассказала об этом матери короля, Танакиль, та сказала, что это знак того, что он хочет на ней жениться, и нарядила ее невестой для него. От этого брака родился мальчик, которого называли Сервий Тулл. Когда этот ребенок спал, вокруг его головы играли яркие языки пламени, и Танакиль знала, что он будет великим, и велела своему сыну Тарквину отдать ему в жены свою дочь, когда он вырастет. Это очень обидело двух сыновей Анкуса Марция, и они наняли двух юношей, чтобы те пришли к нему в качестве дровосеков с топорами за плечами, притворившись, что поссорились из-за каких-то коз, и пока он слушал их доводы, они зарубили его и смертельно ранили. Он потерял своих сыновей, и у него осталось только два внука, Арунс и Таркин, которые еще не могли царствовать; но пока он умирал, Танакиль стояла у окна и говорила, что он только оглушен и скоро поправится. Это, как она и предполагала, так напугало сыновей Анкуса, что они бежали из Рима; а Сервий Тулл, выйдя в царском одеянии, был тотчас же провозглашен царем всем народом Рима, так как он стал царем, чтобы защитить двух маленьких племянников своей жены, двух маленьких Тарквинов.

ГЛАВА V.

ИЗГНАНИЕ ТАРКВИНОВ.

578-309 ГГ. ДО Н.Э.

Сервий Тулл, по мнению римлян, начал создавать свои законы, так как Ромул навел порядок в их военных делах, а Нума уладил их религию. Римляне объединялись в большие кланы или семьи, носившие одно имя, и делились на племена. Более знатные, происходившие из старых троянских, латинских или сабинских семей, назывались патрициями - от *pater*, отец, потому что они были отцами народа; остальные семьи назывались плебеями - от *plebs*, народ. Патриции составляли сенат или правительственный совет и воевали верхом, а плебеи сражались пешком. У них были копья, круглые щиты и короткие заостренные мечи, которые резали с каждой стороны лезвия. Считается, что Тулл установил, сколько мужчин из каждого племени должно быть призвано на войну. Он также обнес город стеной на пять миль в окружности и издал множество законов, один из которых гласил, что если человек задолжал, его имущество может быть конфисковано, но сам он не может быть обращен в рабство. Он был большим другом плебеев и впервые установил правило, согласно которому новый закон сената не мог быть принят без согласия комиции, или всего свободного народа.

Сабиняне и римляне все еще боролись за господство, и у одного сабинского крестьянина была удивительно красивая корова. Оракул объявил, что тот, кто принесет эту корову в жертву Диане на Авентинском холме, обеспечит своему народу главную власть. Сабинец пригнал корову в Рим и собирался ее убить, но хитрый римский жрец сказал ему, что он должен сначала омыть руки в Тибре, а пока его не было, сам принес корову в жертву и таким образом закрепил власть за Римом. Огромные рога коровы долгое время после этого демонстрировались в храме Дианы на Авентине, где римляне, сабиняне и латиняне каждый год устраивали большое жертвоприношение.

Две дочери Сервия были выданы замуж за своих двоюродных братьев, двух молодых Тарквинов. В каждой паре были свирепый и нежный. Свирепая Туллия стала женой кроткого Арунса Тарквина, а кроткая Тулла вышла замуж за гордого Луция Тарквина. Жена Арунса пыталась уговорить мужа занять трон, принадлежавший его отцу, и когда он не послушал ее, договорилась с его братом Луцием, что пока он убивает ее сестру, она должна убить его брата, а потом они поженятся. Ужасное дело было исполнено, и старый Сервий, видя, какая злая пара придет после него, стал обсуждать с сенатом, не лучше ли иметь двух консулов или магистратов, выбираемых каждый год, чем одного царя. Это привело Луция Тарквина в еще большую ярость, и, отправившись в сенат, где патриции ненавидели царя как друга плебеев, он встал на трон и начал говорить патрициям, что это будет гибелью их величия, когда вошел Сервий и, стоя на ступеньках у входа, приказал ему спуститься. Таркин набросился на старика и отбросил его назад, так что от падения тот умер, а его тело осталось лежать на улице. Злая Туллия, желая узнать, как проехал ее муж, выехала на своей колеснице на ту дорогу. Лошади сдали назад перед трупом. Она спросила, что им мешает; подвозивший ее раб сказал ей, что это тело царя. "Езжай", - сказала она. Из-за этого ужасного поступка улицу стали называть "Скелератус", или "Злая". Но только плебеи оплакивали Сервия; патриции в гневе сделали Тарквина королем, но нашли его очень суровым и жестоким хозяином, так что

его обычно называют Тарквиний Сверхбашенный, или Тарквиний Гордый. В его время пришла Сивилла из Кумæ, та самая дивная дева глубокой мудрости, которая проводила Энея в царство Плутона, принесла девять книг пророчеств об истории Рима и предложила их ему по цене, которую он счел слишком высокой, и отказался. Она ушла, уничтожила три, а остальные шесть вернула, попросив за них двойную цену за все. Он отказался. Тогда она сожгла еще три и принесла ему последние три, цена которых снова была удвоена, потому что чем меньше их было, тем они были ценнее. Наконец он купил их и поместил в Капитолий, откуда их время от времени выносили, чтобы посоветоваться с ними как с оракулами.

ПЕЩЕРА СИБИЛЛЫ.

Рим находился в состоянии войны с городом Габии, и, поскольку город нельзя было покорить силой, Таркин попробовал прибегнуть к предательству. Его старший сын, Секст Тарквиний, бежал в Габии, жалуясь на жестокое обращение с ним отца и демонстрируя следы жестокого бичевания. Габийцы поверили ему, и вскоре он стал настолько доверенным лицом, что получил все командование над армией и управлял всем в городе. Тогда он послал гонца к отцу, чтобы узнать, что ему делать дальше. Таркин шел через кукурузное поле. Он ничего не ответил на словах, но с помощью рубильника срезал головки всех маков и высоких стеблей кукурузы и велел гонцу рассказать Сексту о том, что он видел. Секст все понял и добился того, чтобы все главные люди Габиев были изгнаны или преданы смерти, а без них город стал легкой добычей римлян.

Таркин послал двух своих младших сыновей и их двоюродного брата посоветоваться с оракулом в Дельфах, и с ними отправился Луций Юний, которого прозвали Брутом, потому что считалось, что он глуп, таково было значение этого слова; но его глупость была только напускной, потому что он боялся зависти своих двоюродных братьев. Выполнив поручение отца, два Тарквиния спросили, кто должен править Римом после их отца. "Тот, - ответила жрица, - кто первым поцелует свою мать по возвращении". Братья договорились, что сохраняют это в тайне от старшего брата Секста, и, едва добравшись до дома, оба бросились в

женские покои, стремясь первым обнять свою мать Туллию; но у самого входа в Рим Брут сделал вид, что поскользнулся, бросился на землю и поцеловал свою мать Землю, догадавшись таким образом о правильном смысле ответа.

Однако он терпеливо ждал, и его все еще считали глупцом, когда армия отправилась осаждать город Ардею; и пока войска стояли лагерем вокруг него, некоторые из молодых патрициев начали спорить, у кого из них лучшая жена. Они решили проверить это, поскакав поздно вечером галопом по своим домам и посмотрев, чем заняты их жены. Кто-то бездельничал, кто-то ходил в гости, кто-то бранился, кто-то одевался, кто-то спал; но в Коллатии, на ферме другого из рода Тарквинов, которую потом называли Коллатиной, они нашли его прекрасную жену Лукрецию среди своих служанок, прядущих шерсть для стада. Все согласились, что она была лучшей из жен; но злой Секст Таркин хотел только украсть ее у мужа и, отправившись ночью в Коллатию, пытался заставить ее покинуть своего господина, а когда она не послушала его, жестоко обошелся с ней и сказал, что должен обвинить ее перед мужем. Она была так переполнена горем и стыдом, что утром послала за отцом и мужем, рассказала им обо всем случившемся и, сказав, что не может выносить жизнь после такого позора, достала кинжал и закололась у них на глазах, думая, как и все эти язычники-римляне, что лучше умереть от собственной руки, чем жить в позоре.

Луций Брут отправился в Коллатию со своим двоюродным братом, и пока Коллатин и его тесть стояли в ужасе, он призвал их отомстить за это преступление. Выхватив кинжал из груди Лукреции, он галопом помчался в Рим, созвал народ на Форум и, держа в руке окровавленное оружие, обратился к нему с речью, спрашивая, будут ли они больше терпеть такую семью тиранов. Все поднялись как один человек и, избрав своими вождями Брута и Коллатина, консулов, которых Сервий Тулл думал сделать консулами, закрыли ворота Рима и не открывали их, когда Таркин и его сыновья вернулись. Так закончилось Римское царство.

ГЛАВА VI.

ВОЙНА С ПОРСЕНОЙ.

Со времени бегства Тарквинов Римом управляли два консула, носившие все знаки царской власти, кроме короны. Таркин бежал в Этрурию, откуда пришел его дед, и оттуда пытался

попасть в Рим. Два юных сына Брута и племянники Коллатина были втянуты в заговор с целью вернуть их обратно, а после его раскрытия предстали перед двумя консулами. Их вина была доказана, и отец сурово спросил, что они могут сказать в свое оправдание. Они только плакали, как и Коллатин и многие сенаторы, восклицая: "Изгоните их, изгоните их". Однако Брут, словно не дрогнув, велел палачам исполнять свой долг. Весь сенат вскрикнул, услышав, как отец осуждает собственных детей, но он был решителен и действительно смотрел, как молодых людей сначала бичевали, а затем обезглавливали.

Коллатин отложил дальнейший суд, надеясь спасти своих племянников, и Брут сказал им, что предал их смерти своей властью, как отец, но остальное оставил на усмотрение народа, и они были отправлены в изгнание. Даже Коллатина сочли слабохарактерным и отправили в изгнание - римляне решили, что среди них не будет никого, кто бы не поддерживал их постановления до конца. Таркин подошел к стенам, срубил всю растущую вокруг *Samrus Martius* кукурузу и бросил ее в Тибр; там она образовала кучу, вокруг которой впоследствии образовался остров. Сам Брут и его двоюродный брат Арунс Таркин вскоре после этого убили друг друга в единоборстве в битве за стенами, и все женщины Рима оплакивали его как отца.

Таркин нашел друга в лице этрусского царя по имени Ларс Порсена, который привел армию, чтобы осадить Рим и восстановить его на троне. Он подошел к воротам Яникулум на Тибре и выбил римлян из форта на другом берегу реки. Затем римляне отступили по мосту, поставив трех человек охранять его до тех пор, пока все не перейдут и мост не будет разрушен.

БРУТ ОСУЖДАЕТ СВОИХ СЫНОВЕЙ.

Трое храбрецов - Гораций, Ларций и Герминий - охраняли мост, пока их сограждане бежали по нему, трое человек против целой армии. Наконец оружие Лартия и Герминия было сломано, и Гораций велел им поспешить через мост, пока он еще мог выдержать их вес. Сам он сражался до тех пор, пока не был ранен в бедро, а последние бревна моста не стали падать в поток. Тогда, раскинув руки, он призвал отца Тибра принять его, прыгнул в реку и переплыл ее под ливнем стрел, одна из которых выбила ему глаз, и он остался хромым на всю жизнь. В храме Вулкана была установлена статуя, изображающая его "стоящим на бедре", и он был вознагражден таким количеством земли, которое одно ярмо волов могло вспахать за день, а 300 000 граждан Рима дали ему дневной запас кукурузы.

Затем Порсена блокировал город, и когда римляне почти умирали от голода, он послал им весточку, что даст им еды, если они примут своих старых хозяев; но они ответили, что голод лучше рабства, и продолжали держаться. В самый разгар их бедствия пришел молодой человек по имени Кай Муций и попросил у консулов разрешения переправиться через Тибр и попытаться спасти свою страну. Они разрешили, и, пробираясь через этрусский лагерь, он вошел в царский шатер как раз в тот момент, когда Порсена наблюдал за прохождением своих войск в полном порядке. Один из его советников сидел рядом с ним, так богато одетый, что Муций не знал, кто из них король, и, подскочив к ним, он ударил советника ножом в сердце. Его тут же схватили и потащили к царю, который яростно спросил, кто он такой и что означает такое преступление.

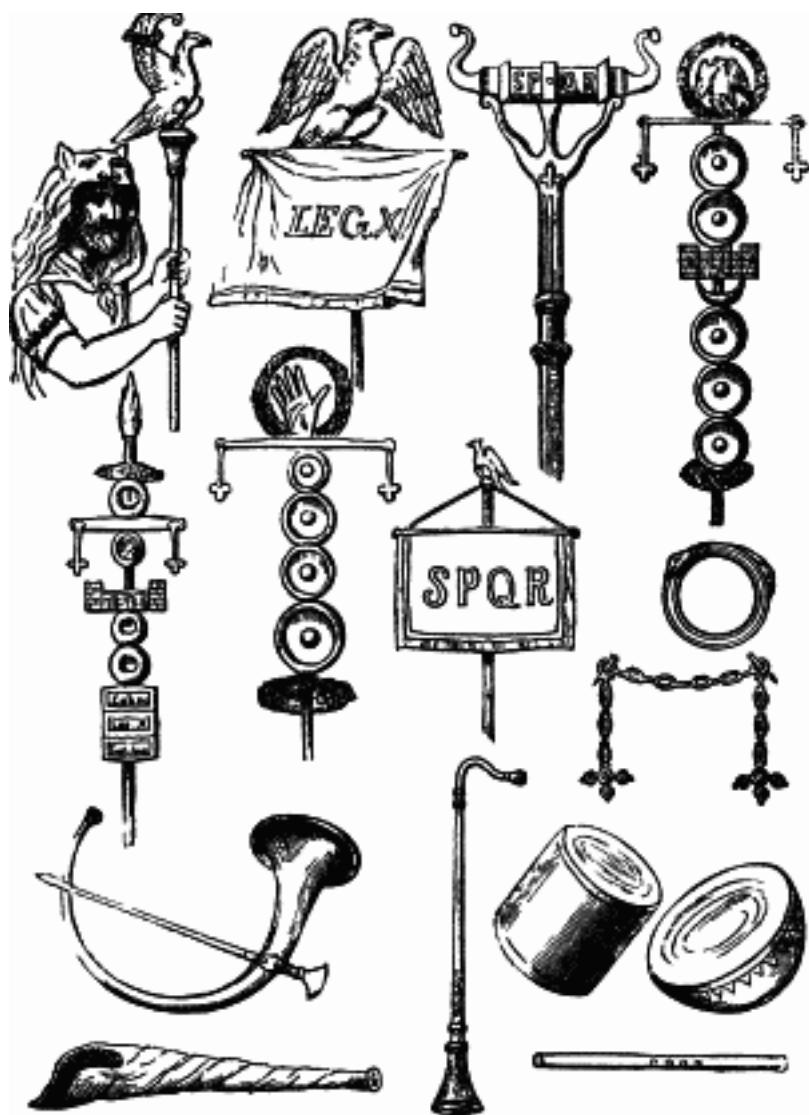
Юноша ответил, что его зовут Кай Муций и что он готов на все ради Рима. В ответ на угрозы пыток он спокойно протянул правую руку и сунул ее в пламя, горевшее в мангале неподалеку, и держал ее там без признаков боли, предлагая Порсене увидеть, что римлянин думает о страданиях.

Порсена был так поражен, что сразу же отдал смельчаку свою жизнь, свободу и даже кинжал; тогда Муций сказал ему, что триста таких же юношей, как он сам, поклялись лишиться его жизни, если он не оставит Риму свободу. Это была ложь, но и ложь, и убийство были совершены ради Рима; ими восхищались римляне, считавшие благополучие своего города своим первейшим долгом. Муций никогда больше не мог пользоваться правой рукой, и его всегда называли Сцеволой, или Леворуким, - это имя перешло к его семье.

Порсена поверил в эту историю и начал заключать мир. Было заключено перемирие, и десять римских юношей и столько же девушек были отданы этрускам в качестве заложников. Пока шли переговоры, одна из римских девушек по имени Клелия забыла о своем долге настолько, что поплыла домой через реку вместе со всеми своими спутниками; но Валерия, дочь консула, была встречена со всем гневом, которого заслуживало нарушение доверия, и ее отец сразу же сел на коня, чтобы отвести партию обратно. Едва они достигли этрусского лагеря, как на них обрушились отец и братья Тарквины с целым отрядом врагов. Пока консул сражался с грозной силой, Валерия бросилась в лагерь и позвала Порсену и его сына. Они, сильно огорченные тем, что перемирие было нарушено, оттеснили своих людей и были так разгневаны на тарквинов, что отказались от своего дела. Он спросил, кому из девушек удалось бежать, и, когда Клелия призналась, что ей самой, сделал ей подарок - прекрасную лошадь и амуницию, которых она мало заслуживала.

Этого Валерия прозвали Публикола, или друг народа. Он умер через год или два после стольких побед, что римляне почитали его среди своих величайших героев. Таркин все еще продолжал искать поддержки среди различных италийских народов и снова напал на римлян с помощью латинян. Главная битва произошла недалеко от озера Регилл;

полководцем был Аулус Постумий, а конным генералом - Марк Валерий, брат Публиколы. Он поклялся построить храм Кастору и Поллуксу, если римляне одержат победу; в начале битвы во главе римских коней появились два славных юноши богоподобного телосложения и сражались за них. Это была очень тяжелая битва. Валерий был убит, но и Тит Таркин тоже, а латинские войска были полностью разбиты и разгромлены. Вечером того же дня двое юношей прискакали на Форум, их лошади были в поту, а оружие окровавлено. Они остановились и омылись в фонтане у храма Весты, а когда вокруг собрался народ, рассказали о великой победе, и хотя один человек по имени Домиций сомневался в этом, так как озеро Регилл было слишком далеко, чтобы вести доходили так быстро, один из них положил руку на бороду сомневающегося и в мгновение ока изменил ее цвет с черного на медный, так что его стали называть Домиций Агенобарбус, или Меднобородый. Затем они исчезли, а на следующее утро гонец Постумия принес весть. Римляне не сомневались, что это действительно славные близнецы, и построили им храм, как и обещал Валерий.

РИМСКИЕ ПРАПОРЩИКИ, ШТАНДАРТЫ, ТРУБЫ И Т. Д.

Таркин потерял всех своих сыновей и умер в жалком изгнании в Куме. На этом заканчивается то, что считается легендарной историей Рима, ибо, хотя большинство этих историй имеют даты, а некоторые и вовсе правдоподобны, к ним примешано столько явной неправды, что их

можно рассматривать только как старые истории, переданные для объяснения римских обычаев и переписанные их историками.

ГЛАВА VII.

РИМСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Насколько можно судить по подлинной истории, у римлян действительно были цари, и они их изгнали, но есть признаки того, что, хотя Порсена и был настоящим царем, война не была столь почетной для римлян, как они говорили, ибо он взял город и заставил их отдать ему все свое оружие, оставив им только орудия для земледелия. Но они любили забывать о своих несчастьях.

Старшие римские семьи назывались патрициями, или отцами, и считали, что все права на управление принадлежат им. Поселенцы, пришедшие позже, назывались плебеями, или народом, и поначалу не имели никаких прав, поскольку вся земля принадлежала патрициям, и единственным способом для плебеев добиться чего-либо для себя было стать прихлебателями - или, как они это называли, клиентами - какого-нибудь патриция, который заботился об их интересах. Существовал совет патрициев, называемый сенатом, который выбирался из их числа и в который по праву входили все, кто был главными магистратами. Все собрание патрициев называлось комицией. Они, как уже говорилось, сражались верхом, а плебеи - пешком; но из богатых плебеев образовалось сословие, называемое рыцарями, которые тоже пользовались лошадьми и носили золотые кольца, как патриции.

ГОЛОВА ЮПИТЕРА.

Но плебеи всегда старались не оставаться в стороне от всего. Так, по их словам, при Сервии Туллии город был разделен на шесть кварталов, а все живущие в них семьи - на шесть племен, каждое из которых имело трибуна, следившего за ним, определявшего число его мужчин и водившего их в бой. Еще одно деление граждан на патрициев и плебеев проводилось каждые пять лет. Всех их пересчитывали, перечисляли и делили на столетия в соответствии с их богатством. Затем эти столетия, или сотни, голосовали по выбору лиц, когда речь шла о мире или войне. Их собрание называлось комицией; но поскольку патрицианских веков было больше, чем плебейских, патриции все равно обладали гораздо большей властью. Кроме того, сенат и все магистраты в те времена всегда были патрициями. Эти магистраты выбирались каждый год. Было два консула, которые в то время были подобны царям, только не носили короны; они были в пурпурных одеждах, сидели в креслах, украшенных слоновой костью, и их всегда сопровождали ликторы, которые несли связки прутьев, связанных вокруг топора - первый для бичевания, второй для обезглавливания. При них было два претора, или судьи, которые разбирали правонарушения; два квестора, которые следили за общественными зданиями; и два цензора, которые должны были следить за нумерацией и регистрацией людей по племенам и векам. Консулы в целом командовали армией, но иногда, когда возникала большая необходимость, выбирался один вождь, которого называли диктатором. Иногда диктатора выбирали просто для того, чтобы исполнить предзнаменование, вбив гвоздь в голову огромной статуи Юпитера в Капитолии. Кроме того, все жрецы должны были быть патрициями; главный из них назывался Pontifex Maximus. Некоторые говорят, что так он назывался потому, что был *факсом* (создателем) *понтов* (мостов), так как благословлял их и определял по предзнаменованиям, где они должны находиться; другие же считают, что это слово было Pontifex, и что он был создателем помп или церемоний. Было много жрецов, а также авгуров, которые должны

были извлекать предзнаменования из полета птиц или появления жертв, а также вести учет удачных и несчастливых дней в календаре и праздников.

ЖЕНСКИЕ КОСТЮМЫ.

Римляне в те времена были очень религиозным народом и не считали свою жизнь и свои привязанности дорогими по сравнению с обязанностями перед алтарями и очагами, хотя их представления о долге не всегда совпадают с нашими. В городе они одевались в белую шерстяную одежду с пурпурной каймой - по форме она, должно быть, больше напоминала шотландский плед, чем что-либо другое, - и оборачивались вокруг нее так, чтобы одна рука оставалась свободной: иногда складку заводили за голову. Носить ее мог только свободнорожденный римлянин, и он никогда не выходил без нее на государственные дела, даже когда более удобные фасоны были скопированы из Греции. Те, кто просил голоса на государственную должность, носили его белым (*candidus*) и поэтому назывались кандидатами. У консулов в торжественные дни оно было полностью пурпурным и расшитым, а у всех сенаторов и бывших магистратов - с более широкой пурпурной каймой. Дамы носили длинное изящное платье, мальчишки - короткую тунику, а на шее у них висел полый золотой шар, называемый *буллой*, или пузырем. Когда юноше исполнялось семнадцать лет, совершалось большое семейное жертвоприношение Ларесу и праотцам, с него снимали буллу, надевали тогу и зачисляли под своим собственным прозвищем - Кайус, Луций или какое-либо другое, поскольку выбор был только из пятнадцати. После этого он должен был быть призван на бой. От каждого племени трибун выбирал определенное количество мужчин. Их делили на столетия, каждое из которых возглавлял центурион, а все вместе

называлось легионом, от *lego* - выбирать. В более поздние времена численность легиона составляла 6000 человек. У каждого легиона был штандарт - перекладина через верх копья, на которой были буквы S P Q R - *Senatus, Populus Que Romanus*, означающие римский сенат и народ, пурпурный флаг внизу и фигура вверху, например, орел, волк и близнецы или какая-нибудь дорогая римлянам эмблема. Легионы были пешими, но войска патрициев и рыцарей на лошадях были прикреплены к ним и должны были их защищать.

ЖЕНСКИЕ КОСТЮМЫ.

Богатство римлян в те времена было невелико, они владели в основном небольшими хозяйствами в деревне, которые обрабатывали сами с помощью своих сыновей и рабов. Самыми богатыми зачастую были плебеи. Они тоже владели фермами, которые им сдавало в аренду государство, и часто имели небольшие магазины в Риме. Вся территория была настолько мала, что в Рим было легко приехать на богослужение, в сенат или на голосование, и многие не имели домов в городе. Каждый мужчина женился с помощью кольца и жертвоприношения, после чего даму переносили через порог, на который расстилали овчину, и делали хозяйкой дома, приказывая быть Кайей для Кая. В те времена римские матроны были добрыми и благородными женщинами, и высшей похвалой для них была фраза *Domum mansit, lanam fecit* - она сидела дома и пряла шерсть. Каждый мужчина был абсолютным хозяином в своем доме и имел полную власть над своими взрослыми сыновьями, даже на жизнь и смерть, и они почти всегда полностью подчинялись. Ведь римляне были не только храбры, но и совершенно послушны, они подчинялись, как могли, своим отцам, офицерам, магистратам и, как они считали, своим богам.

ГЛАВА VIII.

БАСНЯ МЕНЕНИЯ АГРИППЫ.

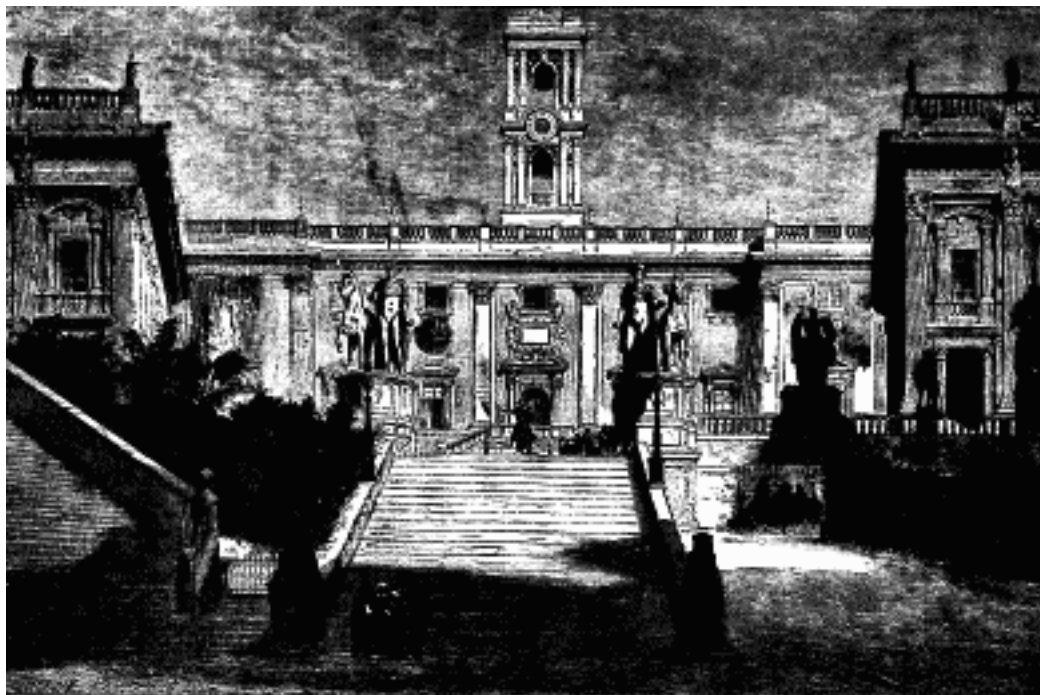
494 Г. ДО Н.Э.

Большая часть истории Рима состоит из борьбы между патрициями и плебеями. В те ранние времена плебеи часто были бедны, и когда они хотели улучшить свои земли, им приходилось занимать деньги у патрициев, которые не только имели большие земли, но и, поскольку они были офицерами на войне, получали большую долю трофеев. Римский закон был суров к задолжавшему человеку. Его земли могли конфисковать, бросить в тюрьму или продать в рабство вместе с женой и детьми, а при желании кредиторов разрезать на части, чтобы каждый мог получить свою долю.

Один из этих должников, человек, прославившийся храбростью как центурион, вырвался из своей тюрьмы и прибежал на Форум, весь в лохмотьях, с цепями, все еще висевшими на руках и ногах, показывая их своим согражданам и спрашивая, справедливо ли это по отношению к человеку, не совершившему никакого преступления. Они были очень рассержены, тем более что один из консулов, Аппий Клавдий, как известно, был очень суров, горд и жесток, как и вся его семья. В это же время на их землю ворвались вольски, племя, часто враждовавшее с ними, и римляне призвали их к оружию, но плебеи отказались выступить в поход, пока их обиды не будут исправлены. Тогда другой консул, Сервилий, обещал принять закон, запрещающий держать граждан в тюрьме за долги или делать рабами их детей; после этого армия собралась, выступила в поход против врагов и победила их, отдав всю добычу своим войскам. Но сенат, когда опасность миновала, не сдержал своих обещаний и даже назначил диктатора, чтобы усмирить плебеев. Тогда они собрались за стенами в большом количестве и собирались напасть на патрициев, когда был послан мудрый старец Менений Агриппа, чтобы попытаться их утихомирить. Он рассказал им басню о том, что однажды все конечности человека стали испытывать отвращение к услуге, которую они должны были оказывать животу. Ноги носили его, руки работали на него и приносили ему пищу, рот ел за него и так далее. Они сочли, что всем тяжело на него

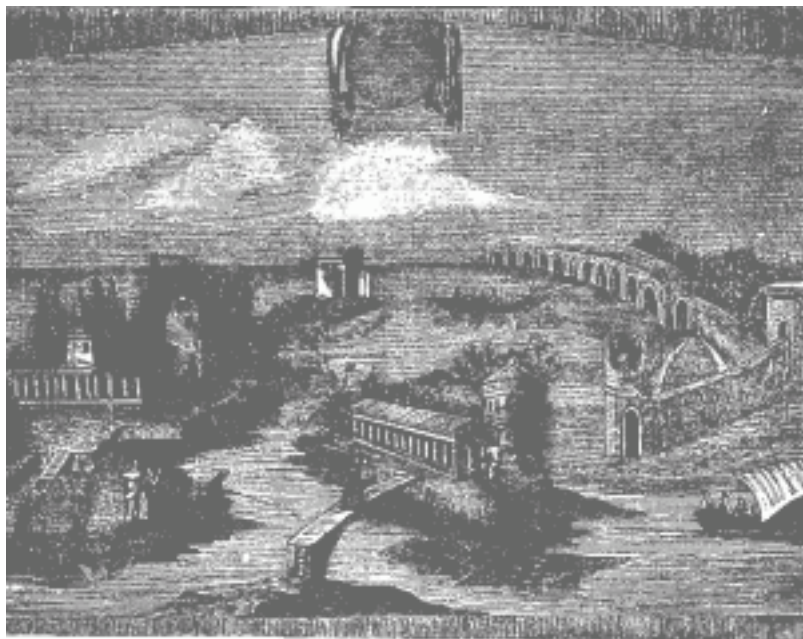
работать, и согласились ничего для него не делать - ни носить его на себе, ни одевать, ни кормить. Но вскоре все обнаружили, что слабеют и голодают, и были вынуждены признать, что погибнут все вместе, если не будут и дальше ждать это бесполезное на первый взгляд животное. Тогда Агриппа сказал им, что все сословия и государства зависят друг от друга, и если все не будут работать вместе, то все придет в смятение и упадок. Эта басня, похоже, убедила и богатых, и бедных; должников освободили, а долги простили. И хотя законы о долгах, похоже, не были изменены, был принят другой закон, по которому плебеи получали трибунов как в мирное, так и в военное время. Эти трибуны всегда должны были быть плебеями, выбранными своими товарищами. Никому не разрешалось причинять им вред в течение года их пребывания в должности под страхом проклятия и потери имущества; они имели право остановить любое решение сената, торжественно сказав: "*Veto*, запрещаю". Они назывались народными трибунами, в то время как офицеры на войне назывались военными трибунами; а поскольку решение принималось на Священной горе, эти законы назывались "*Сакральными законами*" (*Leges Sacrae*). Для их освящения был построен алтарь Громовержцу Юпитеру, и в благодарность за его управление Менений Агриппа всю жизнь пользовался большим почетом, а после его смерти состоялись публичные похороны.

Но борьба плебеев с патрициями отнюдь не была закончена. Римская земля - агри (акр), как ее называли, - сначала была разделена на равные доли, по крайней мере, так говорили, но все время как принадлежащая государству и находящаяся только в собственности оккупанта. Со временем кто-то, разумеется, собрал больше в свои руки, а кто-то из расточительных или неблагополучных семей остался без средств к существованию. Тогда поднялся шум, что, поскольку земли принадлежат всему государству, оно должно забрать их обратно и разделить поровну, но патриции, естественно, считали себя собственниками и не желали слышать об этой схеме, о которой мы еще не раз услышим под названием Аграрного закона. Один из патрициев, трижды бывший консулом, по имени Спурий Кассий, сделал все возможное, чтобы добиться этого, но, хотя закон был принят, он не смог добиться его исполнения. Патриции возненавидели его, и по стране поползли слухи, что он добивается расположения народа только для того, чтобы самому стать царем. Это заставило плебеев выступить против него как против предателя; он был осужден всем собранием народа и обезглавлен, после того как его подвергли бичеванию ликторы. Народ вскоре оплакивал своего друга и считал, что его обманули, отдав врагам. Сенат не стал исполнять его закон, и плебеи не пошли на следующую войну, хотя сенат грозился вырубить фруктовые деревья и уничтожить урожай каждого, кто откажется вступить в армию. Когда же их совсем загнали в строй, они даже отказались обнажить мечи перед лицом врага и не желали одерживать победу, чтобы честь не досталась их консулу.

СЕНАТОРСКИЙ ДВОРЕЦ.

Этого консула звали Кессо Фабий. Он принадлежал к очень умной, настороженной семье, чье имя, как говорят, первоначально было *Foveus* (ров), потому что они первыми придумали ловить волков в ямах или рвах. Они считались такими прекрасными защитниками притязаний патрициев, что в течение семи последующих лет то один, то другой из Фабиев избирался консулом. Но со временем они стали убеждаться, что плебеи имеют права, или что им лучше держаться на их стороне, и перешли на их сторону; когда Кессо стал следующим консулом, он сделал все возможное, чтобы добиться выполнения законов Кассия, но сенат был в ярости на него, и он решил, что оставаться в Риме после окончания его консульства небезопасно. Поэтому он решил во что бы то ни стало принести пользу своей стране. Этруски часто переходили границу и опустошали страну; но на берегу маленькой речки Кремеры, впадающей в Тибр, стояла сторожевая башня, и Фабий предложил со всеми людьми своего имени - 306 человек и 4000 клиентов - охранять ее от врагов. Некоторое время они процветали там и получили много добычи от этрусков; но наконец против них выступило все этруское войско, сначала показав лишь небольшое число людей, чтобы склонить их к бою, а затем обрушившись на них всем войском и перебив всех, так что из всего войска остался лишь один четырнадцатилетний мальчик, который был оставлен в Риме. И что еще хуже, консул Тит Менений находился так близко от армии, что мог бы спасти Фабиев, если бы не ненависть патрициев к ним как к дезертирам из их дела.

ВИД НА РИМСКУЮ ГАВАНЬ.

Однако трибун Публилий добился для плебеев, чтобы трибунов было пять, а не два, и внес изменения в порядок их избрания, чтобы патриции не могли вмешиваться. Также было постановлено, что прерывание трибуна во время публичной речи заслуживает смерти. Но всякий раз, когда консулом становился Аппий Клавдий, он мстил и был жестокосерден, особенно в лагере, где консул как полководец имел гораздо больше власти, чем в Риме. И снова разъяренные плебеи не хотели сражаться, а бросали оружие при виде врага. Клавдий бичевал и обезглавливал; они терпели мрачно и молча, зная, что, когда он вернется в Рим и закончится его консульство, трибуны призовут его к ответу. Так они и сделали, и перед всеми племенами Рима призвали его к ответу за жестокое обращение со свободными римскими гражданами. Он дал яростный отпор, но, предвидя, чем это обернется для него, предал себя смерти, чтобы избежать приговора. Так римляне вновь и вновь доказывали истинность притчи Агриппы о том, что ничто не может быть в порядке ни с телом, ни с членами, если каждый из них не будет готов служить другому.

ГЛАВА IX.

КОРИОЛАН И ЦИНЦИННАТ.

458 Г. ДО Н.Э.

В то время, когда дома шла борьба между патрициями и плебеями, шли войны с соседними племенами - вольсками, вейями, латинами и этрусками. Каждую весну воины выходили в поход, нападали на соседей, отгоняли их скот, пытались взять какой-нибудь город, затем сражались и возвращались домой, чтобы осенью собрать урожай, виноград и оливки, а зимой заняться государственными делами и проголосовать за магистратов. Это были небольшие войны, но в них сражались знаменитые люди. В войне с вольскианцами, когда Коминий был консулом, он осаждал город Кориоли, когда пришло известие, что против него идут люди из Антиума, и при первой атаке на стены римляне были отбиты, но галантный молодой патриций, потомок царя Анкуса Марция, Кай Марций по имени, сплотил их и повел назад с таким духом, что место было взято до того, как подошло вражеское войско; затем он сражался среди первых и одержал победу. Когда его, покрытого ранами, принесли в палатку консула, Коминий сделал все возможное, чтобы выразить свою благодарность: возложил на голову юноши венец победы, дал ему в честь его подвигов фамилию Кориолан и пожаловал ему десятую часть добычи из десяти пленных. Однако из них Кориолан принял только одного, старого друга семьи, которого сразу же отпустил на свободу. После этого, когда в Риме разразился сильный голод, Кориолан отправился в Антиохию и пригнал много кукурузы и скота, которые раздал, не оставив себе ни одного.

Но, несмотря на такую свободу действий, Кориолан был гордым, застенчивым человеком, не хотел дружить с плебеями, и трибуны ненавидели его так же сильно, как он их презирал. Его избрали консулом, но трибуны не позволили ему стать им; когда из Сицилии прибыл корабль

с пшеницей, между ними разгорелась ожесточенная ссора по поводу того, как ее распределять. Трибуны поставили его перед народом за утаивание пшеницы, и по решению большого числа граждан он был изгнан из римских земель. Его гнев был велик, но тих. Он без единого слова ушел с Форума в свой дом, где оставил свою мать Ветурию, жену Волумнию и маленьких детей, а затем отправился к очагу вождя вольсков Тулла, в войске которого он собирался сражаться, чтобы отомстить за своих соотечественников.

Вместе они двинулись на римскую территорию и, опустошив страну, пригрозили осадить Рим. Выходили знатные люди и умоляли его отказаться от этой злой и жестокой мести, пожалеть друзей и родной город, но он отвечал, что вольскианцы теперь его народ и ничто не заставит его сдвинуться с места. Наконец, однако, вышли все женщины Рима во главе с его матерью Ветурией и его женой Волумнией, каждая с маленьким ребенком, и Ветурия самым трогательным образом умоляла и приказывала своему сыну изменить свою цель и прекратить губить свою страну, умоляя его, если он намерен уничтожить Рим, начать с убийства ее. Она бросилась ему в ноги, когда говорила, и его твердый дух сдался.

"Ах, мать, что ты делаешь?" - воскликнул он, поднимая ее на руки. "Ты спасла Рим, но потеряла своего сына".

РИМСКИЙ ЛАГЕРЬ

Так и случилось: когда он разбил свой лагерь и вернулся на территорию вольсков, пока сенат не отзовет его по своему усмотрению, Тулл, разгневанный и разочарованный, поднял беспорядки, и он был убит народом, прежде чем его успели отправить в Рим. На месте, где Ветурия преклонила перед ним колени, был воздвигнут храм "Женской удачи".

Другой очень гордой патрицианской семьей были Квинкции. Отца, Луция Квинкция, называли Цинциннатом из-за длинных ниспадающих локонов волос. Он был самым способным человеком среди римлян, но суровым и серьезным, а его старший сын Кесо был обвинен трибунами в убийстве и бежал из страны. Вскоре после этого произошло великое нашествие эков и вольсков, и римляне оказались в большой опасности. Видя, что никто не может спасти их, кроме Цинцинната, они поспешно собрались и выбрали его диктатором,

хотя он и не присутствовал. К нему на маленькую ферму на Тибре послали гонцов, которые нашли его, держащего на сваях плуг. Когда они рассказали о своем поручении, он повернулся к жене, которая помогала ему, и сказал: "Рацилия, принеси мне мою тогу"; затем он омыл лицо и руки и был приветствован как Диктатор. Лодка была готова доставить его в Рим, и когда он высадился, его встретили четыре с двадцатью ликторами, принадлежавшими двум консулам, и проводили в его жилище. Утром он назначил генералом кавалерии Луция Тарквиция, храброго старого патриция, который стал слишком беден, чтобы держать лошадь. Выступив во главе всех людей, способных носить оружие, он основательно разгромил эки, а через шестнадцать дней сложил с себя диктаторские полномочия. Не приняв ничего из добычи, он вернулся к своему плугу, и единственной наградой ему было то, что его сын был прощен и возвращен из изгнания.

ПАХОТА

Это великие старые истории, дошедшие до нас из глубины веков, но насколько они правдивы, никто сказать не может, и есть основания полагать, что, хотя вожди вроде Цинцинната и Кориолана могли быть храбрыми, на самом деле римляне были сильно потеснены вольсками и экиями и потеряли много земли, хотя и были слишком горды, чтобы признать это. Неудивительно, ведь два порядка государства постоянно тянулись в разные стороны. Однако в 454 году трибун Ицилий добился того, что Авентинский холм был отдан плебеям, и у них появился еще один чемпион по имени Луций Сициний Дентатус, который был настолько храбр, что его называли римским Ахиллом. До пятидесяти восьми лет он получил не менее сорока пяти ран в различных поединках и имел четырнадцать гражданских корон. Ведь римляне давали венок из дубовых листьев, который они называли гражданской короной, тому, кто спас жизнь согражданину, и настенную корону тому, кто первым поднялся на стены осажденного города. А когда консул одерживал великую победу, он устраивал так называемый триумф. Он въезжал в город на своей колеснице, перед ним шли победоносные

войска с копьями, овитыми лавровыми ветвями, на голове у него был лавровый венок, в колеснице сидели его маленькие дети, а за ними везли добычу врага. Весь народ украсил свои дома и вышел, ликуя, в праздничной одежде, а он направился в Капитолий, чтобы принести там в жертву Юпитеру быка. Его главные пленники шли за его машиной в цепях, а в момент жертвоприношения их отвели в камеру под Капитолием и там предали смерти, ибо римлянин был жесток в своей радости. Ничто не было так желанно, как такой триумф; но между плебеями и патрициями часто возникала такая ненависть, что иногда плебейская армия останавливалась посреди победоносной кампании, чтобы помешать триумфу своего консула. Говорят, что однажды так поступил даже Сициний, и стало ясно, что Рим должен пасть, если он и дальше будет так разделен против себя.

ГЛАВА X.

ДЕЦЕМВИРЫ.

450 Г. ДО Н.Э.

Римляне начали понимать, к каким бедам приводят их раздоры, и решили отправить трех лучших и мудрейших людей в Грецию, чтобы они изучили законы Солона в Афинах и сообщили, можно ли применить какие-либо из них в Риме.

Чтобы привести в рабочее состояние новый свод законов, который они привезли домой, было решено на время отказаться от консулов, преторов и трибунов, а назначить десять

правителей, возможно, в подражание девяти афинским архонтам. Их называли децемвирами (*decem* - десять; *vir* - человек), а во главе их поставили Луция Аппия Клавдия, внука того, кто покончил с собой, чтобы избежать осуждения за свою суровость. Сначала они управляли хорошо, и был составлен очень хороший свод законов, который римляне называли Законами десяти таблиц; но Аппий вскоре начал поддаваться гордости своей натуры и стал ненавистен. Была война с эки, в которой римляне потерпели поражение. Старый Сициний Дентат сказал, что это произошло из-за плохого управления, и, поскольку он участвовал в ста двадцати битвах, все ему поверили. Тогда Аппий Клавдий послал за ним, попросил совета и предложил присоединиться к армии, чтобы помочь командирам. Они приняли его радушно, а когда он посоветовал им перенести свой лагерь, попросили его пойти и выбрать место и послали с ним стражу из ста человек. Но это были настоящие жалкие люди, которым было поручено убить его, и как только он оказался в узком скалистом проходе, они набросились на него. Старый храбрый воин прижался спиной к скале и сражался так яростно, что убил многих, а остальные не посмели к нему подойти, но взобрались на скалу и раздавили его камнями, скатившимися на голову. Потом они вернулись назад, рассказав, что на них напал враг, и в это поверили, пока не отправились хоронить мертвых и не обнаружили, что вокруг раздавленного тела Сициния лежат только римские трупы, и ни с одного из них не сняты доспехи и одежда. Тогда выяснилась истинная история, но децемвиры укрыли полководцев и ничему не поверили против них.

Вскоре Аппий Клавдий совершил то, что ужаснуло всех честных людей еще больше, чем это предательство старого храброго солдата. Форум был не только местом общественных собраний по государственным делам, но и обычным рынком, где стояли лавки и киоски со всеми товарами, которыми торговали римляне, - мясные лавки, шерстяные лавки, лавки, где продавали вино в глиняных кувшинах или кожаных бутылках, и даже кабинки, где обучали чтению и письму мальчиков и девочек, которые учились, рисуя буквы на песке, а потом писали их железным пером на воощенном столе в раме или тростью на пергаменте. Дети из каждой семьи приходили в сопровождении раба: девочки - с няней, мальчики - с тем, кого называли педагогом.

СМЕРТЬ ВИРДЖИНИИ.

Аппий, направляясь на свое судейское место через Форум, увидел в одной из этих школ девочку лет пятнадцати, читавшую свой урок. Она была так прекрасна, что он спросил у ее кормилицы, кто она, и услышал, что ее зовут Виргиния, что она дочь почтенного плебея и храброго центуриона по имени Виргиний, который отсутствовал с войском, сражавшимся с икциями, и что она должна была выйти замуж за молодого человека по имени Ицилий, как только закончится кампания. Аппий с радостью женился бы на ней сам, но патрицианский закон запрещал жениться на плебейках, и он решил, что если не сможет взять ее в жены, то возьмет в рабыни.

Среди его клиентов был один Марк Клавдий, которому он заплатил, чтобы тот придумал историю о том, что жена Виргиния Нумитория, которая умерла, вообще никогда не имела ребенка, но купила младенца у одного из его рабов и обманула этим своего мужа, и таким образом бедная Виргиния действительно была его рабыней. Когда девушка читала в своей школе, этот негодяй и группа ему подобных набросились на нее, заявив, что она его собственность и что он ее увезет. Поднялся большой шум, и ее тащили до самого судилища Аппия; но к тому времени ее верная кормилица позвала дядю бедной девушки Нумитория, который смог ответить, что она действительно ребенок его сестры. Но Аппий не стал его слушать и добился лишь того, что решение по этому делу будет вынесено только после того, как Виргиния будет доставлена из лагеря.

СКАЧКИ ШАРИОТА.

Виргиний отправился из лагеря вместе с Ицилием еще до того, как посланцы Аппия добрались до полководца с приказом остановить его, и пришел на Форум, ведя за руку свою дочь, плачущую, в сопровождении множества дам. Клавдий привел свою рабыню, которая дала ложную клятву, что продала ребенка в Нумиторию; с другой стороны, все родственники Виргиния и его жены привели такие доказательства обратного, которые любой честный судья счел бы достаточными, но Аппий предпочел заявить, что истина на стороне его клиента. Все люди зашумели, но он нахмурился и сказал им, что знает об их собраниях и что в Капитолии есть солдаты, готовые наказать их, поэтому они должны отойти и не мешать господину вернуть своего раба.

Виргиний взял свою бедную дочь на руки, словно желая обнять ее в последний раз, и привлек ее к стойлу мясника, где лежал большой нож. Он вытер ее слезы, поцеловал и, сказав: "Дорогая моя девочка, нет иного выхода, кроме этого", - выхватил нож и вонзил его в ее сердце, а затем, вытащив его, воскликнул: "Этой кровью, Аппий, я посвящаю твою кровь адским богам".

Он не смог дотянуться до Аппия, но и ликторы не смогли его схватить, и он сел на коня и галопом поскакал обратно к войску, за ним следовали четыреста человек, а он все прибывал с ножом в руках. Каждый солдат, услышавший эту историю, решил больше не терпеть децемвиров, а немедленно отправиться в город и настоять на восстановлении старой власти. Декабристские генералы пытались остановить их, но те лишь отвечали: "Мы - люди с мечами в руках". В то же время в городе начались такие волнения, что Аппий был вынужден спрятаться в своем доме, пока труп Виргиния несли на тележке по улицам, и каждый возлагал на него гирлянды, платки и венки из своих волос. Когда прибыли войска, они вместе с народом стали требовать, чтобы декабристов отдали им на сожжение живыми, а старые магистраты были восстановлены. Однако два патриция, Луций Валерий и Марк Гораций,

смогли так устроить дела, что девяти сравнительно невиновным децемвирам позволили свергнуть себя, а Аппия отправили в тюрьму, где он скорее покончил с собой, чем предстал перед судом, который его ожидал. Новый свод законов, однако, остался, но консулы, преторы, трибуны и все остальные магистраты были восстановлены, а в 445 году был принят закон, позволявший патрициям и плебеям вступать в брак.

ГЛАВА XI.

ИЗГНАНИЕ КАМИЛЛА.

390 Г. ДО Н.Э.

Войны с этрусками продолжались, и главным образом с городом Вейи, который стоял на холме в двенадцати милях от Рима и в общей сложности тридцать лет находился в состоянии войны с ним. Наконец римляне решили, что вместо того, чтобы каждый раз возвращаться домой и собирать урожай, они должны постоянно наблюдать за городом, пока не смогут его взять, и, поскольку осаждающие не могли сами выполнять свою работу, для них была установлена плата, чтобы они могли ее выполнять, и это послужило началом для оплаты армий.

МАШИНА ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ СТРЕЛ.

Осада Вейи длилась десять лет, и за это время Альбанское озеро наполнилось до необычайной высоты, хотя лето было очень засушливым. Один из вейских солдат полушутя крикнул римлянам: "Вы никогда не возьмете Вейи, пока не высохнет Альбанское озеро". Оказалось, что существовала старая традиция, согласно которой Вейи должны пасть, когда озеро будет осушено. В связи с этим сенат отдал приказ прорыть каналы для отвода вод в море, которые сохранились до сих пор. Вейи все еще держались, и для завершения войны был назначен диктатор Марк Фурий Камилл, который выбрал себе в команду человека из одной из самых добродетельных семей Рима, о чем свидетельствовала их фамилия, Публия Корнелия, прозванного Сципионом, или Посохом, потому что либо он, либо один из его предков был Посохом в старости его отца. Камилл взял город штурмом с огромным количеством добычи, которую разделили между солдатами.

Камилл в своей гордыне воздал себе на триумфе почести, которые до этого воздавались только богам. Он раскрасил свое лицо пурпуром, а его машину запрягли молочно-белые лошади. Это шокировало народ, и он еще больше обиделся, заявив, что поклялся десятую часть добычи отдать Аполлону, но забыл об этом при разделе добычи, и теперь должен взять ее снова. Солдаты не согласились, но, чтобы бог не разгневался на них, было решено послать золотую вазу к его оракулу в Дельфах. Все женщины Рима принесли свои драгоценности, и сенат наградил их постановлением, чтобы над их могилами произносились похоронные речи, как над могилами мужчин, а также чтобы их возили на колесницах на публичные игры.

В другой войне Камилл воевал с фалисками, тоже этрусками, и осадил их город. Сыновья почти всех главных семейств находились в ведении своего рода школьного учителя, который обучал их чтению и всевозможным упражнениям. Однажды этот человек, притворившись, что гуляет с мальчиками, привел их в лагерь врага, к палатке Камилла, где рассказал, что привел их всех, а вместе с ними и место, поскольку римлянам достаточно пригрозить им жизнью, чтобы заставить их отцов сдать город. Камилл, однако, был настолько потрясен таким вероломством, что тут же велел ликторам немедленно раздеть парня и дать мальчикам

путь, чтобы они бичевали его, возвращая в город. Их отцы были так благодарны, что сразу же заключили мир, и примерно в то же время были покорены и эки; а общины и открытые земли, принадлежавшие Вейям, были разделены, так что каждый римский свободный человек получил по шесть акров, и плебеи на время остались довольны.

МАШИНА ДЛЯ ОСАДЫ

Правда, похоже, заключалась в том, что этрусские народы были ослаблены новым великим народом, надвигавшимся на них с севера. Это были те, кого римляне называли галлами или галлами, одна из великих рас старой расы, которая всегда находила свой путь на запад в Европу, и их родина была к северу от Альп, но они постоянно продвигались вперед и уже давно сделали поселения в Северной Италии. Они жили кланами, каждый из которых подчинялся одному вождю, как отцу, и объединялись в одно братство. Они владели землями, на которые имели общее право целые семьи, и когда их численность превышала ту, которую могла содержать земля, самые смелые отправлялись с женами, детьми и скотом на поиски нового дома. Греки и римляне сами начинали так же, и их племена и притязания всех на общую землю были остатками старого уклада; но они так долго жили в городах, что забыли об этом, и это были совсем другие люди, чем те дикие люди, которые говорили на языке,

который мы называем валлийским, носили клетчатые тартановые треухи и пледы, с золотыми воротниками на шее, круглыми щитами, огромными мечами, а их рыжие или черные волосы были длинными и лохматыми. Римляне почти ничего не знали о том, что находится за их Апенниннами, и продолжали свои собственные распри. Камилла обвинили в том, что он взял больше, чем положено, из трофеев Вейи, в частности, медную дверь из храма. Его друзья предложили заплатить любой штраф, который может быть наложен на него, но он был слишком горд, чтобы предстать перед судом, и предпочел покинуть Рим. Проходя через ворота, он обернулся и призвал богов, чтобы Рим поскорее раскаялся в том, что прогнал его.

В это время галлы вели войну с Клузиумом, городом Порсены, и жители послали просить помощи у римлян, а сенат отправил трех молодых братьев из рода Фабианов, чтобы попытаться уладить дела. Они встретились с галльским браном или вождем, которого латинские авторы называют Бреннусом, и спросили его, в чем заключается его ссора с Клузиумом или его право на какую-либо часть Этрурии. Бреннус ответил, что его право - это его меч, и что все вещи принадлежат храбрецам, а с людьми Клузиума он поссорился из-за того, что, хотя у них больше земли, чем они могут обработать, они не уступают ему ни одной. Что же касается римлян, то они уже ограбили своих соседей и не имеют права искать виноватых.

Это привело братьев Фабиев в ярость, и они забыли об осторожности своей семьи, а также о правилах всех народов, запрещающих посланцу сражаться, а также запрещающих прикасаться к его персоне врагу; и когда люди Клузиума напали на галлов, они присоединились к нападению, и Квинт, старший брат, убил одного из вождей. Бреннус, как ни дик он был, знал эти законы народов, и в великом гневе прервал осаду Клузиума и, двинувшись к Риму, потребовал отдать ему Фабиев. Вместо этого римляне назначили их всех трех военными трибунами, и когда галлы приблизились, все войско вышло им навстречу с такой поспешностью, что не стали ждать ни жертв богам, ни предзнаменований. Все трибуны были молоды и вспыльчивы, они презирали галлов; и вот они вышли, чтобы напасть на них на берегу Аллии, всего в семи с половиной милях от Рима. Они потерпели страшное поражение: многие пали на поле боя, многие были убиты во время бегства, другие утонули, пытаясь переплыть Тибр, третьи рассеялись по Вейям и другим городам, а некоторые, охваченные ужасом и промокшие насквозь, бросились в Рим с печальной вестью. Не хватало людей для защиты стен! Враг мгновенно настигнет их! Единственным достаточно прочным местом, чтобы не пустить их, был Капитолий, да и тот вмещал всего несколько человек! Так что оставалось только бежать. Самые смелые и сильные мужчины закрылись в Капитолии; все остальные, с женщинами и детьми, погрузили самое ценное в повозки и покинули город. Девы-весталки несли священный огонь и шли по жаре, когда один плебей по имени Альбин увидел их состояние, помог им сесть в свою повозку и отвез в город Кумæ, где они нашли приют в одном из храмов. Так Рим был оставлен врагу.

ГЛАВА XII.

РАЗГРАБЛЕНИЕ РИМА.

390 Г. ДО Н.Э.

Рим был оставлен врагу, за исключением небольшого гарнизона в Капитолии и восьмидесяти сенаторов, слишком старых, чтобы бежать, которые посвятили себя богам, чтобы спасти остальных, и, облачившись в свои одежды - некоторые как бывшие консулы, некоторые как жрецы, некоторые как генералы - сели с посохами из слоновой кости в руках в свои государственные кресла на Форуме, чтобы ожидать врага.

РУИНЫ ФОРУМА В РИМЕ.

Ворвавшись в город, дикие галлы бродили по нему, пока не пришли на Форум, где стояли, пораженные и благоговейные при виде восьмидесяти величественных стариков, неподвижно сидящих в своих креслах. Сначала они смотрели на странные, спокойные фигуры, как на богов этого места, пока один галл, словно желая узнать, из плоти и крови они или нет, не погладил бороду ближайшего из них. Сенатор, посчитав это оскорблением, ударил его по лицу своим посохом, и это послужило сигналом к расправе над всеми ними.

Затем галлы начали грабить все дома, вытаскивая и убивая тех немногих жителей, которых находили; пировали, веселились, накапливали богатства, чтобы унести их с собой; жгли и рушили дома. День за днем маленький гарнизон в Капитолии наблюдал за этим зрелищем и

гадал, продержатся ли их запасы продовольствия, пока галлы не уйдут или пока их друзья не придут им на помощь. Но когда наступил день жертвоприношения предку одного из осажденных, он смело вышел к алтарю своего разрушенного дома на Квиринальском холме и принес жертву предкам, и ни один галл не осмелился прикоснуться к нему, видя, что он совершает религиозный обряд.

Сбежавшие римляне остановились в Ардее, где нашли Камилла и сформировали из него армию, но он не хотел брать на себя командование без полномочий оставшегося сената, и тот был закрыт в Капитолии посреди галлов. Однако один храбрый человек, по имени Понтий Коминий, заявил, что сможет ночью пробраться через галлов, подняться на Капитолий и спуститься по обрыву, за которым они не следили, так как думали, что никто не сможет на него взобраться, и что он вернет приказы сената. Он переплыл Тибр с помощью пробок, высадился ночью в разрушенном Риме среди спящего врага и взобрался на скалу, принеся наконец надежду измученному и почти голодному гарнизону. Быстро собравшись, они отменили приговор об изгнании Камилла и назначили его диктатором. Понтий, отдохнув, соскользнул со скалы и благополучно вернулся в Ардею; но сломанные ветки и сорванный плющ на скале показали галлам, что ее одолели, и они решили, что там, где прошел человек, может пройти и человек. Тогда Бреннус позвал самых уверенных альпинистов, каких только смог найти, и ночью, по двое, они взобрались на скалу, так тихо, что не было никакой тревоги, но как раз когда они подошли к вершине, несколько гусей, которых хранили как святыню Юноны и по этой причине пощадили, несмотря на нехватку, начали кричать и гоготать, и таким образом привели на место храброго офицера по имени Марк Манлий, который обнаружил двух галлов, ступивших на ровную землю на вершине. Взмахом меча он отрубил одному из них руку, а другого ударил пряжкой по голове, в результате чего оба рухнули вниз головой, сбив в полете своих товарищей, и Капитолий был спасен.

В награду каждый римский солдат принес Манлию несколько зерен кукурузы, которую он получил из общего запаса, и несколько капель вина, а трибун, стоявший в ту ночь на страже, был сброшен со скалы.

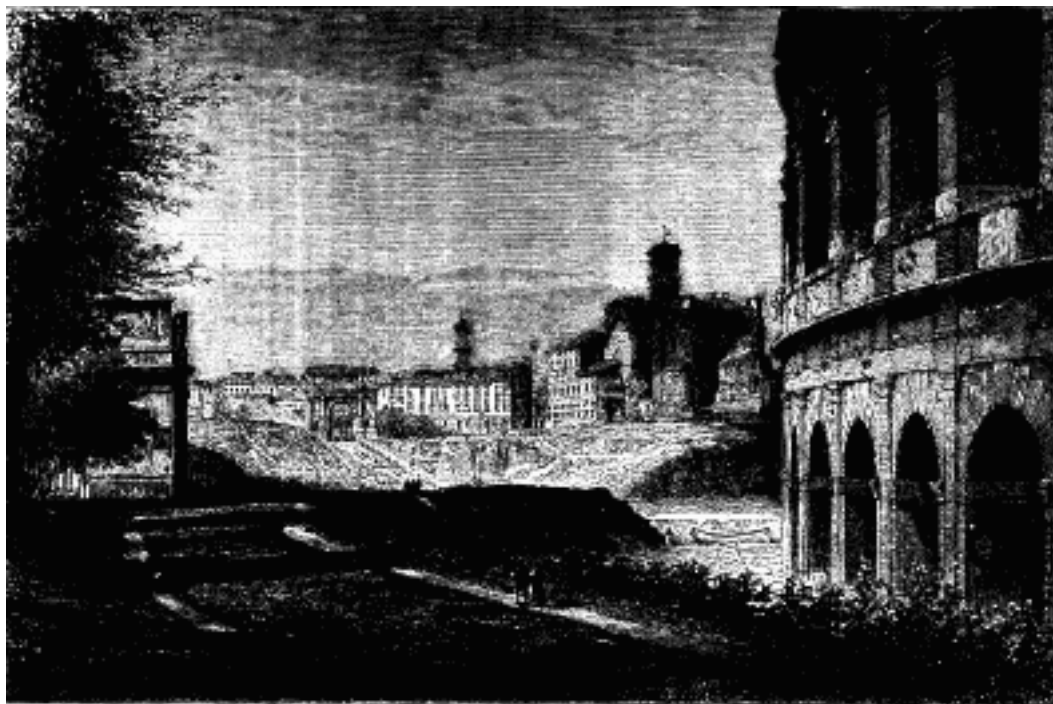
Потерпев неудачу и умирая от лихорадки, которая всегда царила в Риме летом, Бреннус решил отступить и предложил покинуть Рим, если гарнизон в Капитолии заплатит ему тысячу фунтов золота. В храмах было достаточно сокровищ, чтобы сделать это, и, поскольку они не могли сказать, что собирается делать Камилл, и благополучно ли Понтий добрался до него, а им грозила голодная смерть, они согласились. Золото привезли в назначенное галлами место, и когда весы оказались не равны тому количеству, которое было у римлян с собой, Бреннус, решив получить все, положил свой меч на другие весы со словами: "Væ victis" - "Горе побежденным". Но в этот момент снаружи послышался шум - пришел Камилл. Галлы были изрублены и убиты среди развалин, тех, кто бежал, убили жители страны, когда они бродили по полям, и ни один не вернулся, чтобы рассказать об этом. Так был спасен выкуп за Капитолий, который Камилл положил в хранилища как резерв на случай будущих опасностей.

Такова римская история, но лучшие историки утверждают, что она сделана лучше для Рима, чем соответствует действительности, ибо Капитолий действительно был завоеван, а галлы набрали себе все, что хотели, и ушли с этим, хотя болезни и усталость заставили их после этого рассеяться, так что они были большей частью перебиты деревенскими жителями.

Все старые записи были утеряны и уничтожены, так что до этого римская история может быть только слухами, полученными из воспоминаний выживших; все здания, храмы, сенат и жилые дома лежали в руинах. Некоторые граждане хотели сменить местоположение города

на Вейи, но Камилл, который был диктатором, решил держаться отцовского очага, и пока в развалинах сенатского дома шли дебаты, туда вошел отряд солдат, и было слышно, как центурион крикнул: "Посади здесь своего прапорщика; это хорошее место для проживания". "Счастлиное предзнаменование", - воскликнул один из сенаторов; "Я преклоняюсь перед богами, даровавшими его". Было решено отстроить город, и при раскопках среди руин были найдены золотой жезл Ромула, медные таблицы, на которых были выгравированы Законы двенадцати таблиц, и другие медные изделия с записями договоров с другими народами. Фабия обвинили в том, что он причинил весь вред, нарушив закон народов, но по просьбе друзей его пощадили. Манлий был назван Капитолином и получил дом на Капитолии, а Камилла, когда он сложил с себя полномочия диктатора, приветствовали как Ромула - еще одного основателя Рима.

Новые здания были больше и украшеннее старых; но линии старых подземных стоков, построенных, как говорили, по этрусской моде старшим Тарквиниом, не были соблюдены, и это сделало Рим более нездоровым, так что немногие из его богатых граждан жили там летом или осенью, а уезжали в загородные дома на холмах.

ВХОД В РИМСКИЙ ФОРУМ ПО VIA SACRA

ГЛАВА XIII.

ПЛЕБЕЙСКОЕ КОНСУЛЬСТВО.

367 Г. ДО Н.Э.

Все старые враги Рима снова напали на него, когда он был слаб и поднимался из руин, но Камилл мудро убедил римлян добавить к числу своих граждан жителей Вейи, Капены и Фалерии, получив еще четыре племени; и это пополнение помогло им отбить врагов.

Но это увеличило число плебеев и позволило им заявить о своих претензиях во всеуслышание. Кроме того, вновь вспыхнула старая ссора между бедными и богатыми, должниками и кредиторами. Те, кто спас свои сокровища во время разграбления, дали ссуды тем, кто потерял, чтобы те могли снова построить свои дома и завести фермы, и через некоторое время они громко потребовали выплаты, а когда она не была получена, должников схватили, чтобы продать в рабство. Сам Камилл был одним из самых жестоких кредиторов, и казармы, куда помещали рабов для продажи, были полны горожан.

КОСТЮМЫ.

Марк Манлий Капитолин был полон жалости и собрал деньги на выкуп четырехсот из них, всеми силами пытаясь добиться изменения закона и спасти остальных; но богачи и патриции считали, что он действует только из зависти к Камиллу и для того, чтобы создать себе партию. Они сказали, что он поднимает смуту, и Публий Корнелий Косс был назначен диктатором, чтобы подавить ее. Манлий был схвачен и посажен в цепи, но снова освобожден. Наконец богачи подговорили двух трибунов обвинить его в желании стать царем, и этот ненавистный титул настроил весь народ против их друга, так что всеобщий крик приговорил его к низвержению с вершины Тарпейской скалы; его дом на Капитолии был свергнут, а его семья объявила, что ни один сын из их дома никогда больше не должен носить имя Манлия.

КОСТЮМ.

Однако плебеи пробивали себе дорогу и в конце концов добились плебейских магистратур и равных с патрициями почестей. О причине последнего усилия, которое привело к успеху, рассказывают любопытную историю. У патриция Фабия Амбуста было две дочери, одну из которых он выдал замуж за Сервия Сульпиция, патриция и военного трибуна, а другую - за Лициния Столо. Однажды, когда жена Столо была в гостях у сестры, у ворот раздался сильный шум и гром, который напугал ее, пока другая Фабия не сказала, что это всего лишь ее муж возвращается домой с Форума в сопровождении своих ликторов и клиентов, смеясь над ее невежеством и тревогой, пока целый отряд клиентов не вошел, чтобы отдать честь жене трибуна.

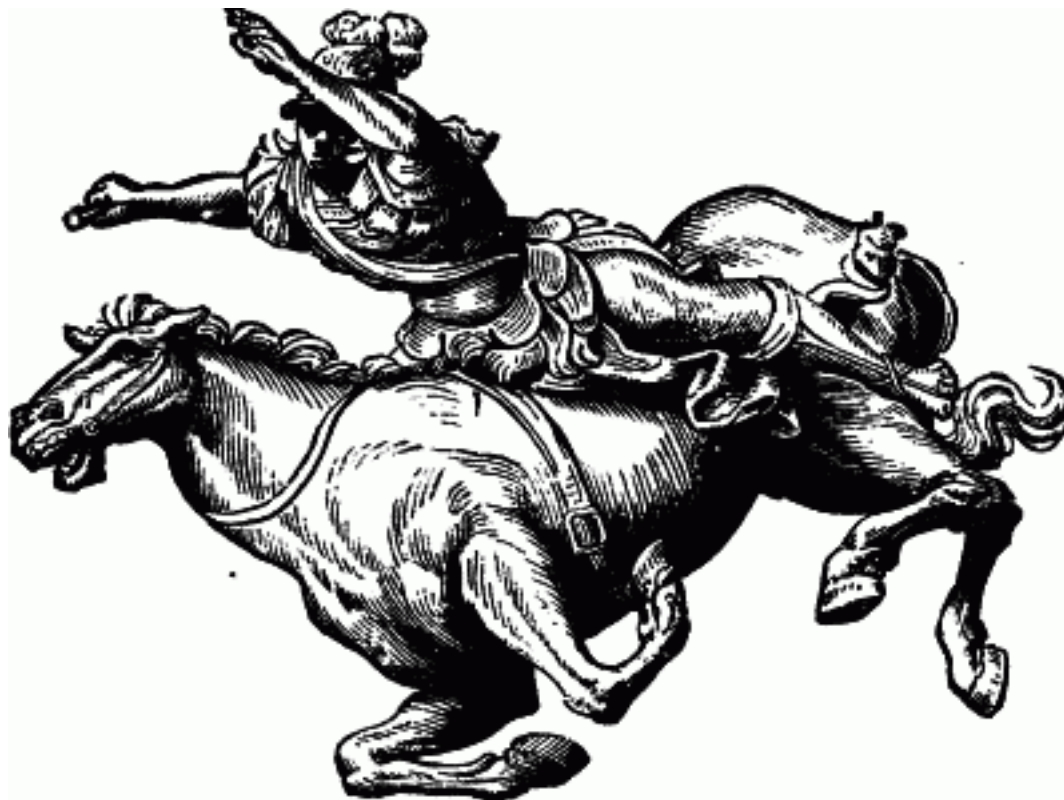
Жена Столо вернулась домой злая и раздраженная, упрекала мужа и отца за то, что они не сравнивали ее с сестрой, и так на них подействовала, что они поставили себя во главе движения в пользу плебеев; а Лициний и другой молодой плебей по имени Луций Секстий, избираясь из года в год трибунами народа, всякий раз *накладывали "вето"* на все, что кто-либо предлагал, и давали понять, что будут делать это, пока не будут проведены три меры, а именно, чтобы не требовать процентов по долгам; чтобы ни один гражданин не владел более чем тремястами двадцатью акрами общественной земли и не пас на общественных пастбищах более определенного количества скота; и, наконец, чтобы один из двух консулов всегда был плебеем.

Так продолжалось в течение восьми лет, они всегда избирались народом и всегда все прекращали. Наконец ожидалось очередное вторжение галлов, и Камилл, хотя ему было уже восемьдесят лет, в пятый раз был избран диктатором и одержал великую победу на берегах Анио. Сенат умолял его оставаться диктатором, пока он не наладит их дела, и он поклялся построить храм Конкорда, если ему это удастся. Он понял, что пора уступить, и убедил сенат так думать; наконец, в 367 году Секстий был избран консулом вместе с патрицием Эмилием. Но и тогда сенат не принял Секстия, пока его не представил Камилл. С этого времени патриции и плебеи были равны в отношении магистратур, но жречество могло принадлежать только патрициям. Камилл дожил до глубокой старости и был удостоен почестей за то, что трижды спасал свою страну. В конце концов он умер от страшной моровой язвы, свирепствовавшей в Риме в 365 году.

Жрецы посоветовали пригласить игроков из Этрурии, чтобы те разыграли драму в честь подвигов богов, и это положило начало театральному искусству в Риме.

Вскоре после этого на Форуме образовалась страшная пропасть, скорее всего, от землетрясения, но ничто не могло ее заполнить, и жрецы и авгуры обратились к своим оракулам. Те ответили, что она закроется только при получении самого ценного. В него бросали золото и драгоценности, но он все равно казался бездонным, и наконец авгуры объявили, что самое ценное в Риме - это мужество. Тогда патриций по имени Марк Курций облачился в свои лучшие одежды, надел доспехи, взял щит, меч и копье, сел на коня и прыгнул головой в пропасть, подарив ей самое ценное из всего, что есть в Риме, - мужество и самоотверженность. После этого, по одной версии, она закрылась сама собой, по другой - ее стало легко засыпать землей.

Римляне считали, что такая жертва должна понравиться богам и принести им успех в сражениях; Но в войне с герниками, которая сейчас велась, плебейский консул был убит, и, несомненно, было очень трудно заставить патрициев подчиняться плебею должным образом, так как в течение следующих двадцати лет пришлось четырнадцать раз назначать диктатора для защиты государства, так что очевидно, что было много тревог и много трудностей в обеспечении дисциплины; но в целом успех сопутствовал Риму, а соседние племена становились все слабее.

КУРТИЙ ПРЫГАЕТ В ПРОПАСТЬ. (Из Бас-Релифа.)

ГЛАВА XIV.

ПРЕДАННОСТЬ ДЕЦИЯ.

357 Г. ДО Н.Э.

Другие племена галлов не переставали приходить снова и совершать новые набеги на долины Тибра и Анио. Всякий раз, когда они приходили, вместо того чтобы выбирать людей из племен для формирования армии, как в войне с соседями, против них выступали все воины народа, как правило, под командованием диктатора.

В одной из таких войн галлы подошли к Риму на расстояние трех миль, и оба войска расположились лагерем на берегу реки Анио, между которыми был мост. По этому мосту расхаживал огромный галльский вождь, намного выше любого из римлян, хвастался и призывал любого из них выйти и сразиться с ним. И снова отличился Манлий. Тит, юноша из этой семьи, попросил у диктатора разрешения принять вызов и, получив его, сменил свой круглый рыцарский щит на квадратный пехотный и с коротким мечом вышел на мост. Галл бросился на него с широким мечом, но, проскользнув под защиту, Манлий проткнул великана в двух местах, а когда тот упал, отрубил ему голову и забрал торк, или широкий витой золотой воротник, который был знаком всех галльских вождей. После этого храброго юношу стали называть Тит Манлий Торкват - фамилия, заменявшая Капитолийскую, которая больше никогда не использовалась.

АПЕННИНЫ.

Когда галлы пришли в следующий раз, консулом стал Марк Валерий, потомок старого героя Публиколы, и одержал великую победу. Рассказывали, что в разгар битвы над его головой пролетел чудовищный ворон, который то и дело присаживался на шлем, но в основном клевал глаза галлов и хлопал крыльями по их лицам, так что они бежали в смятении. Поэтому его стали называть Корвусом или Корвином. Галлы больше не приходили в таком количестве, но против них выступил новый враг - самниты, народ, живший к югу от них. Они были италийской крови, горцы с Южных Апеннин, не похожие на римлян по привычкам, языку и обучению, и были самыми стойкими врагами, с которыми им доводилось сталкиваться. Война началась с просьбы жителей Кампании к римлянам защитить их от нападений самнитов. Ведь кампанцы, живущие на богатых равнинах, название которых до сих пор не изменено, были праздным, вялым народом, который крепкие мужчины Самниума могли легко одолеть. Римляне приняли участие в бою, и Валерий Корвус одержал победу у горы Гаур; но другой консул, Корнелий Косс, попал в опасность, по глупости зайдя в лес, закрытый горами, и имея только один выход через глубокую долину, которую охраняли самниты. В этой почти безнадежной ситуации один из военных трибунов, Публий Деций Мус, обнаружил небольшой холм над вражеским лагерем и попросил разрешения возглавить небольшой отряд людей, чтобы захватить его, поскольку таким образом он мог отвлечь самнитов, и пока они будут уничтожать его, как он вполне ожидал, римляне смогут выбраться из долины. Скрытый лесом, он взобрался на холм, и там самниты увидели его, к своему великому изумлению; пока они раздумывали, нападать ли на него, остальные римляне успели выйти из долины. Убедившись, что на него не напали, Деций расставил стражу и, когда наступила ночь, как можно тише спустился вниз, чтобы присоединиться к армии, которая теперь находилась по другую сторону самнитского лагеря. Он и его маленький лагерь шли без тревоги, пока на полпути один римлянин не ударил ногой о щит. Шум разбудил самнитов, но Деций заставил своих людей кричать, и это, в темноте, так смутило врагов, что они пропустили маленькое тело римлян, которые благополучно добрались до своего лагеря. Деций прервал благодарность и радость консула, посоветовав ему сразу же обрушиться на самнитский лагерь в его ужасе, что и было сделано; самниты были полностью разгромлены,

30 000 человек убиты, а их лагерь взят. Деций получил в награду сто волов, белого быка с позолоченными рогами и три короны: золотую - за храбрость, дубовую - за спасение жизни сограждан и травяную - за взятие вражеского лагеря, а все его люди пожизненно получали двойной паек кукурузы. Деций принес белого быка в жертву Марсу, а быков отдал спутникам своей славы.

После этого Валерий снова разгромил самнитов, а его войска принесли 120 штандартов и 40 000 щитов, которые они подобрали, выброшенные врагами во время бегства.

На время был заключен мир, но латины, теперь уже в союзе с Римом, начали войну с самнитами. Те пожаловались, и римляне, чувствуя себя обязанными принять участие, начали великую латинскую войну. Консулами стали Манлий Торкват и Деций Мус, два величайших героя Рима. Поскольку латиняне и римляне были одинаковы по одежде, оружию и языку, чтобы не принимать друга за врага, был отдан строгий приказ, чтобы никто не нападал на латинянина без приказа и не выходил за пределы своего звания под страхом смерти. Латинский чемпион вышел похвастаться, когда обе армии лежали под горой Везувий, тогда еще покрытой виноградной лозой, на которой не было видно пламени. Юный Манлий, помня о славе своего отца, выскочил вперед, сразился с латинянином врукопашную, убил его и принес добычу к ногам отца. Он забыл, что его отец сражался только после разрешения. Старший Манлий принял его с суровой скорбью. Он нарушил закон дисциплины и должен умереть. Ему отрубили голову среди горя и гнева армии. Битва была храброй, но сначала она шла против римлян. Тогда Деций, вспомнив о видении, в котором говорилось, что консул должен посвятить себя своей стране, призвал Валерия, Максима Понтифика, посвятить его. Он снял доспехи, надел пурпурную тогу, покрыл голову вуалью и, опираясь на копье, повторил за Валерием слова посвящения, затем сел на коня и поскакал среди латинян. Сначала они уступали дорогу, но вскоре сомкнулись и осыпали его ливнем дротиков; так он отдал за свою страну жизнь, которую когда-то принес в жертву.

Победа была одержана, и за ней последовал такой успех, что латиняне были вынуждены уступить Риму. Некоторые из городов сохранили собственные законы и магистратуры, в других поселились римляне с семьями и стали называться колониями, а сами латины стали римскими гражданами во всем, кроме права быть магистратами или голосовать за них, - по сути, они были такими же, какими были первые плебеи, прежде чем приобрели какие-либо права.

ГЛАВА XV.

САМНИТСКИЕ ВОЙНЫ.

В 332 году, когда Александр Македонский совершал свои завоевания на Востоке, его дядя Александр, царь Эпира, брат его матери Олимпии, пришел в Италию, где к югу от самнитов было так много греков, что подножие Италии называлось Magna Græcia, или Великая Греция. Он напал на самнитов, и римляне не пожалели, что ослабили их, и заключили с ним союз. Он пробыл в Италии около шести лет, а затем был убит.

Свергнуть самнитов было главной целью Рима в это время, и с этой целью они предложили свою защиту и союз всем городам, которые испытывали страх перед этим народом. Один из городов был основан выходцами с острова Эвбея, которые называли его Неаполис, или Новый город, чтобы отличить его от расположенного неподалеку старого города, который они называли Палеополис, или Старый город. Старый город устоял против римлян, но был легко побежден, а новый покорился Риму; но эти южные жители были очень поверхностны и непостоянны, и на них мало кто мог положиться, так как они часто меняли сторону между римлянами и самнитами. В разгар осады Палеополя год консульства подошел к концу, но сенат, избрав, как обычно, двух консулов на родине, не стал отзывать Публилия Филона из осады и назначил его проконсулом. Это произошло в 326 году и стало началом обычая посылать бывшего консула в качестве проконсула для командования армией или управления провинциями вдали от дома.

БОЙ МЕЖДУ МИРМИЛЛО И САМНИТОМ.

БОЙ МЕЖДУ ЛЕГКОВООРУЖЕННЫМ ГЛАДИАТОРОМ И САМНИТОМ.

В 320 году, когда консул заболел, диктатором был назначен Луций Папирий Курсор, один из самых строгих и суровых людей в Риме. По какому-то религиозному обряду он был вынужден на время вернуться в Рим и запретил своему лейтенанту, Квинту Фабию Руллиану, в его отсутствие начинать сражение. Но представился такой удобный случай, что Фабий напал на врага, разбил его и убил 20 000 человек. Затем, эгоистично не желая, чтобы завоеванные им трофеи несли на триумф диктатора, он сжег их все. Папирий прибыл в великом гневе и приговорил его к смерти за неповиновение; но пока ликторы раздевали его, он сумел вырваться из их рук среди солдат, которые закрыли его, так что ему удалось добраться до Рима, где его отец созвал сенат, и они проявили такую решимость спасти его жизнь, что Папирий был вынужден помиловать его, хотя и не без упреков в том, что римляне отступили от суровой справедливости Брута и Манлия.

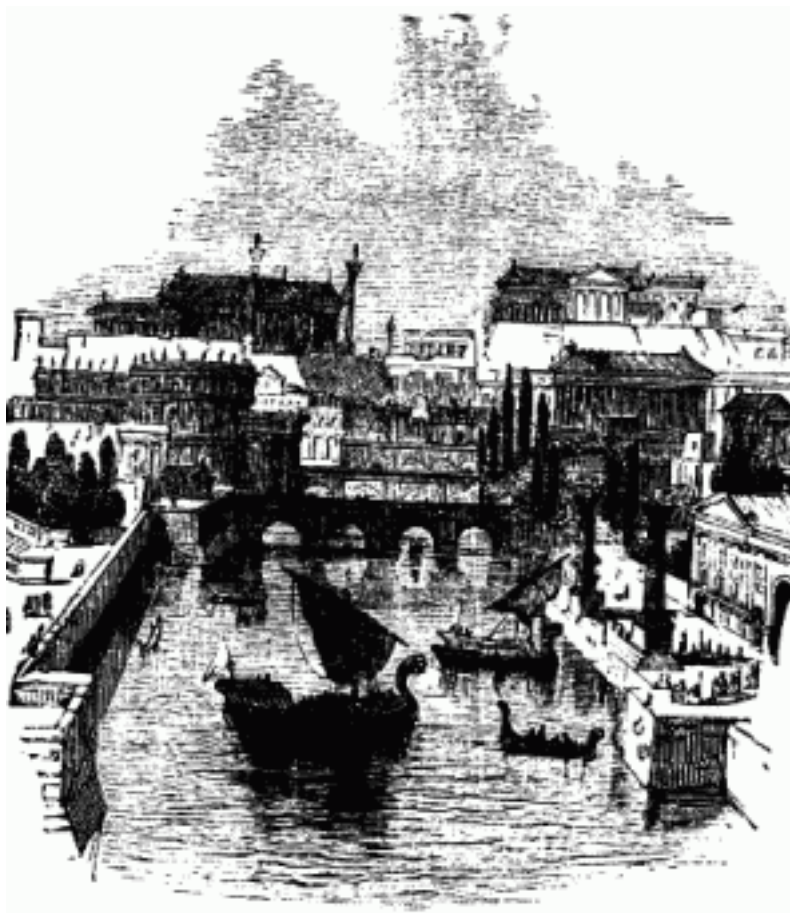
Два года спустя два консула, Тит Ветурий и Спурий Постумий, шли в Кампанию, когда самнитский полководец Понтий Геренний послал людей, переодетых пастухами, чтобы заманить их в узкий горный проход у города Кандиум, закрытый густым лесом и ведущий в полого изогнутую долину, со всех сторон заросшую густым кустарником, и только с одним выходом, который самниты загородили стволами деревьев. Как только римляне оказались в этом месте, другой конец был заблокирован таким же образом, и таким образом они оказались закрыты на милость своих врагов.

Что же делать с ними? спросили самниты; и они пошли посоветоваться со старым Гереннием, отцом Понтия, мудрейшим человеком в народе. "Откройте путь и отпустите их всех на свободу", - сказал он.

"Что? Не получив никакой выгоды?"

"Тогда убей их всех".

Его попросили объяснить столь необычный совет. Он сказал, что великодушно отпустить их - значит сделать их друзьями и союзниками навеки; если же война будет продолжаться, то лучшим для Самниума будет уничтожить такое количество врагов одним ударом. Но самниты не могли решиться ни на тот, ни на другой план; поэтому они избрали средний путь, худший из всех, так как он только приводил римлян в ярость, не ослабляя их. Их заставили снять все доспехи и сложить оружие, и таким образом они прошли под ярмом, а именно под тремя копьями, установленными как дверной проем. Консулы, согласившись на позорный мир, должны были идти первыми, надев только нижнюю одежду, затем все остальные, по двое, и если кто-нибудь из них бросал гневный взгляд, его тут же сбивали с ног и убивали. В молчании они дошли до Кампании, где, когда наступила ночь, все полуголые, молчаливые и голодные бросились на траву. Жители Капуи вышли им на помощь, принесли еду и одежду, пытались оказать им честь и утешить их, но те не поднимали глаз и не говорили. Так они дошли до Рима, где все надели траур, все дамы остались без драгоценностей, а лавки на Форуме были закрыты. Несчастные по ночам один за другим скрывались в своих домах, а консулы не возвращались к своим обязанностям, но вместо них до конца года были назначены двое.

ДРЕВНИЙ РИМ.

Месть - это все, о чем думали, но трудность заключалась в мире, которому поклялись консулы. Постумий заявил, что если сенат откажется от него, то он, вынужденный его заключить, должен быть отдан самнитам. Со связанными руками он был отведен глашатаем в лагерь самнитов и передан им; но в этот момент Постумий дал глашатаю пинка, воскликнув: "Я теперь самнит, а оскорбил тебя, римского глашатая. Это справедливый повод для войны". Понтий и самниты очень рассердились и сказали, что это недостойная выходка; но они не помешали Постумию благополучно вернуться к римлянам, которые посчитали, что он вполне восстановил свою честь.

Завязалась битва, в которой Понтий с 7000 человек был вынужден сложить оружие и перейти под иго в свою очередь. Борьба между этими двумя свирепыми народами продолжалась в общей сложности семьдесят лет, и римляне потерпели немало поражений. В то же время они вели и другие войны. Они так и не покорили Этрурию, а в битве при Сентинуме, сражаясь с галлами, консул Деций Мус посвятил себя в точности тому, что сделал его отец при Везувии, и своей смертью одержал победу.

Самнитские войны можно считать оконченными в 290 году, когда главный полководец Самниума Понтий Телесим попал в плен и был предан смерти в Риме. Земли на открытой местности были полностью покорены, но многие самниты все еще жили в горных массивах Апеннин на юге, которые с тех пор были прибежищем диких необузданных людей.

ГЛАВА XVI.

ВОЙНА С ПИРРОМ.

280-271 ГГ. ДО Н.Э.

Из "Греческой истории" вы помните, что Пирр, царь Эпира, город Александра Македонского, предпринял поход в Италию. Дело было так. Город Тарентум был спартанской колонией в верховьях залива, носящего его имя. Он был таким же гордым, как и его родитель, но утратил всю серьезную суровость нравов и был таким же праздным и непостоянным, как и другие места в этом томном климате. Сначала тарентинцы грубо обошлись с римскими кораблями, вошедшими в их залив, а затем оскорбили посла, отправленного с жалобой. Когда же выяснилось, что грозные римляне действительно идут мстить за свою честь, тарентинцы испугались и послали просить Пирра прийти к ним на помощь.

Он охотно принял приглашение и, прибыв в Италию с 28 000 человек и двадцатью слонами, надеялся завоевать всю страну; но тарентинцам нельзя было доверять, и они вскоре устали развлекать его, в то время как другие греки Италии не могли выполнить своих обещаний о помощи.

ПИРР.

Римляне выступили против него, и на берегу реки Сирис произошло большое сражение, где бой был очень тяжелым, но когда слоны напали на римлян, они разбились и бежали, и только к ночи спаслись от полного уничтожения. Однако потери Пирра были столь велики, что он сказал: "Еще одна победа, и мне придется одному возвращаться в Эпир".

Он решил, что ему лучше договориться с римлянами, и послал своего любимого советника Кинеаса с предложением заключить мир, если римляне пообещают безопасность его италийским союзникам, а сенаторам и их женам были посланы подарки, чтобы склонить их к благосклонному мнению. В Древней Греции люди ожидали, что за такие подарки они поддержат иск; но Кинеас обнаружил, что в Риме никто и слышать не хочет о подкупе, хотя многие были не прочь заключить мир. Слепой старик Аппий Клавдий, который часто бывал консулом, заставил ввести себя в сенат, чтобы воспротивиться этому, так как для его гордости было тяжело заключать мир как побежденные люди. Кинеас был сильно поражен Римом, где он нашел положение вещей, напоминающее лучшие дни Греции, и, вернувшись

к своему господину, рассказал ему, что здание сената похоже на храм, а заседающие в нем - на собрание царей, и что он боится, что они сражаются с Лернской гидрой, так как, как только они уничтожили одно римское войско, на его месте появилось другое.

Однако римляне хотели узнать о пленниках, которых захватил Пирр, и для этого отправили в греческий лагерь Кая Фабриция. Кинеас сообщил, что он был человеком небогатым, но пользовался уважением как хороший солдат и честный человек. Пирр пытался заставить его взять большие подарки, но Фабриций ни к чему не прикасался; и тогда, в надежде встревожить его, посреди разговора внезапно упали пологи одной из сторон палатки и обнажили самого большого из всех слонов, который замахал над Фабрицием хоботом и страшно трубил. Римлянин спокойно обернулся и с улыбкой сказал царю: "Меня не больше трогает твое золото, чем твой огромный зверь".

РИМСКИЙ ОРАТОР.

За ужином зашел разговор о греческой философии, о которой римляне еще ничего не знали. Когда было упомянуто учение Эпикура о том, что жизнь человека дана для того, чтобы проводить ее в поисках радости, Фабриций очень развеселил компанию, воскликнув: "О Геракл! дай, чтобы греки были искренне настроены так, пока нам приходится с ними сражаться!"

Пирр даже пытался уговорить Фабриция поступить к нему на службу, но тот ответил: "Не советую тебе, ибо если бы твой народ хоть раз попробовал мое правление, то все они захотели бы, чтобы я управлял ими вместо тебя". Пирр согласился отпустить пленников домой, но, если мир не будет заключен, они должны были вернуться, как только закончатся Сатурналии; что и было исполнено в точности. На следующий год консулом стал Фабриций,

который получил письмо от врача Пирра, предлагавшего за вознаграждение избавить римлян от своего господина с помощью яда. Оба консула отправили его царю со следующим письмом: "Кай Фабриций и Квинт Эмилий, консулы, Пирру, царю, приветствие. Ты плохо выбираешь друзей и врагов. Это письмо покажет, что ты ведешь войну с честными людьми и доверяешь плутам и мошенникам. Мы говорим тебе об этом не для того, чтобы завоевать твою благосклонность, а для того, чтобы твоя гибель не навлекла на тебя упрек в том, что ты закончил войну вероломством, а не силой".

Пирр навел справки, предал смерти лекаря и в знак признания отпустил пленных, после чего снова попытался заключить мир, но римляне не приняли никаких условий, кроме того, что он должен отдать тарентинцев и вернуться на тех же кораблях. Сражение произошло в лесу Аскулум. Деций Мус объявил, что предаст себя, как его отец и дед; но Пирр услышал об этом и послал весть, что отдал приказ не убивать Деция, а взять живым и подвергнуть бичеванию; это помешало ему. Римляне снова были вынуждены отступить благодаря силе слонов, но только после того, как наступила ночь. Пирр был ранен, а множество греков пало, среди них было много главных друзей Пирра.

Затем он отправился в Сицилию по приглашению поселившихся там греков, чтобы защитить их от карфагенян; но, найдя их столь же мало удовлетворительными, как и итальянских греков, он внезапно вернулся в Тарентум. На этот раз одним из консулов был Марк Курий, прозванный Дентатом, потому что он родился с зубами во рту, - крепкий, простой старый римлянин, очень суровый, потому что, когда он набирал войска против Пирра, первый человек, отказавшийся служить, был наказан конфискацией и продажей его имущества. Затем он двинулся на юг и у Беневента полностью разгромил Пирра, захватив четырех его слонов. Пирр был вынужден вернуться в Эпир, а римская стойкость одержала победу спустя девять лет.

Дентат устроил самый грандиозный триумф, который когда-либо был известен в Риме, а слоны, шедшие в процессии, стали первыми, которых когда-либо видели римляне. Вся добыча была отдана обществу, а когда через некоторое время стали утверждать, что он забрал кое-что себе, оказалось, что он сохранил только один старый деревянный сосуд, который использовал для жертвоприношения богам.

Греки Южной Италии очень плохо отнеслись к Пирру и ополчились против него. Римляне находили их настолько непостоянными и хлопотными, что все они были сведены в одну маленькую войну за другой. Тарентинцам пришлось сдаться и потерять свои стены и флот, как и жителям Сибариса, которые стали пословицей о безделье, ибо были настолько ленивы, что, как говорят, убили всех своих вороньих птиц за то, что те будили их слишком рано по утрам. Все полуострова Италии теперь принадлежали Риму, и между ними были проложены большие дороги из мощенных камней, многие из которых сохранились до наших дней, даже первая из всех, называемая Аппиевым путем, из Рима в Капую, которая была проложена под руководством цензора Аппия Клавдия во время Самнитской войны.

ГЛАВА XVII.

ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА.

264-240.

Мы подошли к тому времени, когда Рим оказался втянутым в войны с народами за пределами Италии. В Карфагене, на северном побережье Африки, было большое поселение финикийцев, купцов Старого Света, то самое место, в котором, по описанию Вергилия, так много времени проводил Эней. Дидо, царица, которая, как говорят, основала Карфаген, спасаясь от своего злого деверя в Тире, была, как считается, старой богиней, а религия и нравы карфагенян были чисто финикийскими, или, как их называли римляне, пуническими. У них не было царя, но был сенат, и при нем правители, называемые именем, которое в Библии переводится как судьи; они не любили воевать, а только торговать, и для этого разбросали свои поселения по всему побережью Средиземного моря, от Испании до Черного моря, везде, где в стране были рудники, шерсть, красители, пряности или люди для торговли; а их моряки были самыми смелыми, каких только можно найти, и единственными, кто прошел за Геркулесовы столпы, а именно Гибралтарские проливы в Атлантическом океане. Они строили красивые города и загородные дома с фермами и садами вокруг них и имели все признаки богатства и роскоши - слоновую кость, драгоценности и пряности из Индии, жемчуг из Персидского залива, золото из Испании, серебро с Балеарских островов, олово с островов Скилли, янтарь из Балтики; у них были крепости для защиты своих поселений. Для ведения боевых действий они обычно нанимали людей из тех стран, где селились, иногда под началом наемных греческих капитанов, но чаще под командованием собственных генералов.

РИМСКИЙ КОРАБЛЬ.

Первым местом, где у них не все было по-своему, стала Сицилия. Старые жители острова назывались сицелами, грубым народом; но кроме них здесь было множество греческих поселений, а также карфагенских, и эти два народа ненавидели друг друга. Карфагеняне пытались свергнуть греков, а Пирр, придя на помощь своим соотечественникам, только еще больше ожесточил их друг против друга. Уезжая, он воскликнул: "Какую арену мы оставляем римлянам и карфагенянам для споров!", настолько он был уверен, что эти два великих народа вскоре должны вступить в борьбу за власть.

Однако начало борьбы было положено по другой причине. Мессина, место, основанное давным-давно храбрыми изгнанниками из Мессены, когда спартанцы завоевали их государство, была захвачена отрядом мамертинцев, свирепых италийцев из Мамертума; они, получив угрозу от Ксиера, царя Сиракуз, послали предложить римлянам стать их подданными, тем самым отдав им командование портом, обеспечивающим вход на остров. Сенат очень сомневался в том, чтобы принять предложение и поддержать простых разбойников, но два консула и весь народ не смогли устоять перед искушением, и было решено помочь мамертинцам. Так началась так называемая Первая Пуническая война. Трудность заключалась, однако, в отсутствии кораблей. Своих у римлян не было, и хотя они собрали несколько у своих греческих союзников в Италии, это не помогло предотвратить сдачу мамертинцами цитадели карфагенскому генералу Ксанно, который решил, что находится в безопасности, и спустился для переговоров с римским трибуном Клавдием, надменно приказав римлянам больше не вмешиваться в морские дела, так как им нельзя позволять даже умывать руки в море. Клавдий, разгневанный этим, вероломно наложил руки на Ксанно, и тот согласился отдать замок, получив свободу; но лучше бы он остался пленником, потому что карфагеняне наказали его распятием и осадили Мессину, но тщетно.

Римляне сочли, что флот необходим, и принялись строить военные галеры по образцу карфагенской, потерпевшей крушение у их берегов. Пока строилась сотня кораблей, гребцов учили грести на суше, и через два месяца флот вышел в море. Зная, что шансов сражаться по обычным правилам, когда клювы галер врезаются в борта врагов, нет, они придумали новые планы: спускать тяжелые грузы на корабли противоположного флота, а затем опускать разводные мосты, через которые можно было бы взять их на абордаж. Карфагеняне, удивленные и ошеломленные, когда на них напал у Милеи консул Дулий, были разбиты и загнаны в Сардинию, где их несчастный командир был прибит к кресту своими же солдатами; Дулий же не только получил в Риме грандиозный триумф за свою первую морскую победу, но и постановил, что он никогда не должен выходить ночью в город без процессии факелоносцев.

Теперь римляне решили отправить экспедицию для нападения на карфагенскую державу не только в Сицилии, но и в Африке, и командовать ею поручили крепкому плебейскому консулу Марку Аттилию Регулу. По пути он провел большое сражение с карфагенским флотом, и еще больше трудностей возникло у него с войсками, которые очень боялись высадки в Африке как места неведомого ужаса. Однако он высадился на некотором расстоянии от города и не сразу двинулся на него. Когда же он это сделал, то, согласно распространенному в Риме рассказу, столкнулся на берегу реки Баграда с огромной змеей, чье ядовитое дыхание убивало всех, кто к ней приближался, а дротики не имели никакого действия на чешую. Наконец против него применили машины для метания огромных камней в городские стены; ему переломили хребет, наконец убили и отправили шкуру в Рим.

Римляне встретили и других врагов, которых они победили и получили много добычи. Сенат, поняв, что карфагеняне заперты в своих стенах, отозвал половину армии. Регул очень хотел вернуться, так как раб, обрабатывавший его небольшое хозяйство, убежал с плугом, а жена бедствовала; но он был так ценен, что его нельзя было отозвать, и он остался и вскоре взял Тунис. Карфагеняне пытались вернуть благосклонность своих богов, принося ужасные человеческие жертвы Молоху и Ваалу, а затем наняли спартанского полководца по имени Ксантипп, который разбил римлян, в основном с помощью слонов, и взял в плен Регула. Римляне, которые ненавидели карфагенян настолько, что не считали их способными на любое злодеяние, заявили, что, завидуя победе Ксантиппа, они отправили его домой в Грецию на судне, устроенном так, чтобы основать его в море.

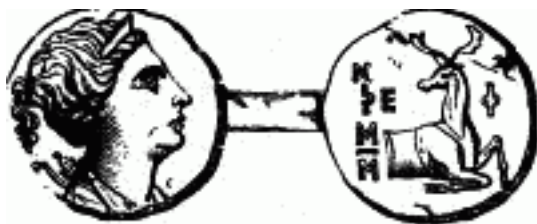

РИМСКИЙ БОЕВОЙ ПОРЯДОК.

Однако римляне, потерпев несколько неудач в Сицилии, одержали большую победу под Панормом, захватив сто слонов, которых привезли в Рим, чтобы люди охотились на них, чтобы потерять страх перед ними. Карфагеняне были достаточно ослаблены, чтобы желать мира, и они послали Регула предложить его, заставив его поклясться вернуться, если он не добьется успеха. Он подошел к окраине города, но не стал входить. Он сказал, что он не

римский проконсул, а раб Карфагена. Однако сенат вышел его выслушать, и он передал послание, но добавил, что римляне не должны принимать эти условия, а должны отстаивать гораздо лучшие, приведя такие доводы, что весь народ был убежден. Его умоляли остаться и не встречаться с разгневанными карфагенянами, но ничто не могло убедить его нарушить слово, и он отправился обратно. Римляне рассказывали страшные истории о том, как с ним обращались: ему отрезали веки, положили на солнцепек, а в конце концов забили гвозди в бочку, утыканную шипами, и покатали вниз по склону. Некоторые говорят, что это всего лишь слухи, и что с карфагенскими пленниками в Риме обращались так же жестоко; но, во всяком случае, о стойкости Регула всегда ходили поговорки.

Война продолжалась, и один из гордого рода Клавдиев командовал в Трепануме на Сицилии, когда появился вражеский флот. Перед битвой римляне всегда советовались священными птицами, которых брали с собой в армию. Клавдию сказали, что их предзнаменование против битвы - они не будут есть. "Тогда пусть пьют", - воскликнул он и бросил их в море. Его нечестие, как все чувствовали, было наказано полным поражением, и он покончил с собой, чтобы избежать расследования. Война продолжалась на суше и на море по всей Сицилии и вокруг нее, пока в конце двадцать четвертого года не был заключен мир, сразу после еще одного большого морского сражения, в котором Рим одержал победу. Она заставила карфагенян отказаться от всего, что они удерживали в Сицилии, вернуть пленных, выплатить большую сумму и вообще смирить свои притязания; таким образом началась самая лютая ненависть к завоевателям, которые так же сильно ненавидели и презирали их. Так закончилась Первая Пуническая война.

ГЛАВА XVIII.

ЗАВОЕВАНИЕ ЦИЗАЛЬПИЙСКОЙ ГАЛЛИИ.

240-219.

После окончания Пунической войны у Карфагена начались проблемы с наемными солдатами, и он долгое время не вмешивался в дела римлян, пока те не организовали управление Сицилией в так называемую провинцию, которой управлял пропретор в течение года после магистратуры у себя дома. Греческое королевство Сиракузы, правда, все еще оставалось союзником Рима, а Мессине и нескольким другим городам было позволено выбирать своих собственных магистратов и управлять самостоятельно.

Вскоре после этого Сардиния и Корсика были сданы римлянам наемными войсками карфагенян, а поскольку местные жители упорно сопротивлялись Риму, то после завоевания их большей частью продали в рабство. Эти два острова также имели своего пропретора.

Теперь римляне владели всем полуостровом к югу от себя и на север до Ариминима (ныне сокращенного до Римини), а все, что дальше, принадлежало галлам - цизальпинским галлам, или галлам по эту сторону Альп, как их называли римляне; те же, кто был по другую сторону, назывались трансальпинскими галлами, или галлами за Альпами. Эти северные галлы снова собирались для набега на юг, и в разгар слухов об этой опасности в Риме разразилась сильная гроза, а в Капитолий ударила молния. Сивиллины книги были изучены, чтобы понять, что это может означать, и было найдено предупреждение: "Остерегайтесь галлов". Более того, существовала поговорка, что греки и галлы должны однажды насладиться Форумом; но римляне решили, что смогут удовлетворить это пророчество, похоронив в центре Форума по мужчине и женщине из каждой нации, рабам, и затем они приготовились напасть на галлов в их собственной стране, прежде чем те успеют вторгнуться туда. В течение многих лет шли тяжелые бои, и в ходе их консул Кай Фламиний начал великую дорогу, которую с тех пор называют Фламиниевым путем, и которая была великой северной дорогой из Рима, как Аппиева дорога была южной.

РАНЕННЫЙ ГАЛЛ.

Великим героем войны стал Марк Клавдий Марцелл, уже прославившийся своей бесстрашной храбростью. Будучи консулом, он сразился в отчаянной битве на берегу По с галлами по обе стороны Альп и сам убил их царя или вождя Виридомара. Он привез добычу в Рим и повесил ее в храме Юпитера. Это был всего лишь третий случай в истории Рима, когда подобное было сделано. Таким образом, Цизальпинская Галлия была покорена, и для ее защиты была проложена еще одна дорога, а во время последовавшего за этим короткого мира ворота храма Януса были закрыты, оставаясь открытыми со времен правления Нумы.

Римляне начали приравнивать свои культы к греческим. Они отправляли подношения в греческие храмы, говорили, что их старые боги - те же, что и у греков, только под другими именами, и отправили посольство в Эпидавр, чтобы выпросить статую Эскулапия, бога медицины и сына фиванского Аполлона. Эмблемой Эскулапия была змея, и у его храма в

Эпидавре держали прирученных змей. Одна из них вплыла на римскую галеру, приплывшую за статуей, и все члены экипажа относились к ней с большим уважением, пока они не отплыли вверх по Тибру. Тогда она выбралась из судна и поплыла к острову, образовавшемуся в результате оседания ила вокруг кучи кукурузы, которую бросили в реку, когда Порсена опустошил страну. Это означало, что сам бог вступил во владение этим местом, и в его честь там воздвигся великолепный храм.

Еще одно подражание грекам, вошедшее в моду в это время, оказало печальное влияние на римлян. Старинные похороны в греческих поэмах заканчивались играми и поединками между фехтовальщиками. Два брата из рода Брутов впервые продемонстрировали такую игру на похоронах отца, и это стало обычным обычаем, не только на похоронах, но и во всех случаях, когда нужно было развлечь народ, показывать поединки мечников. Для этого использовались пленные солдаты из покоренных народов, а некоторые содержали школы рабов, которых обучали этим боям и называли гладиаторами. Бой был настоящим, с острым оружием, на жизнь и смерть; когда человека поражали, его оставляли в живых или приговаривали к смерти в зависимости от того, как зрители опускали или поднимали большие пальцы. Римляне думали, что это зрелище воспитывает в них храбрость и презрение к смерти и ранам, но на самом деле оно лишь делало их жестокосердными и учило презирать чужую боль - совсем другое дело, чем презирать свою собственную.

Еще один вред принесло то, что мужчинам было разрешено бросать жену, у которой не было детей. Это привело к тому, что римляне стали меньше заботиться о том, чтобы иметь одну хорошую жену, и римские дамы стали гораздо менее благородными и прекрасными, чем были в старые добрые времена.

КЛЯТВА ГАННИБАЛА.

Тем временем карфагеняне, потеряв три острова, начали распространять свои поселения дальше в Испании, где их главной колонией стал Новый Карфаген, или, как мы его называем, Карфагена. В горах было много золотых рудников, а иберийцы, народ, владевший ими, были храбры и воинственны, так что приходилось много воевать, чтобы формировать новые армии. У Гамилькара, главного полководца, было четверо сыновей, которых он назвал львятами, выведенными против Рима. Он взял их с собой в Испанию, и ради успеха своего оружия принес в жертву самого младшего и перспективного, Ганнибала, мальчика девяти лет, заставив возложить руку на алтарь Ваала и дать клятву, что он всегда будет врагом римлян. Гамилькар был убит в бою, но Ганнибал вырос и стал тем, на кого рассчитывали, и в двадцать шесть лет командовал армией. Он угрожал иберам из Сагунтума, которые послали просить помощи у Рима. Ему было отправлено послание с запретом беспокоить союзника Рима, но он уже решился на войну и, даже не спросив у карфагенского сената, что делать, продолжил осаду Сагунтума. Рим был занят войной в Иллирии и не мог прислать помощь, а сагунтийцы держались с величайшей храбростью и постоянством, месяц за месяцем, пока не оказались на грани голодной смерти, тогда они разожгли большой костер, убили всех своих жен и детей и позволили Ганнибалу получить лишь груды дымящихся развалин.

В ПИРЕНЕЯХ.

Римляне снова послали в Карфаген жаловаться, но тамошний сенат решил, что война должна быть, что сейчас самое время, когда у Рима на руках война в Иллирии, а Цизальпинская Галлия почти не покорилась, и у них есть такой полководец, как Ганнибал, хотя они не знали, какой замечательный план он задумал, а именно: пройти по суше из Испании в Италию, заручиться помощью галлов и взбудоражить все те народы Италии, которые так долго воевали против Рима. Его поход, знаменующий начало Второй Пунической войны, начался с берегов Эбро в начале лета 219 года. Его армия насчитывала 20 000 пеших и 12 000 конных, частично карфагенских, частично галльских и иберийских. Всадники были мавританскими, и у него было тридцать семь слонов. Он оставил своего брата Гасдрубала с 10 000 человек у подножия Пиренеев и двинулся дальше, но не смог достичь Альп до поздней осени, и его переход - одно из величайших чудес истории. Дорог там не было, и ему пришлось пробиваться вверх по перевалам Малого Сен-Бернара через снег и лед, ужасные для людей и животных Африки, и всю дорогу шли бои, так что люди и лошади гибли в огромных количествах, и только семь слонов осталось, когда он наконец спустился на равнины Северной Италии, где, как он надеялся, его встретят цизальпийские галлы.

ГЛАВА XIX.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА.

219.

Когда римляне узнали, что Ганнибал перешел Пиренеи, они собрали две армии: одну под командованием Публия Корнелия Сципиона, которая должна была идти в Испанию, и другую под командованием Тиберия Семпрония Лонга, чтобы напасть на Африку. Они изменили свой план и оставили Семпрония для защиты Италии, а Сципион отправился морем в Марсалу, греческую колонию в Галлии, чтобы попытаться остановить Ганнибала у Роны; но он опоздал, и поэтому, отправив большую часть своей армии в Испанию, сам вернулся с самыми лучшими войсками. С ними он попытался остановить врага у реки Тицинус, но потерпел поражение и был так тяжело ранен, что его жизнь спасла только храбрость сына, который вывел его из боя.

ВСТРЕЧА ГАННИБАЛА И СЦИПИОНА В ЗАМЕ.

Прежде чем он смог снова присоединиться к армии, Семпроний еще раз сразился с Ганнибалом на берегу Требии и потерпел страшное поражение. Но наступила зима, и карфагенянам было очень трудно переносить болота Арно. Сам Ганнибал был так болен, что жизнью был обязан только последнему из своих слонов, который благополучно пронес его, когда он почти ослеп, а в конце потерял один глаз. Весной он продолжил опустошать страну, надеясь заставить двух новых консулов, Фламиния и Сервилия, сразаться с ним, но они были слишком осторожны, пока, наконец, Фламиний не напал на него в сильном тумане на берегу

Тразименского озера. Говорят, что землю сотрясло землетрясение, которого так и не заметили жаждающие воины; но римляне снова проиграли, Фламиний был убит, и произошла страшная резня, ведь Ганнибал поклялся не давать четверти римлянину. Единственное, что обнадеживало Рим, - это то, что ни галлы, ни этруски, ни италики не проявили желания выступить на стороне Ганнибала; и хотя он был уже совсем близко от Рима, он не мог осадить его без помощи окрестных жителей, которые могли бы принести ему припасы, поэтому он двинулся только на юг, надеясь заручиться поддержкой греческих колоний. Диктатором был назначен Квинт Фабий Максим, который считал, что, укрепив все гарнизоны в городах и лишив их провианта, он наконец-то измотает врага. Поскольку он всегда откладывал сражение, его прозвали Кунктатором, или Откладывающим; но наконец он загнал карфагенян, как в ловушку, в долину реки Вультурн и надеялся отрезать их, расставив людей в засаде, чтобы напасть на них во время утреннего марша. Ганнибал догадался, что так и должно быть; ночью он собрал весь скот в лагере, прикрепил факелы к их рогам и погнал их на холмы. Римляне, думая, что окружены врагом, вышли из своих укрытий и отступили к лагерю, а Ганнибал со своей армией благополучно спасся бегством. Это несчастье утомило римлян, и когда год закончился и пришли два консула, один из них, Луций Эмилий Паулюс, продолжал придерживаться того же осторожного плана - выморить Ганнибала голодом без сражения, другой, Кай Теренций Варро, который командовал поочередно с ним, был настроен на битву. Ганнибал так распорядился, что битва состоялась на равнине Канны, где было много места для использования его мавританской лошади. В этот день командовал Варро, и он бросился в центр врага; Ганнибал освободил для него место, затем сомкнулся с обеих сторон со своим ужасным конем и устроил римлянам настоящую резню. В последний раз консула Эмилия видел трибун Лентул, который нашел его сидящим на камне в обмороке и истекающим кровью и хотел дать ему своего коня, чтобы спастись, но Эмилий ответил, что не желает обвинять своего товарища в безрассудстве и лучше умрет. Когда подоспел отряд врагов, Лентул ускакал и, оглянувшись, увидел, что его консул упал, пронзенный дротиками. Было убито так много римлян, что Ганнибал отправил в Карфаген корзину с 10 000 золотых колец, которые носили рыцари.

АРХИМЕДЫ.

Ганнибал находился всего в пяти днях марша от Рима, и его офицеры хотели, чтобы он повернул назад и напал на него при первом же потрясении от поражения, но он не мог рассчитывать на успех без дополнительной помощи из дома, а ему хотелось завоевать греческие города на юге; поэтому он зазимовал в Кампании, ожидая свежих войск из Африки или из Испании, где его брат Маго готовил армию. Но карфагенянам не было дела до походов Ганнибала в Италию, и они не прислали никакой помощи; а Публий Корнелий Сципион и его брат с римской армией в Испании следили за Маго и мешали ему идти в поход, пока наконец он не дал им сражение, разбил и убил их обоих. Но ему не позволили отправиться в Италию к своему брату, который тем временем обнаружил, что его армия настолько неуправляема и недисциплинирована в восхитительной, но вялой Кампании, что римляне объявили роскошь Капуи своими лучшими союзниками. Однако он остался на юге, пытаясь заручиться союзом царя Македонии и подстрекая Сиракузы к восстанию. Марцелл, который был консулом в третий раз, был послан с целью сбить город, который был знаменит своей обороной, так как в нем находился Архимед, величайший математик своего времени, который придумывал чудесные машины для сокрушения осаждающих неожиданными способами; но в конце концов Марцелл нашел слабую часть стен и удивил горожан. Он приказал спасти Архимеда, но один солдат, не зная его, ворвался в комнату философа и застал его настолько увлеченным своим занятием, что он и не слышал штурма города. Он размахивал мечом. "Подожди, - пробормотал Архимед, - пока я не разберусь в своей проблеме", но тот, не поняв его, убил его.

Ганнибал остался в Италии и держался там с удивительным мастерством, хотя и не питал тех надежд, с которыми отправился в путь. Его брату Гасдрубалу удалось покинуть Испанию с войском, чтобы помочь ему, но на реке Метавр его встретил Тиберий Клавдий Нерон, избил и зарубил. По приказу Нерона ему отрубили голову и бросили в лагерь Ганнибала, чтобы передать весть о его судьбе.

Молодого Сципиона тем временем отправили в Испанию, где он добился больших успехов, завоевав дружбу иберов и отвоевывая город за городом, пока у Маго не остались только Гадес и крайний юг. Сципион был одним из самых благородных римлян, храбрым, благочестивым и, что еще более необычно, обладал таким милым и властным нравом, что о нем говорили, что, куда бы он ни отправился, он мог бы стать королем.

Вернувшись в Рим, он доказал сенату, что лучший способ выбить Ганнибала из Италии - это напасть на Африку. Осторожный старый Фабий сомневался, но Сципиона отправили в Сицилию, где он заключил союз с Массиниссой, мавританским царем в Африке; получив разрешение на осуществление своего плана, он был послан туда и так встревожил Карфаген, что Ганнибал был отозван защищать свою страну, где он не был с самого детства. Между ним и Ганнибалом произошла великая битва при Заме, в которой Сципион одержал победу, а потери Карфагена были столь ужасны, что римляне готовы были ворваться в него и сделать своим подданным, но Сципион убедил их быть терпеливыми. Карфаген должен был платить огромную дань и поклясться никогда не воевать с союзниками Рима. Так закончилась Вторая Пуническая война в 201 году.

ГЛАВА XX.

ПЕРВАЯ ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА.

215-183.

Сципион оставался в Африке до тех пор, пока не уладил дела и не завоевал такую признательность Массиниссы, что этот нумидийский царь был уверен, что будет блюсти интересы Рима. Затем Сципион вернулся домой и с великим триумфом вошел в Рим, тем более благородный, что он не вел Ганнибала в цепях. Он был слишком великодушен, чтобы требовать выдачи ему столь храброго врага. Он получил фамилию Африкан, и был одним из самых уважаемых и любимых римлян. Он был первым, кто начал осваивать греческую науку и культуру и менять старую римскую грубость на милости философии и поэзии. Действительно, римляне начали много общаться с греками, и война, в которую они вступили сейчас, была первой ради распространения их собственной власти. Все предыдущие были самообороной, а новая, по сути, возникла в результате Пунической войны, поскольку карфагеняне пытались уговорить Филиппа, царя Македонского, пойти по пути Пирра и помочь Ганнибалу в Южной Италии. Римляне не пускали его, подстрекая против него разбойников-итолийцев, а когда он начал наказывать этих диких соседей, римляне объединились со старыми греческими городами, которые Македон угнетал, и началась большая война.

Тит Квинций Фламиний командовал в Греции четыре года, сначала как консул, а затем как проконсул. Его венцом стала победа при Циноцефалах, или Собакоголовых скалах, где он настолько сокрушил силы Македонии, что на Истмийских играх провозгласил освобождение Греции, и в радости народ собрался вокруг него с коронами и гирляндами и кричал так громко, что птицы в воздухе, как говорят, падали вниз при звуке.

У Македонского были города в Малой Азии, и враг царя Сирии, Антиох Великий, надеялся овладеть ими и даже покорить Грецию с помощью Ганнибала, который после поражения в Карфагене оказался не в силах жить и скитался, готовый предоставить свои услуги любому, кто был врагом Рима.

Поскольку Рим принял сторону Филиппа, как своего подданного и союзника, то вскоре он получил полную свободу действий; но сирийцы были настолько жалкими войсками, что даже Ганнибал ничего не мог с ними сделать, а сам царь не слушал его советов, а тратил время на удовольствия на острове Эвбея. Поэтому консул Ацилий сначала разбил их при Фермопилах, а затем, когда Луций Корнелий Сципион был послан вести войну, его великий брат Африкан вызвался пойти с ним в качестве лейтенанта, и вместе они последовали за Антиохом в Малую Азию и получили такие преимущества, что сириец был вынужден просить о мире. В ответ

римляне потребовали от него отдать всю Малую Азию вплоть до горы Тарс, и в отчаянии он рискнул сразиться в Магнезии и потерпел полное поражение: 80 000 греков и сирийцев были повержены 50 000 римлян. Ни Африкан, ни Ганнибал не присутствовали на этом сражении, так как первый был болен, а второй осажден в одном из городов Памфилии; но во время заключения мира, как говорят, они встретились на дружеской ноге, и Сципион спросил Ганнибала, кого он считает величайшим полководцем. "Александр", - был ответ. "А кто следующий величайший?" "Пирр". "Кого ты считаешь третьим?" "Себя", - ответил Ганнибал. "А если бы ты победил меня?" - спросил Сципион. "Тогда бы я поставил себя выше Александра".

ГАННИБАЛ

Римляне настаивали на том, чтобы Антиох отстранил Ганнибала от власти, хотя Сципион заявил, что это неблагородно; но они боялись его непрекращающейся вражды; и когда он укрылся у царя Ботнии, они все равно требовали, чтобы его выдали или прогнали. На это Ганнибал, измученный и разочарованный, покончил с жизнью с помощью яда, сказав, что так он избавит римлян от страха перед стариком.

Провинции, отнятые у Антиоха, были отданы Эвмену, царю Пергама, который должен был править ими как данник римлян. Луций Сципион получил фамилию Азиатик, и оба брата вернулись в Рим; но они были слишком щедры и милосердны к побежденным, чтобы соответствовать захватническому духу, который начал преобладать в Риме, и сразу после своего триумфа Луций был обвинен в том, что присвоил себе непомерную долю добычи. Его брат был слишком возмущен позорным обвинением, чтобы дать ему возможность оправдаться, но разорвал свои счета перед лицом народа. После этого трибун Невий злобно потребовал от него отчета о добыче в Карфагене, взятой за двадцать лет до этого. В ответ он лишь воскликнул: "Сегодня день победы при Заме. Давайте возблагодарим за нее богов!" Он привел с собой в храм Юпитера всех, кто был благороден и добр в Риме, и принес юбилейную жертву. Никто не смел и слова сказать против него или его брата; но он не пожелал оставаться среди оскорбивших его граждан, а удалился в свое имение в Литернуме и, когда умер, пожелал быть похороненным там, сказав, что не оставит даже костей своих неблагодарной стране. Род Корнелиев был единственным среди высших римлян, которые хоронили, а не сжигали своих мертвецов. Он не оставил сына, только дочь, которая была замужем за Тиберием Семпронием Гракхом, храбрым офицером, который был среди тех, кого отправили добывать Испанию. Это была долгая, страшная война, город за городом, дюйм за дюймом; но Гракх, как говорят, взял не менее трехсот крепостей. Но он был более мягким

завоевателем, чем некоторые римляне, и пытался приручить и цивилизовать дикие расы, вместо того чтобы обращаться с ними с ужасной суровостью, которую проявлял Марк Порций Катон, самый суровый из всех старых римлян. Однако к 178 году Испания была приведена к повиновению, а в городах и на побережье царил порядок, хотя в горах обитали свирепые племена, всегда готовые к восстанию.

Гракх умер рано, и Корнелия, его вдова, посвятила себя заботам о его троих детях, отказавшись снова выйти замуж, что было очень редко для римской дамы. Когда одна дама попросила ее показать свои украшения, она назвала двух своих мальчиков, Тиберия и Кая, и их сестру Семпронию, и сказала: "Это мои драгоценности"; а когда ее похвалили за то, что она дочь Африкана, она ответила, что честь, которая должна быть ей дороже, - это называться "матерью Гракхов".

Однако не один из ее сыновей был избран, чтобы продолжить имя своего деда и жертвы рода Корнелиев. Вероятно, Кай еще не родился, когда Сципион умер, потому что его выбор пал на второго сына его сестры и Луция Эмилия Павла (сына того, кто погиб при Каннах). Этот ребенок, усыновленный дядей, был назван Публием Корнелием Сципионом Эмилианом и, когда вырос, должен был жениться на своей двоюродной сестре Семпронии.

ГЛАВА XXI.

ЗАВОЕВАНИЕ ГРЕЦИИ, КОРИНФА И КАРФАГЕНА.

179-145.

Это была большая перемена, когда Рим, казавшийся грекам времен Пирра таким грубым и простым, стал считаться такой школой политики, что греческие и полугреческие цари посылали туда своих сыновей на обучение, отчасти в качестве заложников за собственное миролюбие, а отчасти для того, чтобы они усвоили дух римского правления. Первым таким царем был Филипп Македонский, который отправил своего сына Деметрия на воспитание в Рим; но когда он вернулся, отец и брат позавидовали ему, и вскоре он был предан смерти.

Когда на престол взошел его брат Персей, между ним и римлянами возникла ненависть, и вскоре его обвинили в том, что он ведет войну с их союзниками. Он предложил заключить мир, но ему ответили, что ничего не услышат, пока он не сложит оружие, а этого он делать не хотел, и тогда Луций Эмилий Паулюс (шурин Сципиона) был послан, чтобы урезонить его. Когда Эмилий, получив назначение, вошел в свой дом, он встретил свою маленькую дочь,

которая плакала, и когда он спросил ее, в чем дело, она ответила: "О, отец, Персей умер!". Она имела в виду свою маленькую собачку, но он поцеловал ее и поблагодарил за доброе предзнаменование. Он захватил Македон и одержал победу в великой битве при Пидне, после которой Персей был вынужден отдать себя в руки римлян, умоляя, однако, не заставляя его идти на триумф Эмилия. Генерал ответил, что он может получить эту милость от самого себя, то есть умереть от своей руки; но Персей не понял намека, что кажется нам гораздо более шокирующим, чем римлянину; он все же пошел на триумф и умер через несколько лет после этого в Италии. Два сына Эмилия были с ним во время этой кампании, хотя и оставались мальчиками под руководством Полибия, их ахейского воспитателя. Македон был разделен на четыре провинции и полностью подчинился Риму.

КОРИНТ.

Греки Ахейской лиги начали ссориться между собой, а когда в дело вмешались римляне, в них вспыхнул яростный дух, и они захотели получить свою прежнюю свободу, забыв, что совершенно не способны противостоять власти римлян. Кай Цецилий Метелл, выходец из одной из лучших и благороднейших римских семей, был терпелив с ними и делал все возможное, чтобы умиротворить их, не желая разрушать старые благородные исторические города; но глупые греки решили, что его доброта свидетельствует о слабости, и начали войну, отправив отряд охранять Фермопильский проход, но были сметены. К несчастью, Метелл вынужден был покинуть свой пост, и на его место пришел Луций Муммий, свирепый, грубый и невежественный солдат, чтобы завершить завоевание. Коринф был взят, полностью разрушен и разграблен, в Рим отправлено огромное количество сокровищ, а также картины и статуи, прославившиеся на весь мир. Над Муммием очень смеялись за то, что он сказал, что их нужно нести в своем триумфе; и, не понимая их красоты, он сказал морякам, которым их отдали, что если они потеряются, то нужно поставить новые. Однако он был честным человеком и не стал наживаться на награбленном, как это делали слишком многие. После этого Ахайя стала римской провинцией.

В это время шла третья и последняя Пуническая война. Старый мавританский царь Массинисса постоянно терзал Карфаген с тех пор, как тот ослабел, и заявлял, что финикийским чужакам нечего делать в Африке. Карфагеняне, не имевшие возможности защититься, жаловались, но римляне не слушали их, надеясь, возможно, что в конце концов их заставят напасть на мавра и тем самым дадут повод для войны. Старый Марк Порций Катон, посланный с посланием в Карфаген, вернулся, заявив, что небезопасно подпускать к

столь могущественному городу врагов. Он привез с собой ветку свежих и хороших фиг, которую показал сенату в доказательство того, что она была совсем рядом, и заканчивал каждое предложение словами: "*Delenda est Carthago*" (Карфаген должен быть уничтожен). Он умер в том же году в возрасте девяти лет, проведя большую часть своей жизни в упорном сопротивлении легким и роскошным модам, которые входили в моду вместе с богатством и утонченностью. Одно из его высказываний всегда заслуживает того, чтобы о нем вспомнили. Когда он выступал против закона, разрешающего дамам носить золото и пурпур, он сказал, что все они будут соперничать друг с другом и что бедным будет стыдно за то, что они не выглядят так же хорошо, как богатые. "И, - сказал он, - та, кто краснеет, делая то, что должна, скоро перестанет краснеть, делая то, что не должна".

Удивительно, что он не понимал, что отсутствие врага поблизости, от которого можно было бы защититься, - это самое худшее для выносливого, простого старого образа жизни, которого он так хотел придерживаться. Однако Карфаген должен был быть уничтожен, и Сципион Эмилиан был послан для выполнения этой ужасной работы. Он победил Гасдрубала, последнего из карфагенских полководцев, и взял цитадель Бирса; но хотя все надежды были потеряны, город держался в полном отчаянии. Оружие ковали из домашней утвари, даже из золота и серебра, а женщины скручивали свои длинные волосы в тетивы для луков; при штурме стен сражались от улицы к улице и от дома к дому, так что римлянам достались лишь руины и трупы. Карфаген и Коринф пали в один и тот же день 179 года.

Оставалось покорить часть Испании, и туда был отправлен Сципион Эмилиан. Город Нумантия, насчитывавший всего 5000 жителей, выдержал одну из тех долгих и безнадежных осад, которыми во все времена отличались испанские города, и был взят только тогда, когда погибли почти все жители.

В то же время Аттал, царь Пергама в Малой Азии, будучи последним представителем своего рода, завещал свои владения римлянам и тем самым впервые прочно закрепил их там.

Все это сильно меняло нравы римлян. Как ни слабы были греки, но их старые добрые дела по-прежнему вызывали всеобщее восхищение, и римляне, которые всегда были грубыми и прямолинейными исполнителями, стали желать научиться у них думать. Все богатые семьи нанимали греков в качестве наставников для своих сыновей и ожидали, что те будут говорить и писать на этом языке, изучать философию и поэзию, пока не станут знать их так же хорошо, как если бы они сами были греками. К несчастью, сами греки утратили свою серьезность и величие, так что теперь от них можно было узнать лишь тщеславное лукавство и дурной вкус.

Богатые римляне тоже стали доходить до абсурдной роскоши. У них были великолепные виллы на склонах итальянских холмов, куда они отправлялись проводить лето, когда в Риме было нездорово, и где у них были прекрасные сады с площадками, вымощенными мозаикой, и прудами для домашних рыбок, к которым многие питали страсть. Над одним мужчиной смеялись за то, что он проливал слезы, когда умирала его любимая рыбка, а он в ответ говорил, что это больше, чем сделал его обвинитель для своей жены.

Их пиры были настолько роскошными, насколько они могли их устроить, несмотря на законы, призванные держать их в рамках. Среди их блюд были и соловьиные языки, и откормленные дормисы, и даже улитки, а иногда по столу пускали ручей, в котором жила спутница кефали, служившей частью трапезы.

ГЛАВА XXII.

ГРАЧИ.

137-122.

Юный Тиберий Семпроний Гракх, старший из драгоценностей Корнелии, был отправлен в 137 году в Испанию, чтобы присоединиться к римской армии. Проезжая через Этрурию, которая, как все знали, в былые времена была густонаселенной и плодородной страной, он был потрясен, увидев ее уныние и запустение. Вместо ферм и виноградников здесь были огромные голые пространства земли, на которых паслись овцы, дети или козы. Эти огромные участки принадлежали римлянам, которые держали рабов для ухода за стадами; вся кукуруза, которая использовалась в Риме, привозилась из Сицилии или Африки, а более бедные римляне жили в самом городе - праздные люди, полагавшиеся в основном на поставки кукурузы и неспособные работать на себя, потому что у них не было земли для обработки; что касается ремесел и промыслов, то богатые люди имели все, что хотели, сделанное в их собственных домах их рабами.

КОРНЕЛИЯ И ЕЕ СЫНОВЬЯ.

Неудивительно, что римляне теряли свой прежний характер. Именно это должен был предотвратить закон Лициния, запрещавший гражданам иметь больше определенного количества земли и дававший государству право распоряжаться ею. Закон все еще действовал, но его не использовали и забыли; поместья перешли в руки семей и передавались по наследству, и теперь, хотя в стране было 400 000 граждан, только 2 000 были людьми с собственностью.

Пока Тиберий служил в Испании, он принял решение о своем плане. Поскольку его семья была плебейской, он мог стать народным трибуном, и как только он вернулся домой, он выставил свою кандидатуру и был избран. Затем он предложил возродить закон Лициния, по которому никто не должен был иметь более 500 акров земли, а остальное разделить между теми, у кого ничего нет, оставив, однако, большую часть тем, у кого много детей.

Разумеется, поднялся страшный шум: народ стал отстаивать свои права, а богачи пытались помешать этой мере. Они подкупили одного из других трибунов, чтобы тот запретил; но завязалась борьба, в которой победил Тиберий, и он, его молодой брат Каий и тесть Аппий Клавдий были назначены триумвирами, чтобы проследить за исполнением закона. Затем богачи последовали своему старому плану и распространили в народе слухи о том, что Тиберий хочет стать царем и принял корону и пурпурную мантию от какого-то иностранного посланника. Когда год его правления подходил к концу, он попытался снова избраться трибуном, но патриции сказали, что это противозаконно. Начались большие беспорядки, во время которых он приложил руку к голове, то ли чтобы защитить ее от удара, то ли чтобы позвать друзей. "Он требует диадему", - кричали его враги, и завязалась большая борьба, в которой погибло триста человек. Тиберий попытался укрыться в храме Юпитера, но двери были закрыты перед ним; он споткнулся, был сбит с ног дубиной и убит.

Однако закон Семпрония был принят, и народ, конечно, хотел, чтобы он выполнялся, в то время как вельможи хотели, чтобы он был мертвой буквой. Сципион Эмилиан, шурин Гракхов, все это время находился в Испании, но он настолько не одобрял поступки Тиберия, что, как говорят, услышав о его смерти, воскликнул: "Да погибнут все, кто поступает подобным образом". Но, вернувшись домой, он так много сделал для успокоения и умиротворения дел, что раздались крики о том, чтобы сделать его диктатором и позволить ему уладить все дела. Молодой Кай Гракх, думая, что дело будет проиграно, попытался помешать выбору, закрепив за ним имя тирана. На что Сципион спокойно ответил: "Враги Рима могут желать мне смерти, ибо они знают, что пока я жив, Рим не может погибнуть".

Вернувшись домой, он закрылся в своей комнате, чтобы подготовить речь к следующему дню, но утром его нашли мертвым, без единой раны, хотя его рабы заявили, что он был убит. Некоторые подозревали его жену Семпронию, другие - ее мать Корнелию, но сенат не захотел расследовать это дело. Он не оставил после себя детей, и на нем закончился род Корнелиев Африканских.

Кай Гракх был на девять лет моложе своего брата и был избран трибуном, как только достиг совершеннолетия. Он был полон еще больших замыслов, чем его брат. Мать умоляла его предостеречься от судьбы брата, но он был полон своих замыслов и осуществил некоторые из них. Он заставил подтвердить закон Семпрония, хотя и не мог действовать в соответствии с ним; тем временем он ввел обычай раздавать кукурузу бедным гражданам и нашел для них работу на дорогах и мостах; он также заставил государство одевать солдат, вместо того чтобы они делали это за свой счет. Другой план, который он сначала предложил, заключался в том, чтобы сделать италиков из стран, которые теперь составляли единое целое с римской территорией, гражданами с правом голоса, как у самих римлян; но это снова возмутило патрициев, которые увидели, что они будут переполнены и потеряют свою власть.

Он также хотел основать колонию плебеев на развалинах Карфагена, и когда его трибунство закончилось, он отправился в Африку, чтобы заняться этим; но когда он вернулся домой, патриции организовали нападение на него, и он был оскорблен ликтором консула Опинием. Патриции собрались с одной стороны, более бедные слои населения - вокруг Кая на Авентинском холме; но знатные были сильнее всех, плебеи бежали, а Кай с одним рабом

удалился в священную рощу, откуда надеялся выйти к Тибру; но роща была окружена, отступление отрезано, и он приказал рабу убить его, чтобы тот не попал живым в руки врагов, после чего бедный верный парень покончил с собой, не выдержав потери своего господина. Сенат пообещал за голову Кая золотой вес, и человек, нашедший тело, как говорят, вынул мозги и наполнил их свинцом, чтобы награда была больше. В этом бунте погибло три тысячи человек, в десять раз больше, чем при смерти Тиберия.

Опимий так гордился тем, что сверг Кая, что выбил медаль с изображением Геркулеса, убивающего чудовищ. Корнелия, разбитая горем, удалилась в загородный дом; но через несколько лет чувства переменялись, память о братьях стала почитаться с большой любовью, в их честь были установлены статуи, а когда умерла сама Корнелия, на ее статуе был выбит желанный титул "Мать Гракхов".

РИМСКИЙ ЦЕНТУРИОН.

Ситуация действительно становилась все хуже и хуже. Римляне были как всегда храбры на поле боя и в конце концов обязательно покоряли любой народ, с которым сталкивались; но дома города были полны разросшихся богачей с огромным количеством рабов и буйных бедняков, которые заботились о своем гражданстве только ради кукурузы, которую они получали, и игр, которые устраивали те, кто претендовал на магистрат. Огромные суммы тратились на наем гладиаторов и приманку диких животных для их развлечения, а затем, когда их отправляли управлять провинциями, расходы окупались жестоким издевательством и грабежом жителей завоеванных государств.

ГЛАВА XXIII.

ВОЙНЫ МАРИУСА.

106-98.

После смерти Массиниссы, царя Нумидии, союзника римлян, между его внуками начались раздоры, и Югурта, который, по их мнению, имел меньше всего прав, получил царство. Командующим посланной против него армией был Кай Марий, который вырос из свободного римского крестьянина в деревне Арпинум, но, служа под началом Сципиона Эмилиана, проявил такие способности, что когда кто-то задался вопросом, где найти равного Сципиону, когда его не станет, этот генерал тронул за плечо своего молодого офицера и сказал: "Возможно, здесь".

Грубый солдат, каким он всегда был, он женился на Юлии из высокого рода Сезаров, которые, как говорили, происходили от Энея; и хотя его очень не любил сенат, он всегда увлекал за собой народ. Когда он получил провинцию Нумидию, то вместо того, чтобы, как все делали раньше, формировать свою армию только из римских граждан, он предложил набирать в нее всех, кто пожелает, и таким образом пополнил свои ряды самыми разными дикими и отчаянными людьми, которых он, правда, мог обучить сражаться, но у которых не было прежнего чувства чести и государства, что в итоге произвело большие перемены в Риме.

Югурта вел дикую войну в пустынях Африки с Марием, но в конце концов был предан римлянам своим другом Бокхом, другим мавританским царем, и Луций Корнелий Сулла, лейтенант Мариуса, был послан принять его - сделка, которую Сулла отметил на перстне, который он всегда носил. Бедного Югурту держали два года, чтобы он явился на триумф, где он шел в цепях, а затем живым бросили в подземелье под Капитолием, где он шесть дней умирал от холода и голода.

Марий был избран консулом во второй раз еще до того, как вернулся домой из Африки, ведь это было время больших опасностей. Два свирепых и страшных племени, которых римляне называли кимврами и тевтонами и которые были лишь авангардом той стаи, которая одолеет их шесть веков спустя, спустились через Германию в оседлые страны, принадлежащие Риму, особенно в земли вокруг старых греческих поселений в Галлии, которые, конечно же, попали в руки римлян и были полны красивых богатых городов с домами и садами вокруг них. Провинция, как называли ее римляне, стала бы отличным местом для грабежа этих дикарей, и Марий расположился лагерем на берегу Роны, чтобы защитить ее, прорубив канал для доставки провизии с моря, который сохранился до сих пор. Пока он был занят этим делом, его в четвертый раз избрали консулом.

МАРИЙ.

Враг начал движение. Цимбрийцы намеревались обогнуть Альпы на востоке и через Тироль влиться в Италию; тевтонцы - идти на запад, сражаясь с Марием по пути. Но он не выходил из своего лагеря на Роне, хотя тевтоны, проходя мимо, кричали, спрашивая римских солдат, какие послания они должны отправить своим женам в Италию.

Когда все они прошли, он вышел из своего лагеря и последовал за ними до Акве Секстии, которая теперь называется Экс, где произошла одна из самых страшных битв, которые когда-либо видел мир. Эти люди были целым племенем - жены, дети и все, что у них было с собой, - и поражение означало полное и абсолютное разорение. Из телег и повозок был сделан большой загон, из которого женщины метали стрелы и дротики, чтобы помочь мужчинам; и когда после трех дней упорной борьбы все надежды были потеряны, они подожгли загон и убили своих детей и самих себя. Вся стая была уничтожена. Марий ушел, и некому было похоронить мертвых, так что место было названо Путридскими полями и до сих пор известно как Les Pourrieries.

ОДИН ИЗ ТРОФЕЕВ, НАЗВАННЫЙ МАРИУСОМ, В РИМСКОМ КАПИТОЛИИ.

Пока Марий предлагал добычу, пришло известие, что он в пятый раз избран консулом; но ему пришлось поспешить в Италию, так как другой консул, Катул, не смог выстоять перед кимврами, и Марий встретил его на По, отступая от них. Кимвры потребовали земли в Италии для себя и своих союзников тевтонов. "У тевтонов есть все земли, которые им когда-либо понадобятся, по ту сторону Альп", - ответил Марий; последовала страшная битва, в которой Цимбри были полностью перебиты, как и их союзники.

Марий стал консулом в шестой раз. В награду храбрым солдатам, сражавшимся под его началом, он сделал тысячу из них, выходцев из города Камеринум, римскими гражданами, что очень не понравилось патрициям. Он оправдывался тем, что "грохот оружия заглушил голос закона"; но новым гражданам были предоставлены земли в провинции, которые, по словам римлян, галлы потеряли, а тевтоны вновь завоевали. Это было очень тяжело для галлов, но римлянина это волновало меньше всего.

Однако италийцы требовали прав римлян, и более дальновидные римляне, подобно Каю Гракху, предоставили им эти права. Марк Ливий Друз сделал для них все, что мог; он был хорошим человеком, мудрым и откровенным. Когда ему строили дом и показали план, по которому никто не мог бы в него заглянуть, он сказал: "Лучше построю такой, чтобы мои соотечественники могли видеть все, что я делаю". Его очень любили, и когда он болел, в храмах возносили молитвы о его выздоровлении; но не успел он встать на защиту италийцев, как все патриции его люто возненавидели. "Рим для римлян" - таков был их девиз. Однажды Друз принимал одного италийского джентльмена, а его маленький племянник Марк Порций Катон, потомок старого цензора и воспитанный в суровых патрицианских взглядах, играл в комнате. Италиец весело попросил его поддержать его дело. "Нет", - ответил мальчик. Ему предлагали игрушки и пирожные, если он передумает, но он все равно отказывался; ему угрожали, и, наконец, высадили его за одну ногу из окна - все это не поколебало его решимости ни на минуту; и это постоянство он пронес с собой через всю жизнь.

Умы людей озлобились, и Друза убили на улице, воскликнув при падении: "Когда же Рим найдет такого хорошего гражданина!" После этого италийцы взяли за оружие, и началась так называемая Социальная война. У Мариуса не было высшего командования, вероятно, он был слишком тесно связан с врагом. Некоторые италийские племена поддерживали Рим, и эти племена были вознаграждены гражданством; в конце концов, хотя консул Луций Юлий Цезарь, шурин Мария, одержал несколько побед, восстание было настолько широко распространено, что сенат счел самым разумным при первом же признаке мира предложить гражданство тем италийцам, которые в течение шестидесяти дней придут за ним. Гражданство ставило человека под власть римского права, освобождало его от налогов и давало множество преимуществ и шансов подняться по карьерной лестнице. Но подавать свой голос он мог только в Риме и только там получал распределение кукурузы, а еще он мог быть призван на службу в легион, так что выгода была не так велика, как казалось на первый взгляд, и не очень большое количество италиков пришло просить о ней.

ГЛАВА XXIV.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАРИУСА.

93-84.

Главным врагом Мария почти всегда был его второй командир, Публий Корнелий Сулла, один из самых высокородных людей в Риме. Он обладал всей той высокой культурой и изящной образованностью, которую презирал грубый солдат Марий, говорил и писал по-гречески так же легко, как по-латыни, и был так хорошо начитан в греческой поэзии и философии, как ни один афинянин; но он предавался всем излишествам роскоши, которым предавались богатые римляне, и его образ жизни сделал его страшным на вид. Говорили, что его лицо напоминает тутовник, посыпанный солью, а из него сверкает ужасная пара голубых глаз.

В 93 году его отправили в поход против Митридата, царя Понта, одного из маленьких малоазийских царств, возникших после распада империи Александра. При этом царе, Митридате, оно стало очень могущественным. Он был персидского происхождения, обладал всеми знаниями и науками как Греции, так и Дальнего Востока, и, как говорят, особенно хорошо разбирался во всех растениях и их достоинствах, чтобы сделать себя защищенным от всех видов яда, и мог говорить на двадцати пяти языках.

Он обладал огромной властью в Малой Азии и взял на себя обязанность назначить царя Каппадокии, что привело к ссоре с римлянами. В разгар Социальной войны, когда он думал, что у них заняты руки в Италии, Митридат заставил всех местных жителей Малой Азии подняться на римлян в одну ночь и убить их всех, так что, как говорят, погибло 80 000 человек. Сулле было приказано принять командование армией, которая должна была отомстить за их смерть; но пока он собирал свои силы, Марий, разгневанный тем, что патриции помешали плебейам и италийцам добиться большего в Социальной войне, поднял большой шум, намереваясь одолеть сопротивление патрициев. Он поступил бы более мудро, если бы подождал, пока Сулла совсем уйдет, потому что этот полководец вернулся на помощь своим друзьям с шестью вновь набранными легионами, и Марий смог лишь ухитриться бежать из Рима, где его объявили предателем и назначили цену за его голову. Ему было уже семьдесят лет, но он был полон духа. Сначала он бежал на свою ферму, откуда надеялся добраться до Остии, где его ждал корабль; но тут заметили отряд всадников, спрятали его в телеге, полной бобов, и повезли к побережью, где он высадился, намереваясь отправиться в Африку; Но неблагоприятные ветры и недостаток пищи заставили его высадиться в Цирцее, откуда с несколькими друзьями он пробирался вдоль побережья, через леса и скалы, поддерживая дух своих спутников рассказами о том, что, будучи маленьким мальчиком, он ограбил птицу с семьей орлятами и что прорицатель предсказал ему, что он будет семь раз консулом. Наконец они увидели конный отряд, приближающийся к ним, и одновременно два корабля у берега. Единственной надеждой было доплыть до ближайшего корабля, но Марий был так тяжел и стар, что это удалось с большим трудом. Но даже тогда корабли были так близко к берегу, что преследователи могли приказывать команде выбросить Мариуса, но те отказались это сделать, хотя и ждали, пока солдаты уйдут, чтобы снова высадить его на берег. Здесь он оказался в болотистом месте, где один старик позволил ему отдохнуть в своем домике, а затем спрятал в пещере под кучей камышей. Однако снова появились войска и пригрозили старику за то, что он прячет врага римлян. Это

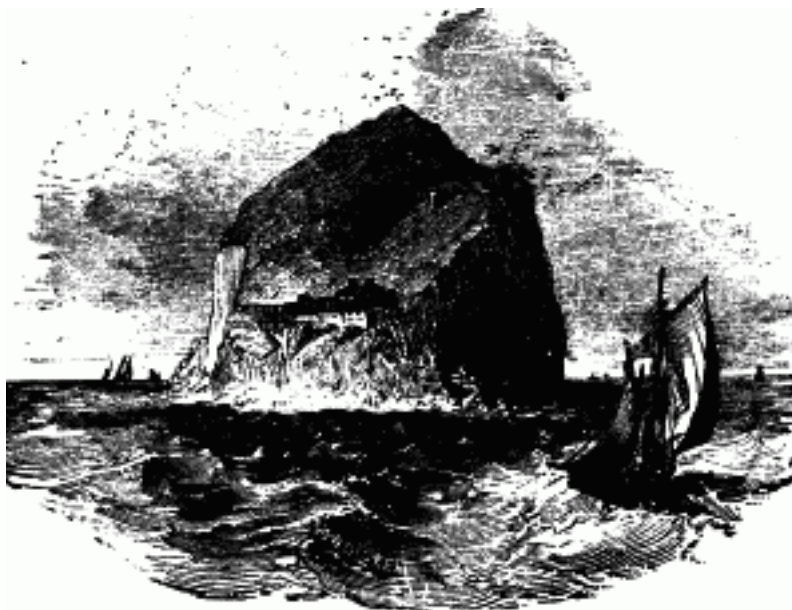
услышал Марий, и, боясь быть преданным, бросился в бассейн, где стоял по горло в воде, пока его не увидел солдат, вытащил и отвел в город Минтурнэ.

КАТАПУЛЬТА.

Там совет принял решение о его смерти и послал солдата убить его, но свирепый старик, глядя на него, сказал. "Смеешь ли ты убить Кая Мария?". Тот так испугался, что убежал, воскликнув: "Я не могу убить Кая Мария". Сенат Минтурны воспринял это как предзнаменование и, вспомнив, что он был хорошим другом италийцев, провел его через священную рощу к морю и отправил в Африку. Высадившись на берег, он послал своего сына просить убежища у одного из нумидийских князей, и, пока ждал ответа, его донимал гонец от римского офицера низкого ранга, запрещающий ему находиться в Африке. Он ничего не ответил, пока гонец не стал допытываться, что сказать своему господину. Тогда старик поднял глаза и сурово ответил. "Скажи, что ты видел Кая Мария, сидящего на развалинах Карфагена" - великий упрек за оскорбление павшего величия. Но нумидиец не смог принять его, и ему удалось найти убежище лишь на маленьком островке на побережье.

Там он вскоре узнал, что не успел Сулла отплыть на Восток, как Рим погрузился в страшное смятение. Консулы Кай Октавий и Публий Корнелий Цинна принадлежали к противоположным партиям, между ними произошла яростная схватка, в результате которой Цинна был изгнан из Рима, а в это время италийцы начали новую Социальную войну. Марий понял, что его время пришло. Он поспешил в Этрурию, где к нему присоединилась партия его друзей и пятьсот беглых рабов. Недовольные римляне сформировали еще одну армию под командованием Квинта Сертория, а самниты, начавшие войну, разгромили посланные против них войска и двинулись на Рим, заявив, что не будут иметь мира, пока не уничтожат волчье логово. Цинна с войском наступал с другой стороны, и, поскольку он действительно был консулом, сенат на свою беду принял его, надеясь, что он остановит остальных; но когда он вошел и снова сел в кресло, рядом с ним оказался старый Марий, одетый в лохмотья.

НА ПОБЕРЕЖЬЕ НАХОДИЛСЯ ОСТРОВ.

Они жаждали мести, и месть была ужасна: начиная с консула Кая Октавия, который не пожелал бежать, и чья голова была отрублена от тела и выставлена на Форуме, и многих других сенаторов благороднейшей крови Рима, которые оскорбили Мария, Цинну или кого-либо из их свирепых последователей. Марий шел в мрачном молчании, никому не отвечая, а его последователям было велено щадить только тех, кому он подаст руку для поцелуя. Рабы грабили дома, многих убивали по собственному почину, и все было в диком беспорядке, пока оба вождя не вызвали Сертория с легионом для восстановления порядка.

Затем они сами назначили себя консулами, даже не спросив о выборах, и таким образом Марий стал консулом семь раз. Он хотел отправиться на Восток и принять командование от Суллы, но его здоровье было слишком подорвано, и, не дожив до конца года своего консульства, он умер. В последний раз, когда он выходил из дома, он сказал друзьям, что никто не должен снова доверять такой сомнительной удаче, как его; затем он лег в постель на семь дней без всякой известной болезни, и там его нашли мертвым, так что думали, что он уморил себя голодом.

Цинна поставил другого консула по имени Валерий Флакк и предложил всем италийцам записать себя в римские граждане. Затем Флакк отправился на Восток, намереваясь отобрать командование у Суллы, который отслеживал Митридата из Греции, которую тот захватил и удерживал в течение короткого времени. Но против Флакка поднялось его собственное войско и убило его, и Сулла, победив Митридата, изгнав его в Понт и заключив с ним мир, должен был теперь вернуться домой.

ГЛАВА XXV.

ПРОСКРИПЦИЯ СУЛЛЫ.

88-71.

Друзья Цинны и Мария были в большом страхе перед возвращением Суллы в Рим. В Капитолии вспыхнул пожар, и это усилило их ужас, так как сгорели книги Сивиллы, и все ее пророчества были утеряны. Цинна попытался воспротивиться высадке Суллы, но был убит своими же солдатами в Брундизии.

Суллу с его победоносной армией было не остановить. Серторий бежал в Испанию, а сын Мария попытался с помощью самнитов оказать сопротивление и удержать Пренесту, но самниты были разбиты в страшной битве за стенами, и когда жители города увидели головы вождей, насаженные на острия копий, они настояли на сдаче. Юный Марий и один из самнитских знатных спрятались в пещере и, поскольку надежды у них не было, решили умереть; они сражались, надеясь убить друг друга, а когда Марий остался в живых, он заставил раба убить себя.

Сулла двинулся к Риму, разъяренный встреченным сопротивлением и решив отомстить. Он не мог войти в город, пока не был готов распустить армию и устроить триумф, поэтому сенат вышел встретить его в храме Беллоны. Когда они заняли свои места, то услышали страшные крики и вопли. "Неважно", - сказал Сулла, - "это всего лишь наказание каких-то несчастных". Этими несчастными были 8000 самнитских пленников, которых он захватил в битве при Пренесте и привел на убой в Campus Martius; под эти шокирующие звуки, свидетельствующие о его серьезности, пурпурнолицый генерал сказал дрожащему сенату ,

что если они подчинятся ему, то он будет добр к ним, но не пощадит ни одного из своих врагов, ни большого, ни малого.

А его люди уже были в городе и деревне, истребляя не только сторонников Мария, но и всех, на кого кто-либо из них имел злобу или чьего имущества жаждал. Тело Мария, которое было похоронено и не сожжено, извлекли из могилы и бросили в Тибр; были совершены такие ужасные деяния, что Сулле спросили в сенате, на чем должна была остановиться казнь. Он показал список из восьмидесяти человек, которым еще предстояло умереть; на следующий день и через день он принес другие списки, по двести тридцать человек в каждом. Эти страшные списки назывались проскрипциями, и с каждым, кто пытался укрыть жертв, поступали одинаково. Имущество всех убитых было конфисковано, а их дети объявлены неспособными занимать какие-либо государственные должности.

Среди тех, кому угрожала опасность, был племянник жены Мария, Кай Юлий Цезарь, но, поскольку он принадлежал к высокому патрицианскому роду, Сулла потребовал от него лишь развестись с женой и жениться на падчерице. Сесар отказался и бежал на Сабинские холмы, где за ним были посланы преследователи; но его жизни просили его друзья в Риме, особенно весталки, и Сулла пощадил его, сказав, однако: "Берегитесь; в этом молодом пустяке больше, чем в одной Марии". Сесар отправился в армию на Восток для обеспечения безопасности и таким образом прервал праздную жизнь, которую он вел в Риме.

ПАЛАЦЦО ВЕККЬО, ФЛОРЕНЦИЯ.

Сельские жители были наказаны еще более жестоко, чем горожане: целые города были разрушены, а районы опустошены; вся Этрурия была опустошена, старый род полностью сметен, а города разрушены до основания; новый город Флоренция был построен на их останках, и все, что мы знаем о них, - это гробницы, которые были открыты в последние годы.

КОРНЕЛИЙ СУЛЛА.

Оба консула погибли, и Сулла назначил себя диктатором. Он действительно преследовал определенную цель во всех совершенных им ужасах: расчистить путь для восстановления старого правительства в Риме, которое свергли Марий и его италики. Он не видел, что правило, которое неплохо работало, пока Рим был лишь маленьким городом с небольшой страной вокруг него, не сработает, когда он станет главой многочисленных далеких стран, где правители, как он сам и Марий, разбогатели и подготовили под себя армии, способные одолеть все государство у себя дома. Поэтому он принялся за работу, чтобы по возможности вернуть все в прежнее русло. Так много сената было убито, что ему пришлось восполнить численность за счет трехсот рыцарей; а чтобы восполнить недостаток других граждан после погибших хозяев, он позволил италийцам продолжать поступать в гражданство; десять тысяч рабов, принадлежавших его жертвам, были не только освобождены, но и стали гражданами как его собственные клиенты, получив таким образом имя Корнелий. Он также значительно ослабил власть народных трибунов и издал закон, согласно которому человек, однажды побывавший трибуном, никогда не должен быть избран ни на одну из высших должностей в государстве. Этими средствами он пытался сохранить старую патрицианскую власть, от которой, по его мнению, зависело величие Рима; хотя, в конце концов, старые великие патрицианские семьи в основном вымерли, а половина сената была лишь рыцарями, ставшими благородными.

После этого Сулла сложил с себя диктаторские полномочия, так как старел и изнурял свое здоровье буйством и роскошью. Он проводил время на вилле под Римом, беседуя с друзьями о философии и диктуя историю собственной жизни на греческом языке. Умирая, он велел

сжечь свое тело, вопреки обычаю Корнелиев, несомненно опасаясь, что с ним поступят так же, как с телом Мариуса.

Самым многообещающим из тех, кто рос и выдвигался из его партии, был Кнеус Помпей, храбрый и достойный человек, который, будучи совсем молодым, одержал такую победу над нумидийским принцем, что сам Сулла дал ему титул Магнуса, или Великого. После этого его отправили в Испанию, где Серторий восемь лет сопротивлялся римской власти с помощью местных вождей, но в конце концов был предан смерти своими же последователями. В целом дела обстояли не лучшим образом. В Риме на каждых выборах происходила большая борьба, ведь теперь должностные лица считались главным образом ради трех или пяти лет правления в провинциях, которые они возглавляли. Никакие расходы не считались слишком большими, чтобы показать зверей и гладиаторов, чтобы завоевать голоса народа; ведь после года правления кандидат намеревался отплатить себе тем, что он сможет выжать из несчастной провинции, находящейся в его ведении, и никого не волновала жестокость или несправедливость по отношению к кому-либо, кроме римского гражданина.

Для участия в этих представлениях держали и тренировали множество гладиаторов; во время войны в Испании целая школа гладиаторов - семьдесят восемь человек, содержащихся в Капуе, - вырвалась на свободу, вооружилась вертелами, крюками и топорами из мясной лавки и укрылась в кратере Везувия, который в то время не подавал признаков действующего вулкана. Там, под предводительством Спартака, они собрали всех рабов-гладиаторов или тех, кто мог убежать к ним, и Спартак хотел, чтобы они двинулись на север, проложили себе путь через Италию, поднялись на Альпы и достигли своих домов во Фракии и Галлии; но грабежи Италии прельщали их, и они не уходили, пока против них не была послана армия под командованием Марка Лициния Красса, прозванного Дивесом, или Богатым, из-за добычи, полученной им во время проскрипции. Тогда Спартак надеялся бежать на пиратском флоте из Киликии и продержаться на перевалах Тавра; но киликийские пираты обманули его, уплыли с его деньгами и бросили его на произвол судьбы, а он сам и его гладиаторы были убиты Крассом и Помпеем, которых вызвали из Испании домой.

ГЛАВА XXVI.

КАРЬЕРА ПОМПЕЯ.

70-63.

Кней Помпей Магн и Луций Лициний Красс Дивес были вместе консулами в 70 году; но Красс, хотя и пировал перед народом за 10 000 столов, вызывал зависть и неприязнь и никогда бы не был избран, если бы не Помпей, который был очень любим народом и пользовался таким доверием как у него, так и у знати, что, кажется, наполнял его гордостью, так как он надувал себя и не обращался со своим коллегой-консулом как с равным.

Когда срок его полномочий подошел к концу, самым неотложным делом стало усмирение киликийских пиратов. В углу между Малой Азией и Сирией, с множеством гаваней, образованных отрогами горы Тавр, издавна обитала орда морских разбойников, чьи

стремительные галеры бросались на торговые суда Тира и Александрии; а теперь, после разорения Сирийского царства, они разбогатели настолько, что их государственные галеры имели шелковые паруса, весла, инкрустированные слоновой костью и серебром, и бронзовые носы. Они грабили старые греческие храмы и восточные святыни и даже совершали набеги на италийские города, а также останавливали корабли, привозившие пшеницу из Сицилии и Александрии, чтобы накормить римлян.

Чтобы Помпею удалось их сокрушить, ему была дана власть на три года над всем Средиземноморьем и на пятьдесят миль вглубь страны, что было почти то же самое, что и вся империя. Он разделил море на тринадцать команд и послал в каждую из них отряд для борьбы с пиратами; это было сделано так эффективно, что за сорок дней все они были выслежены в западной части залива, где он преследовал их со всеми своими силами, победил их в морском бою, а затем осадил их; но, поскольку он был известен как справедливый и милосердный человек, они примирились с ним, и он рассеял их по небольшим колониям в отдаленных городах, чтобы они перестали быть злонамеренными.

ПОБЕРЕЖЬЕ ТИРА.

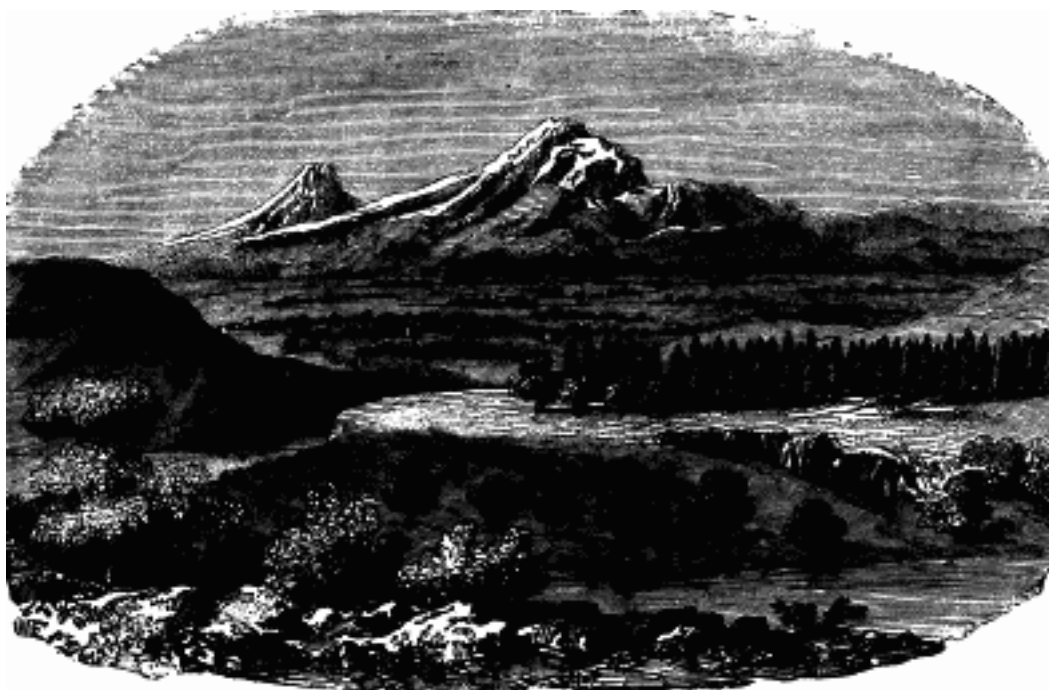
Тем временем вновь разгорелась война с Митридатом, и Луций Лукулл, ставший консулом после Помпея, воевал с ним на Востоке; Но Лукулл не понравился римлянам, хотя и добился успеха, и так сильно потеснил Митридата, что Помпею ничего не оставалось, как завершить завоевание, и он изгнал старого царя за Кавказ, а затем отправился в Сирию, где сверг последнего из селевкидских царей, Антиоха, и дал ему маленькое царство Коммагена, в котором тот провел остаток своей жизни, а Сирию и Финикию превратил в большую римскую провинцию.

При Маккавеях Палестина стала независимой от Сирии, но только благодаря помощи римлян, которые, как обычно, пытались заключить союз с мелкими государствами, чтобы найти повод для войны с крупными. Между двумя братьями из рода Маккавеев разгорелась сильная ссора, и один из них, Гиркан, пришел просить помощи у Помпея. Римская армия вошла в Святую землю и, захватив всю страну, три месяца осаждала Иерусалим, который, в конце концов, взяла приступом, когда евреи отдыхали в день субботний. Помпеус настоял на

том, чтобы пробиться в Святая Святых, и был очень разочарован, обнаружив, что там пусто и темно. Он не разграбил сокровищницу Храма, но иудеи отмечали, что с момента этого дерзкого входа его благосостояние, казалось, перестало быть таковым. Однако перед тем как покинуть Восток, старый Митридат, укрывшийся в Крыму, подвергся нападению собственного любимого сына и, обнаружив, что его власть потеряна, принял яд; но так как его телосложение было настолько укреплено противоядиями, что они не подействовали, он заставил одного из своих рабов убить его.

Сын подчинился римлянам и получил возможность царствовать на Босфоре; Помпей же расширил Римскую империю до Евфрата; хотя несколько мелких царей еще оставались, но только благодаря покорности римлян, которые захватили тридцать девять больших городов. Свободными оставались только Египет, Парфянское царство на Тигре и горная Армения.

Пока все это происходило на Востоке, в Риме некто Луций Сергий Катилина и еще семь никчемных вельмож замыслили опасный заговор с целью вооружить толпу, даже рабов и гладиаторов, свергнуть правительство, захватить все государственные должности и убить всех своих противников по примеру Мария и Цинны.

ГОРЫ АРМЕНИИ.

К счастью, такие секреты хранятся редко; один из заговорщиков рассказал женщине, в которую был влюблен, а она - одному из консулов, Марку Туллию Цицерону. Цицерон был одним из самых мудрых и лучших людей в Риме, и именно его мы знаем лучше всего, ведь он оставил множество писем своим друзьям, которые показывают нам истинный ум человека. Он принадлежал к рыцарскому ордену, был воспитан как юрист и оратор, и его речи стали великими образцами римского красноречия. Он был человеком с настоящей совестью, глубоко любил Рим и его честь; и хотя он был тщеславен и робок, он мог отбросить эти слабости ради общественного блага. Перед всем сенатом он объявил Катилине импичмент, показав, насколько полно он знал все, что замыслил. По закону с ним ничего нельзя было сделать, пока он не совершит преступление, и Цицерон хотел показать ему, что все известно, чтобы заставить его бежать и присоединиться к своим друзьям на улице. Катилина

попытался выстоять, но все сенаторы стали кричать против него, и он в ужасе бросился прочь и ночью покинул город. Цицерон объявил об этом на следующий день в знаменитой речи, начинавшейся словами: "Он ушел; он бросился прочь; он вырвался вперед". В Риме остались некоторые из его сторонников, и как раз в это время Цицерону принесли письма от кого-то из племени галлов, которых они пригласили помочь им в разрушении сената. Это было положительным доказательством, и Цицерон приказал схватить девять худших, и, доказав их вину, в сенате состоялся совет об их судьбе. Юлий Цезарь хотел оставить их в пожизненном заключении, что, по его мнению, хуже смерти, так как это, по его мнению, положит конец всему; но все остальные члены сената были за их смерть, и их всех задушили, не дав им возможности защищаться или обратиться к народу. Цицерон сам наблюдал за казнью, а затем вышел к толпе, сказав лишь: "Они выжили".

ЦИЦЕРОН.

Тем временем Катилина собрал в Италии 20 000 человек, но они не были наполовину вооружены, и против него выступил недавно вернувшийся проконсул Метелл, а другой консул, Кай Антоний, был отозван из Македонии со своей армией. Поскольку он был другом Катилины, то не решил сражаться с ним, а передал командование своему лейтенанту, которым этот негодяй был побежден и убит. Ему отрубили голову и отправили в Рим.

ГЛАВА XXVII.

ПОМПЕЙ И СЕЗАР.

61-48.

Помпей возвращался домой за своим триумфом, и все возлагали на него большие надежды, так как дела были в очень плохом состоянии. В доме Юлия Цезаря произошли большие беспорядки. Каждый год там проходил праздник в честь Кибелы, Боны Деи, или Доброй Богини, на который не допускались только женщины, а появление мужчины считалось святотатством. В разгар этого праздника в доме Сезара девушка-рабыня сообщила его матери Аурелии, что среди дам есть мужчина. Аурелия закрыла двери, взяла факел и побежала по дому, вглядываясь в лицо каждой в поисках преступника, которым оказался Публий Клодий, никчемный молодой человек, участвовавший в заговоре Катилины, но давший показания против него. Он сбежал, но был привлечен к суду, а затем занял достаточно денег у богатого Красса, чтобы подкупить судей и избежать заслуженного наказания. Жена Сезара, сестра Помпея, была свободна от вины в этом деле, но он развелся с ней, сказав, что жена Сезара должна быть свободна от всех подозрений; и это, конечно, не привело к тому, что ее брат вернулся домой в дружеском духе к Сезарю.

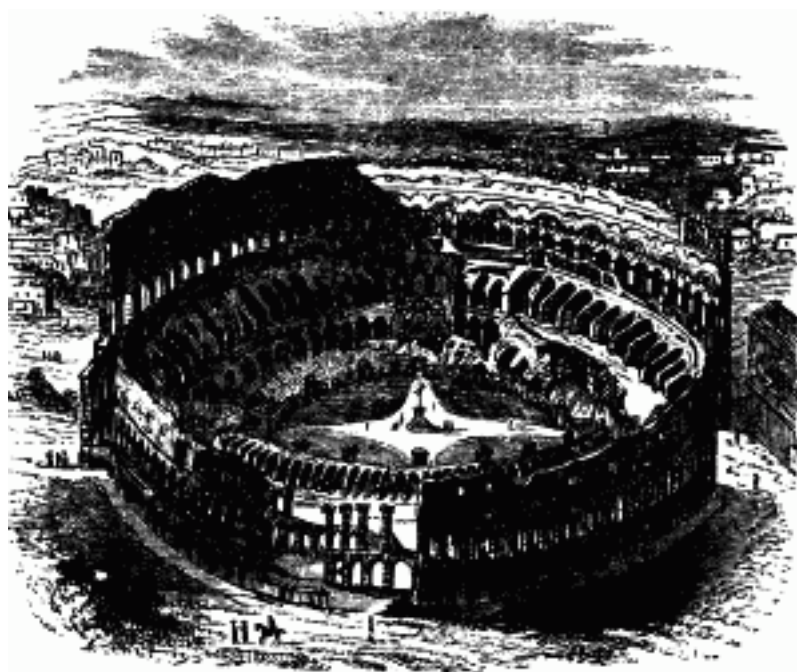
ПОМПЕЙ.

Триумф Помпея был самым великолепным из всех, которые когда-либо видели. Он продолжался два дня, а на знаменах, которые несли в процессии, были написаны названия девятисот городов и тысячи крепостей, которые он завоевал. Все сокровища Митридата - статуи, драгоценности, великолепные украшения из золота и серебра с драгоценными камнями - несли с собой; считалось, что он привез домой 20 000 талантов, что равнялось 5 000 000 фунтов стерлингов для казны. Его восхищало и то, что он отказался от фамилии, полученной в результате своих завоеваний, и носил в сенате только лавровый венок победителя.

В это время Помпеи и Цезары были великими соперниками. Помпею хотелось сохранить старые рамки и сыграть роль Суллы как их защитника, только без насилия и кровопролития. Цезарь видел, что дальше так продолжаться не может, и решил взять на себя инициативу и сформировать все заново; но он не мог этого сделать, пока на Помпея смотрели как на последнего великого завоевателя. Поэтому Цезарь намеревался отслужить свое консульство, занять какое-нибудь правительство, где он мог бы прославиться и сформировать армию, а затем вернуться домой и сформировать все заново. Прослужив год в Испании в качестве пропретора, Цезарь вернулся и подружился с Помпеем и Крассом, отдав свою дочь Юлию в жены Помпею и образовав так называемый триумвират, или союз трех мужчин. Таким образом, он легко получил должность консула и показал себя другом народа, проведя аграрный закон о разделе общественных земель в Кампании между беднейшими гражданами, не забыв старых солдат Помпея, а также приняв другие меры, которые могли бы заставить сенат вспомнить, что Сулла предсказывал, что он будет еще одним Марием и даже больше.

После этого он взял Галлию в качестве своей провинции и провел семь лет, покоряя ее понемногу и дважды посещая Британию. Он вполне мог рассчитывать на то, что прогневший Рим будет готов к его вмешательству, когда он вернется. Клодий фактически осмелился привлечь Цицерона к суду за то, что тот предал смерти друзей Катилины, не дав им возможности выступить в свою защиту. Помпеи не захотели ему помочь, и народ изгнал его за четыреста миль от Рима, после чего он отправился в Сицилию, где был очень несчастен; но его изгнание длилось всего два года, а затем лучшие советы возобладали, и он был возвращен домой общим голосованием, и его приветствовали почти как триумф.

Марк Порций Катон был таким же честным и правдивым человеком, как Цицерон, но очень грубым и суровым, так что его боялись и ненавидели; в сенате и на форуме часто происходили ожесточенные ссоры, и в одной из них мантия Помпея была окроплена кровью. Когда он вернулся домой, его молодая жена Юлия решила, что его ранили, и от потрясения заболела, от чего умерла; таким образом, связь между ее мужем и отцом прервалась.

АМФИТЕАТР.

Помпей сделал все возможное, чтобы понравиться римлянам, когда был консулом вместе с Крассом. Некоторое время он строил в Кампус Мартиус великолепный театр по греческому образцу, открытый до небес, с ярусами галерей, кружащихся вокруг арены; но греки никогда не использовали свои театры для диких видов спорта, для которых предназначался этот. Когда он был открыт, пятьсот львов, восемнадцать слонов и множество гладиаторов были предоставлены для того, чтобы сражаться друг с другом в различных манерах перед тридцатью тысячами зрителей, и все это венчал храм Венеры Завоевательницы. После консульства Помпей получил Испанию в качестве своей провинции, но сам туда не поехал, управляя ею через заместителя; Красс же получил Сирию и там вступил в войну с дикими парфянами на восточной границе. В битве при Каррахе армия Красса была полностью разбита парфянами; он был убит, ему отрубили голову, а рот наполнили расплавленным золотом в знак презрения к его богатствам. В Риме царило такое бедствие, что никто не думал даже о такой катастрофе. За взятки назначались выборы, и не было ничего, кроме смуты и беспорядков, в которых такие хорошие люди, как Цицерон и Катон, ничего не могли

сделать. В одной из таких стычек был убит Клодий, и толпа так разъярилась, что сенат избрал Помпея единственным консулом, чтобы утихомирить их; это ему удалось на короткое время, но все снова пришло в смятение, пока он сильно болел от лихорадки в Неаполе, и даже когда он выздоровел, было ощущение, что нужен Цезарь. Но друзья Цезаря говорили, что его нельзя призывать оставить армию, пока Помпеи не откажутся от командования армией в Испании, а ни тот, ни другой не уйдут в отставку.

АРЕНА.

Цезарь дошел со всеми своими силами до Равенны, которая все еще была частью Цизальпинской Галлии, и тогда консул Марк Марцелл умолял Помпея защитить содружество, и тот взялся за оружие. Два великих друга Цезаря, Марк Антоний и Кай Кассий, которые были трибунами, запретили это делать, и когда их не послушали, они бежали в лагерь Цезаря, прося его защиты.

Он выступил вперед. Император или полководец, командующий армией, не имел права входить со своими войсками в пределы римской территории, кроме как для триумфа, а маленькая речка Рубикон была границей Цизальпинской Галлии. Поэтому, когда Сезар перешел ее, он сделал первый шаг в нарушении старых римских правил, и поэтому возникла поговорка, что человек перешел Рубикон, когда он зашел в каком-то деле так далеко, что пути назад уже нет. Хотя армия Сезара была невелика, слава его была такова, что все, даже сам Помпей, были поражены, и вместо того, чтобы сражаться, он увел всех сенаторов своей партии на юг, даже в крайнюю точку Италии, в Брундизий. Сезар отправился вслед за ними, не встретив никакого сопротивления и, более того, завоевав всю Италию за шестьдесят дней. Когда он продвигался к Брундизию, Помпей сел на корабль в гавани и уплыл, намереваясь, без сомнения, собрать армию в провинциях и вернуться - некоторые боялись, как Сулла, - чтобы отомстить.

Диктатором был назначен Цезарь, который, разгромив друзей Помпея в Испании, преследовал его в Македонии, где Помпей собирал всех друзей старого содружества. При Фарсалии произошла великая битва, которая едва не положила конец старому правительству Рима, так как Цезарь одержал великую победу; Помпей бежал на побережье, где нашел судно и отплыл в Египет. Он отправил послание с просьбой укрыться в Александрии, и советники молодого царя сделали вид, что приветствуют его, но на самом деле они намеревались подружиться с победителем; когда Помпей вышел на берег, его ударили ножом в спину, бросили тело в прибой и отрубили голову.

ГЛАВА XXVIII.

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ.

48-44.

С Помпеем рухнули надежды тех, кто был верен старому правительству, таких как Цицерон и Катон. Им оставалось только ждать и смотреть, что предпримет Сезар, и при этом помнить о Мариусе.

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ.

Сезар не сразу пришел в Рим; сначала ему нужно было привести к повиновению Восток. Египет находился под властью последних потомков полководца Александра Птолемея и был союзником Рима, то есть оставался царством только с ее разрешения. Царь был жалким слабым мальчишкой, а его сестра Клеопатра, которая вместе с ним занимала трон, была одной из самых красивых и завоевательных женщин, которые когда-либо жили. Нуждаясь в деньгах, Сезар потребовал часть причитающегося государству. Советники молодого царя отказались, и Сезар, имевший с собой лишь небольшое войско, был заперт в одном из кварталов Александрии, где не мог получить пресной воды, кроме как из ям, которые его люди вырыли в песке. Он сжег египетский флот, чтобы тот не помешал прибывающим из Сирии подкреплениям, и попытался взять остров Фарос с маяком на нем, но его корабль затонул, и он был вынужден спасаться вплавь, держа в одной руке над водой свои дневники. Однако вскоре к нему подошли силы из Сирии, и он смог дать сражение, в котором утонул молодой царь, а Египет оказался в его власти. Клеопатра решила побеседовать с ним и

перенесла себя в его покои в рулоне ковра, а когда оказалась там, так очаровала его, что он поставил ее царицей Египта. Еще три месяца он оставался в Египте, собирая деньги, а узнав, что Фарнак, сын Митридата, напал на римские поселения в Малой Азии, отплыл в Тарс, выступил против Фарнака, разгромил и убил его в бою. Об успехе было объявлено сенату в следующих кратких словах: "*Veni, vidi, vici*" - "Я пришел, я увидел, я победил".

КАТО.

Он был во второй раз назначен диктатором и вернулся домой, чтобы устроить дела; но никаких проскрипций не последовало, хотя он и отобрал поместья у тех, кто ему противостоял. В Африке все еще оставалась партия сенаторов и их сторонников, последовавших за Помпеем, с Катонем и Кнеем Помпеем, старшим сыном великого вождя, и Цезарю пришлось преследовать их. Он нанес им большое поражение при Фапсе, а остатки укрылись в городе Утика, куда и последовал за ними Сезар. Они бы выдержали осаду, но горожане не согласились, и Катон отправил весь свой отряд морем, а сам остался один с сыном и несколькими друзьями, чтобы не встречаться с завоевателем, а умереть от собственного меча до его прихода, как римляне научились считать более благородной участью благодаря стоической философии.

ПОХОРОНЫ В КОЛУМБАРИУМЕ (Голубятне) ДОМА ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ НА ПОРТА КАПЕНА В РИМЕ.

(Ряды ниш для погребальных урн в римских усыпальницах получили такое название из-за сходства с голубятней).

Те из сената, кто не присоединился к Помпею, готовы были пасть ниц и поклониться Сезарю, когда он вернется домой. Рим так радовался, что не боится никаких запретов, что храмы были посвящены милосердию Сезаря, а его изображение несли в процессиях вместе с изображениями богов. Он был назначен диктатором на десять лет и получил четыре триумфа - над галлами, над египтянами, над Фарнаком и над Джубой, африканским царем, который помогал Катону. Главным среди галльских пленников был храбрый Верцингеторикс, а среди египтян - Арсиноя, сестра Клеопатры. За его счет был дан банкет для всего римского народа, а зрелища гладиаторов и зверей превзошли все, что когда-либо видели. Считалось, что Юлии происходят от Энея, а Венере, как своей прародительнице, Цезарь посвятил нагрудный знак из жемчуга, добытого из речных мидий Британии. Однако ему все же пришлось отправиться в Испанию, чтобы свести счеты с сыновьями Помпея. Они потерпели

поражение в битве, старший был убит, но Кнеус, младший, продержался в горах и спрятался среди туземцев.

После этого Сезар вернулся в Рим, чтобы осуществить свои планы. Он был диктатором десять лет и консулом пять лет, а также императором или командующим армией, которую ему не дали распустить, так что он был почти так же могущественен, как любой царь; и поскольку он видел, что такой огромной областью, какой теперь обладал Рим, никогда не смогут управлять два магистрата, меняющиеся каждый год, он подготовил все для того, чтобы там был один правитель. Влияние сената он также сильно ослабил, назначив в него множество людей, не имевших ни звания, ни отличия, пока в нем не стало девятьсот членов, и никто не думал о том, чтобы стать сенатором. Он также принял огромное количество новых граждан, по его приказу римские офицеры начали проводить большое обследование, чтобы правильно распределить провинции, правительства и дань, и начали составлять законы в обычном порядке. По сути, он был одним из величайших людей, когда-либо созданных миром, не только как завоеватель, но и как государственный деятель и правитель; и хотя его власть над Римом не соответствовала законам и была получена в результате восстания, он использовал ее во благо.

Он был сведущ во всех философских и научных науках, а история его войн в Галлии дошла до наших дней. Как высокопоставленный патриций по рождению, он был Pontifex Maximus, или главным жрецом, и поэтому должен был назначать все праздничные дни в каждом году. Считалось, что год длится всего триста пятьдесят пять дней, и понтифик добавлял еще один месяц или несколько дней, когда ему вздумается, так что возникала большая путаница, и праздники урожая и сбора винограда наступали, согласно календарю, за три месяца до того, как появлялась кукуруза или виноград.

Чтобы исправить это, поскольку теперь было понятно, что продолжительность года составляет триста шестьдесят пять дней и шесть часов, Цезарь и помогавшие ему ученые придумали новый порядок, который мы называем високосным годом, добавляя один день к тремстам шестидесяти пяти раз в четыре года. Он также изменил название одного из летних месяцев с Секстия на Июль, в честь себя. Еще одним его делом было восстановление Коринфа и Карфагена, которые были разрушены в один и тот же год, а теперь в один и тот же год были вновь основаны.

Он был занят славой государства, но в его поведении было много того, что могло потрясти старые римские чувства. Клеопатра последовала за ним в Рим, и он подумывал о том, чтобы отстранить свою жену Кальпурнию и жениться на ней. Но его сохранение диктатуры было настоящей обидой, и остатки старой партии в сенате не могли смириться с тем, что патрицианская свобода Рима будет утрачена. Время от времени льстецы предлагали ему царскую корону и провозглашали королем, но он всегда отказывался, и этот титул по-прежнему вызывал лютую ненависть. Он готовил армию, намереваясь отправиться на Дальний Восток, отомстить Крассу за поражение парфян и пройти там, где не проходил никто, кроме Александра; и если он вернется оттуда с победой, то ничто не сможет ему противостоять.

Тогда заговорщики решили нанести удар до того, как он отправится в путь. Главным заговорщиком был Кай Кассий, высокий худой человек, недавно ставший претором, а с ним Марк Юний Брут, потомок того, кто сверг Тарквинов, и муж Порции, дочери Катона, а также другой Брут по имени Децим, до сих пор друг Цезаря и недавно назначенный управлять Цизальпинской Галлией. Эти и еще двенадцать человек договорились убить Сезара 15

марта, называемого в римском календаре мартовскими идами, когда он отправился в сенатский дом.

До него дошли слухи и предупреждения об этом особенном дне. Его жене приснился такой страшный сон, что он уже почти поддался на ее уговоры остаться дома, когда вошел Децим Брут и рассмешил его. Когда его несли в дом сената на подводе, какой-то человек подал ему письмо и просил прочесть его немедленно; но он держал его в руке, не глядя. Поднимаясь по ступеням, он сказал авгуру Спурию: "Наступили мартовские иды". "Да, Сезар", - был ответ, - "но они еще не прошли". Пройдя несколько шагов, один из заговорщиков встретил его с петицией, и остальные присоединились к нему, цепляясь за его мантию и шею, пока другой не схватил его тогу и не натянул ее на руки, и тогда был нанесен первый удар кинжалом. Сначала Сезар боролся, пока все пятнадцать человек пытались нанести ему удар, но, увидев поднятую руку своего вероломного друга Децима, воскликнул "*Et tu Brute*" - "И ты, Брут", - накинуд тогу на голову и упал замертво у подножия статуи Помпея.

ГЛАВА XXIX.

ВТОРОЙ ТРИУМВИРАТ.

44-33.

Убийцы Сезара ожидали, что римляне будут приветствовать их как избавителей от тирана, но его великий друг Марк Антоний, который вместе с ним был консулом в тот год, произнес речь над его телом, лежавшим на кушетке из золота и слоновой кости в Форуме, приготовленном к похоронам. Антоний зачитал вслух завещание Сезара и показал, какие блага он предназначал для своих сограждан и как он их любил, так что любовь к нему и гнев против его врагов переполняли каждого слушателя. Армия, конечно, была в ярости против убийц; сенат был в ужасе и разрешил Антонию все, о чем тот просил, при условии, что он будет их защищать; тогда он попросил для себя стражу, чтобы спастись от участи Сезара, и ему ее дали; а пятнадцать убийц тайно бежали, в основном в Цизальпинскую Галлию, правителем которой был Децим Брут.

У Цезаря не было детей, кроме Юлии, которая была женой Помпея, и его наследником стал молодой кузен Кай Октавий, который сменил имя на Кай Юлий Цезарь Октавиан и, прибыв в Рим, потребовал свое наследство, которое Антоний конфисковал, объявив, что это государственные деньги; Но Октавиан, хотя ему было всего восемнадцать лет, проявил столько благоразумия и справедливости, что многие из сената склонились к нему, а не к Антонию, который всегда был известен как плохой и ненадежный человек; но первым делом нужно было уничтожить убийц - Децим Брут был в Галлии, Марк Брут и Кассий в Македонии, а Секст Помпеи собрал армию в Испании.

Добрые люди в сенате никого так не боялись, как Антония, и возлагали надежды на молодого Октавиана. Цицерон произнес против Антония несколько речей, которые называют филиппиками, потому что они обличают его, как Демосфен обличал Филиппа Македонского, и, как и те, они были последними проблесками духа в тонущем государстве; а Цицерон в те дни был передовым и лучшим человеком, который на свой страх и риск пытался спасти старые институты своей страны. Но все было напрасно: они слишком прогнили, чтобы продержаться, а честных людей не хватало, чтобы выступить против такого жестокого беспринципного интригана, как Антоний, тем более что умный молодой Октавиан видел, что в его интересах сделать общее дело с ним и с третьим другом Сезара, богатым, но туповатым, по имени Марк Эмилий Лепид. Они призвали Децима Брута сдать им свои войска и выступили против него. Тогда его войска покинули его, и он попытался бежать в Альпы, но был предан Антонию и предан смерти.

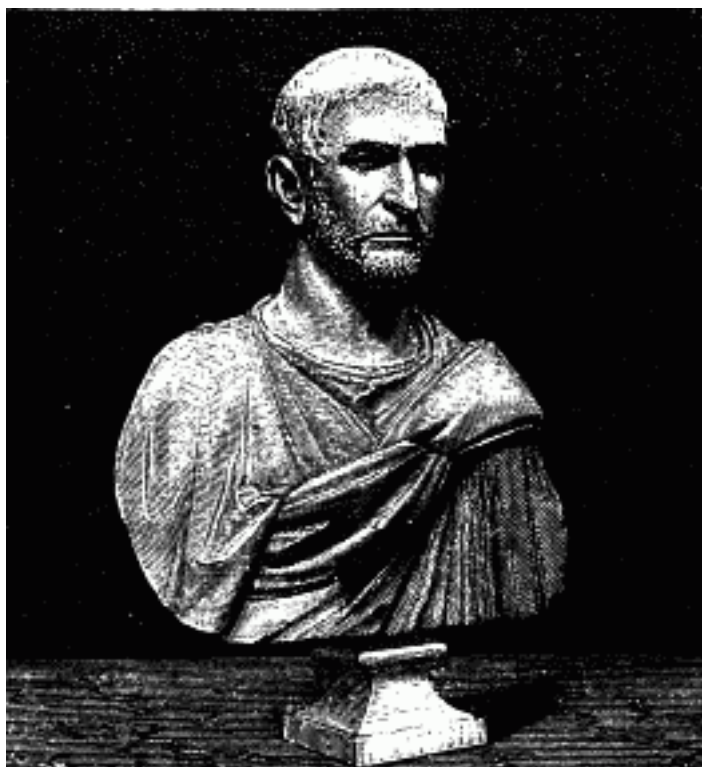

МАРК АНТОНИЙ.

Вскоре после этого Антоний, Лепид и Октавиан встретились на маленьком островке в реке Ренус и договорились составить триумвират на пять лет, чтобы снова навести порядок в делах; все трое вместе пользовались консульской властью; а поскольку у них было командование всеми армиями, остановить их было некому. Лепид должен был остаться и управлять Римом, в то время как двое других выслеживали убийц Цезаря на Востоке. Но сначала в городе должна была свершиться смертельная месть всем, кто, как предполагалось, мог способствовать убийству Цезаря или быть врагом их замыслов. И вот эти трое сели за стол со списком горожан, чтобы составить проскрипцию, каждый из которых разрешил пометить на смерть своего родственника или друга, если тот убьет кого-нибудь из родственников другого из этих троих. Страшный список был вывешен на Форуме, и за головы людей из него платили цену, так что солдаты, грубияны и рабы приносили их; но не похоже, что, как и в двух других проскрипциях, убийства были беспорядочными, многие подкупили своих убийц и бежали из Италии. Октавиан отметил наименьшее количество и попытался спасти Цицерона, но Антоний настоял на его смерти. Узнав о том, что он попал в

роковой список, Цицерон вместе с братом покинул Рим и медленно двинулся к побережью, переезжая из одного загородного дома в другой, пока не добрался до Антиума, откуда намеревался отплыть в Грецию; но там его настигли. Его брата сразу же убили, а его самого рабы посадили в лодку, и он отправился по побережью в Формию, где снова высадился и, отправившись в ближайший дом, сказал, что предпочел бы умереть в своей стране, которую так часто спасал. Однако, когда преследователи постучали в ворота, рабы усадили его на подводку и поспешно вывели через другую дверь. Однако его снова настигли, и он запретил рабам сражаться за него, а сам протянул горло к мечу, не сводя с него глаз. Его голову отнесли Антонию, жена которого Фульвия в отместку за речи, произнесенные против ее мужа, пронзила язык своей бородкой.

После этого страшного дела Антоний и Октавиан отправились в Грецию, где Марк Брут собрал остатки армии, сражавшейся под началом Помпея. Его прославили в Афинах, где его статуя была установлена рядом со статуями Гармония и Аристогейтона, убийц Писистрата. Кассий разграбил Малую Азию, и они встретились в Сардах. Рассказывают, что в ночь перед тем, как они должны были пройти в Македонию, Брут сидел один в своей палатке, когда увидел перед собой фигуру человека. "Кто ты?" - спросил он, и получил ответ: "Я - твой злой гений, Брут; я снова встречаюсь с тобой в Филиппах".

МАРКУС БРУТ.

И вот в Филиппах Брут и Кассий оказались лицом к лицу с Антонием и Октавианом. Каждое войско было разделено на две части, и Брут, сражавшийся против Октавиана, обратил его армию в бегство, а Кассий был отброшен назад Антонием; увидев приближающийся к нему отряд всадников, он решил, что все потеряно, и бросился на меч. Брут собрал войско и через двадцать дней возобновил бой, но был разбит, бежал и спрятался, но через несколько часов покончил с собой, как и его жена Порция, узнав о его конце.

После этого Октавиан вернулся в Италию, а Антоний остался, чтобы умиротворить Восток. Когда он находился в Тарсе, приехала прекрасная царица Египта, решившая покорить его. Она плыла вверх по Цидне на прекрасной галере, украшенной резьбой, позолотой и инкрустацией из слоновой кости, с парусами из пурпурного шелка и посеребренными веслами, двигавшимися под звуки флейт, а сама лежала на палубе под усыпанным звездами балдахином в образе Венеры, ее дамы были нимфами, а мальчики - купидонами, обмахивающими ее. Антоний был совершенно очарован, и она увезла его с собой в Александрию, не обращая внимания ни на что, кроме нее и наслаждений, которыми она его развлекала, хотя его жена Фульвия и его брат боролись за сохранение его власти в Риме. Он вернулся домой, но только для того, чтобы заключить новое соглашение с Октавианом, по которому Фульвия была отдана, а он женился на Октавии, вдове Марцелла и сестре Октавиана. Но он не смог долго оставаться вдали от Клеопатры и, бросив Октавию, вернулся в Египет, где устраивал самые удивительные пиршества. Рассказывают, что за один день зажарили восемь кабанов, причем каждого начинали чуть позже предыдущего, чтобы к моменту, когда Антоний позовет его на ужин, он был в полном порядке. Однажды Клеопатра поклялась, что выпьет самую дорогую из шашек, и, сняв серьгу неограниченной стоимости, растворила ее в уксусе и проглотила.

АЛЕКСАНДРИЙ.

Тем временем Октавиан и Лепид вместе расправились с Децимом, а Лепид попытался одолеть Октавиана, но сам был побежден и изгнан; Октавиан был добрым человеком, никогда не проливающим крови, если мог помочь, и теперь, когда он остался один в Риме, завоевал сердце каждого своими милостями, в то время как буйства Антония в Египте были скандалом для всех, кто любил добродетель и благородство. Римлянин настолько пал духом, что даже пообещал Клеопатре завоевать Италию и сделать Александрию столицей мира. Октавия пыталась вернуть его, но она была серьезной, добродетельной римской матроной, а грубому, рассеянному Антонию она была безразлична по сравнению с соблазнительной египетской царицей. Наконец Октавиану понадобилось уничтожить эту опасную силу, и он собрал флот и армию, а Антоний и Клеопатра отплыли из Александрии на своих кораблях и дали сражение у Актиумского мыса. В разгар сражения то ли испуг, то ли предательство заставили Клеопатру уплыть, а вместе с ней и все египетские корабли, так что Антоний сразу же повернул и бежал вместе с ней. Они пытались поднять Восток в свою пользу, но все их союзники дезертировали, а их солдаты ушли в Александрию, куда за ними последовал

Октавиан. Тогда Клеопатра предала своего любовника и отдала в руки Октавиана корабли, на которых он мог бежать. Он покончил с собой, и Клеопатра сдалась, надеясь очаровать молодого Октавиана, как она делала это с Юлием и Антонием, но когда она увидела его серьезным и неподвижным и поняла, что он намеревается выставить ее на своем триумфе, она пошла к гробнице Антония и увенчала ее цветами. На следующий день ее нашли на диване, в царских одеждах, мертвой, и две ее служанки тоже умерли. "Хорошо ли это?" - спросил нашедший ее человек. "Это хорошо для дочери царей", - ответила ее служанка при последнем вздохе. Клеопатра долго экспериментировала с легкими способами смерти, и считалось, что в качестве средства ее умерщвления ей принесли аспиду в корзине с фидами.

КАЙ ОКТАВИЙ.

ГЛАВА XXX.

ЦЕСАРЬ АВГУСТ.

33 Г. ДО Н. Э. - 14 Г. Н. Э.

Смерть Антония положила конец ожесточенной борьбе, которая так долго терзала Рим. Октавиан остался один; все, кто боролся за старое правительство, погибли, а те, кто остался, были измотаны и жаждали только отдыха. Они убедились, что он добр и дружелюбен, и с благодарностью доверяли ему, более того, готовы были обращаться к нему как к богу. Старая конституция продолжала действовать как обычно: по-прежнему существовал сенат, по-прежнему были консулы и все остальные магистраты, но у Сезара Октавиана была власть, принадлежащая каждому из них, собранная в одном лице. Он был принцем сената, что давало ему власть в городе; претором, что делало его судьей и давало ему специальную гвардию солдат, называемую преторианской, для исполнения правосудия; и трибуном народа, что делало его глашатаем; и даже после своего триумфа он все еще был *imperator*, или генералом армии. В английском языке это слово переводится как "император", но в то время оно означало всего лишь главнокомандующего. Он также был *Pontifex Maximus*, как и Юлий Цезарь, и было общее чувство, что он был чем-то священным и выделенным как правитель и миротворец; и, поскольку он сам разделял это чувство, он взял имя Август, под которым он всегда известен.

СТАТУЯ АВГУСТА В ВАТИКАНЕ.

Однако он не стал устраивать для себя никаких великих зрелищ и не занимал никакого положения. Он жил в своем семейном доме, одевался и ходил по улицам, как любой другой римский джентльмен консульского ранга, и ему не оказывали особого почтения в речах, поскольку, предупрежденный судьбой Юлия, он был полон решимости не допустить, чтобы римляне думали о королях и коронах. Это был мудрый и глубокомысленный человек, и он старался осуществить планы Юлия на благо нации и всего римского мира. Он закончил исследование всех стран империи, которая теперь образовывала полную границу вокруг Средиземного моря, простираясь на север до Британского канала, Альп и Черного моря, на юг до африканской пустыни, на запад до Атлантики и на восток до границ Евфрата; он также провел всеобщую перепись всех жителей. Впервые такое стало возможным, ведь во всем мире наконец-то наступил мир, и храм Януса был закрыт в третий и последний раз в истории

Рима. По всему миру ходило предчувствие, что в это время следует ожидать великого избавителя и мирного князя. Считалось, что так пела одна из Сибилл, и римляне, радуясь хорошему правлению Августа, думали, что он и есть обещанный; но они мало знали, почему Бог привел к этому великому затишью от всех войн и почему Он побудил сердце Августа издать указ о том, что весь мир должен быть обложен налогом - а именно, чтобы истинный Князь мира, настоящий Избавитель, мог родиться в доме Его праотцев, Вифлееме, городе Давида.

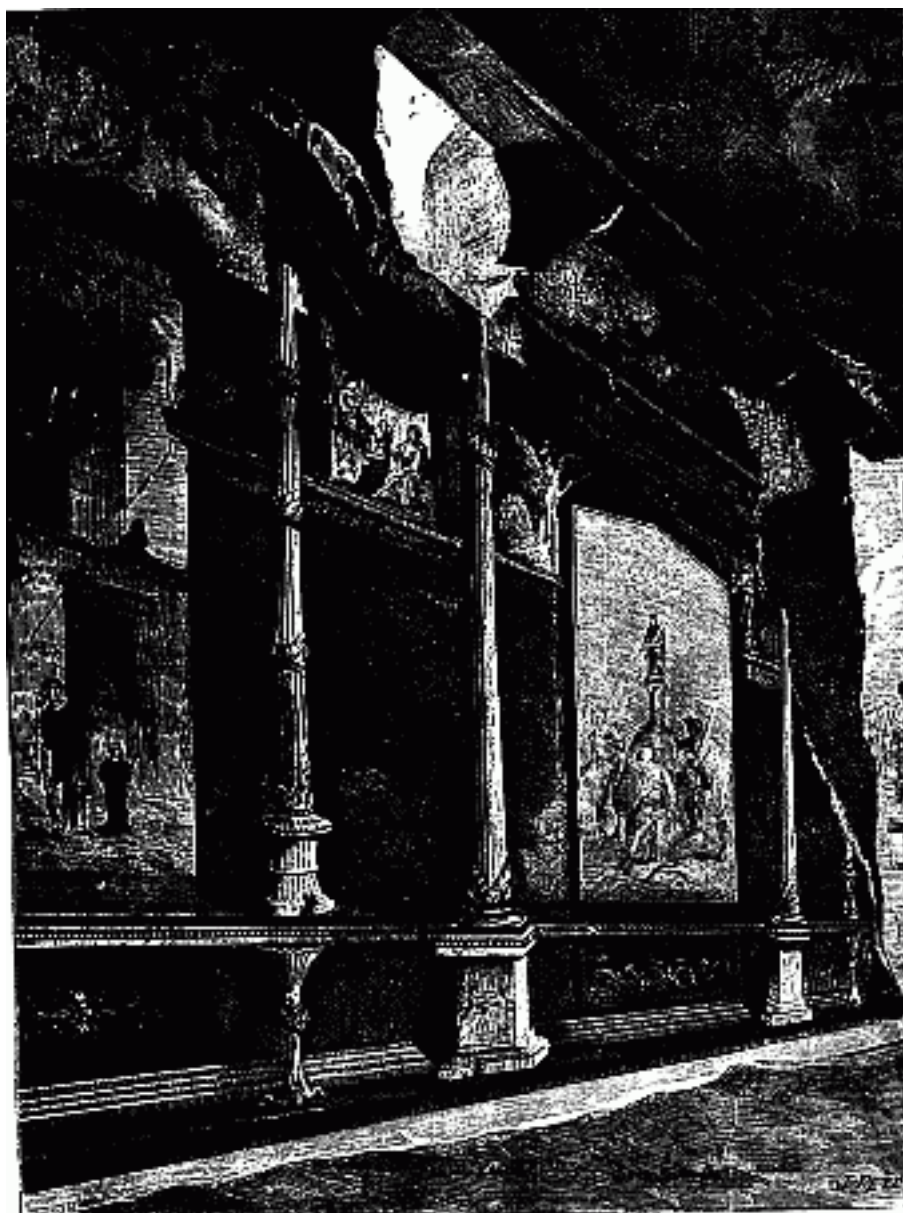
Целью введения налогов Августом было регулярное разделение империи на провинции, которыми управляли проконсулы, и меньшие провинции для пропреторов, в то время как многим городам, особенно греческим, были предоставлены собственные магистраты, а некоторые небольшие королевства, подчинявшиеся данникам, оставались до тех пор, пока старый царский род либо не вымрет, либо не оскорбит римлян. В этих землях люди управлялись по своим законам, если только не становились римскими гражданами; эта свобода предоставлялась все чаще и чаще и избавляла их от уплаты дани, которую все остальные должны были платить и которая шла на содержание армии и других государственных учреждений в Риме, а также на обеспечение кукурузой, которая регулярно раздавалась тем гражданам, которые требовали ее в Риме. Римская колония - это поселение, состоящее, как правило, из старых солдат, получивших земли и сохранивших гражданство; это был как бы еще один маленький Рим, управлявший своими делами, хотя и подчинявшийся материнскому городу. Таких колоний было много, особенно в Галлии на северном побережье, чтобы защищать ее от германцев. Одной из них был Кельн, который до сих пор сохранил свое название. Дань была тщательно установлена, и Август делал все возможное, чтобы не позволить наместникам обирать народ.

Он пытался вернуть лучшие времена в Рим, который находился в плачевном состоянии, был полон порока и беспорядка и мало чем напоминал прежние, благородные и выносливые устои. Образованные люди изучали греческую философию до тех пор, пока не разучились верить в своих богов, и, более того, настолько смешали свою мифологию с греческой, что не знали, кто такие свои, и не могли сказать, кто такие великие боги, к которым обращался Деций Мус, прежде чем броситься на врага; и все же они продолжали поклоняться им, потому что их праздники были так связаны с государством, что от них зависело все; но они не делали из них настоящих судей или помощников. Лучшими людьми того времени были те, кто придерживался стоической философии, которая утверждала, что добродетель превышает всего, независимо от того, вознаграждается она или нет; худшими - эпикурейцы, которые считали, что лучше наслаждаться всем, что можно, в этой жизни, не будучи уверенными ни в чем другом.

Во времена Августа очень ценилось обучение. Он и два его великих друга, Кай Цильний Мекенас и Випсаний Агриппа, оба очень почитали ученость и поэзию, и особенно дом Мекенаса был всегда открыт для литераторов. Два главных поэта Рима, Публий Вергилий Маро и Квинт Гораций Флакк, были его теплыми друзьями. Вергилий писал поэмы о земледелии и короткие диалоги, называемые эклогами, в одной из которых он говорит о временах Августа словами, которые могли бы служить почти пророчеством о царстве Того, Кто только что родился в Вифлееме. По желанию Августа он также написал "*Энеиду*", поэму о военных деяниях Энея и его поселении в Италии.

Гораций писал оды, письма в стихах и сатиры, которые весьма любопытно показывают привычки и образ мышления его времени; было и много других писателей, чьи произведения не дошли до нас; но латынь этого времени является образцом языка, и августовский век с тех пор обозначает тот, в котором процветает литература.

Все начало правления Августа было процветающим, но у него не было сына, только дочь по имени Юлия. Он хотел выдать ее замуж за Марцелла, сына своей сестры Антонии, но Марцелл умер молодым и был оплакан в "Энеиде" Вергилия, поэтому Юлия была отдана за сына Агриппы. Второй женой Августа стала Ливия, которая была замужем за Тиберием Клавдием Нероном и имела двух сыновей, Тиберия и Друза, которых Август принял как своих и предназначал для своих наследников; когда Юлия потеряла своего мужа Агриппу и двух маленьких сыновей, он заставил Тиберия развестись с молодой женой, которую он действительно любил, чтобы жениться на ней. Это стало большим горем для Тиберия и, похоже, полностью изменило его характер, сделав его серьезным, молчаливым и угрюмым. Юлия, несмотря на тщательное воспитание, была одной из самых порочных и развратных женщин и едва не разбила сердце своего отца. Он сослал ее на остров близ Регии, а когда она там умерла, не позволил воздать ей никаких погребальных почестей.

КАРТИНЫ В ДОМЕ ЛИВИИ.

Мир начал нарушаться войнами с германцами, и молодой Друз командовал армией против них и добился такого почета, что его стали называть Германиком, когда он упал с лошади и

умер от ран, оставив одного маленького сына. Его похоронили в Риме, а его брат Тиберий всю дорогу шел рядом с гробом, и его длинные льняные волосы струились по плечам. Затем Тиберий вернулся, чтобы командовать войсками на Рейне. За рекой лежала полузавоеванная страна, а в лесах в это время жили германцы под предводительством храброго вождя Арминия. На них напал проконсул Квинктилиус Вар, и у реки Эмс, в Эрицимском лесу, Арминий напал на него и полностью разбил, перебив всю армию, так что лишь немногие бежали к Тиберию, чтобы рассказать о случившемся, а ему пришлось отступить и защищать Рейн.

Известие об этой катастрофе стало для императора страшным потрясением. Он сидел, скорбя о ней, и временами бился головой о стену, взывая: "Вар, Вар! Верни мне мои легионы!". Его друзья погибли, он был уже старым человеком, и печаль окружала его. Однако вскоре он снова стал серьезным и уравновешенным, а когда его здоровье стало подводить, он послал за Тиберием и передал свои дела в его руки. Когда настал его смертный день, он встретил его спокойно. Он спросил, нет ли опасений, что после его смерти начнутся волнения, и получил ответ, что нет; затем он позвал зеркало, увидел, что его седые волосы и борода в порядке, и, спросив друзей, хорошо ли он сыграл свою роль, произнес стих из пьесы, чтобы они аплодировали его уходу, велел Ливии помнить его, и так умер на семьдесят седьмом году, процарствовав пятьдесят восемь лет - десять в качестве триумвира, сорок восемь в одиночку.

ГЛАВА XXXI.

ТИБЕРИЙ И КАЛИГУЛА.

14-41 ГГ. Н.Э.

Не составило труда передать все полномочия Августа своему пасынку Тиберию Клавдию Нерону, который также имел право на имя Юлия Цезаря Августа, а в свое время именовался Цезарем. Сенат стал слишком беспомощным, чтобы думать самостоятельно, и выбор консулов сводился к тому, что император раздавал четыре имени, из которых они выбирали два.

Тиберий был мрачным и угрюмым человеком с тех пор, как лишился любимой жены и потерял брата; он презирал всех окружающих и держался особняком; но его племянник, названный Германиком в честь отца, был человеком, которого все любили и которому все доверяли. Он женился на Агриппине, дочери Юлия, которая тоже была очень хорошей и благородной; когда его отправили против германцев, она пошла с ним, и ее маленькие мальчики бегали среди солдат и ласкались с ними. Одного из них, Кая, солдаты прозвали Калигулой, или Маленьким Башмачком, потому что он носил калигу или башмак, как у них; и он никогда не терял этого прозвища.

Германик снова заслужил свою фамилию, изгнав Арминия; но он был более предприимчив, чем это одобрил бы Август, который считал, что разумнее охранять то, что у него есть, чем делать более широкие завоевания; а Тиберий не только был того же мнения, но и завидовал

большой любви, которую вся армия проявляла к его племяннику, и это недоверие усилилось, когда солдаты на Востоке умоляли Германика повести их против парфян. Он отправился в путь, посетив по дороге все знаменитые места Греции и отправившись посмотреть чудеса Египта, но в Сирии заболел чахоткой и умер, так что многие заподозрили шпиона Кнея Пизона, которого Тиберий послал с ним, в том, что он отравил его. Когда его жена Агриппина вернулась домой и привезла его труп, чтобы сжечь и поместить прах в захоронение Цезарей, к ней была всеобщая любовь и жалость. Пизон занял все должности, которые занимал Германик, но был вызван обратно в Рим и только собирался предстать перед судом, как перерезал себе горло.

РУИНЫ ДВОРЦОВ ТИБЕРИЯ.

Все это делало Тиберия еще более мрачным и недоверчивым, а когда умерла его мать Ливия, ему некого было сдерживать, и он попал под влияние человека по имени Сеянус, который управлял всеми его делами, пока он жил на вилле на острове Капрее в Неаполитанском заливе, не видя почти никого, кроме нескольких приближенных, предаваясь всевозможной порочной роскоши и самообольщению, ненавидя и боясь каждого. Агриппину он так любил

и уважал, что боялся и недолюбливал ее больше всех остальных; Сеяну удалось поднять обвинение в заговоре против государства, по которому она и ее старший сын были сосланы на два небольших скалистых островка в Средиземном море. Двух других сыновей, Друза и Кая, Тиберий держал в Капрее, пока Тиберий не стал подозревать Друза и не бросил его в тюрьму. Тогда Сеян, который, поощряя всю свою неприязнь к собственным родственникам, управлял всем Римом, стал надеяться получить всю полноту власти; но его планы были разгаданы Тиберием, и он заставил своего бывшего фаворита быть схваченным в доме сената и преданным смерти.

АГРИППИНА.

Странно вспомнить, что, пока в Риме вершились столь мрачные дела, наступили три года, когда во тьме засиял истинный Свет. Именно во времена Тиберия Цезаря, когда Понтий Пилат был пропретором Палестины, Господь наш Иисус Христос три года учил и творил чудеса, а затем был распят и заклан от рук нечестивых, чтобы искупить грех человечества. Затем Он воскрес из мертвых и вознесся на небо, оставив Своих апостолов, чтобы они возвестили о Его деяниях всему миру.

Для Востока, где жил наш Господь, да и для всей остальной империи, правление Тиберия было спокойным временем, когда хорошее правительство, созданное Августом, продолжало работать. Лишь его собственная семья, сенаторы и знатные люди в Риме опасались его странного, сурового и ревнивого нрава. Семья Клавдиев во все времена была робкой, гордой и суровой, и получить такую власть, как у Августа Сезара, было выше их сил. Тиберий ненавидел и подозревал всех, но не любил предавать людей смерти, поэтому он позволил Друзу умереть от голода в своей тюрьме, Агриппина выбрала тот же способ смерти на своем острове, а некоторые из главных сенаторов получили такие послания, что предали себя смерти. Он вел жалкую жизнь, опасаясь измены и боясь всех, и пытался утопить мысль об опасности в пирах в Капрее, где до сих пор можно увидеть остатки его виллы. Однажды он отправился в путь, намереваясь посетить Рим, но не успел он высадиться в Кампании, как вид сотен деревенских жителей с приветственными криками так встревожил его, что он снова поспешил на корабль и таким образом вошел в Тибр; но при виде холмов Рима его ужас вернулся, и он развернул свою галеру и вернулся на свой остров, который больше никогда не покидал.

Из всей его семьи осталось только двое мужчин - двоюродный племянник и племянник Кай, сын второго Германика, прозванный Калигулой, юноша со странным, возбудимым,

лихорадочным характером, который, испугавшись Тиберия, сумел сохранить с ним мир и лишь однажды на короткое время попал в немилость; и его дядя, младший сын первого Германика, которого все называли Клавдием, очень скучный, грузный человек, любивший книги, но такой медлительный и застенчивый, что его считали лишенным ума, и поэтому он никогда не попадал под подозрение.

В конце концов Тиберий заболел, и когда стало известно, что он умирает, его задушили подушками, когда он начал приходить в себя после обморока, чтобы он не отомстил тем, кто на мгновение подумал, что он умер. Он умер в 37 г. н. э., и власть перешла к Калигуле, которого правильно называть Каем, ему было всего двадцать пять лет, и он начал свою деятельность в добром и щедром духе, что радовало людей и вселяло в них надежду; но такая большая власть оказалась слишком тяжелой для его мозга, и его можно считать только сумасшедшим, особенно после того, как он перенес тяжелую болезнь, которая так беспокоила людей, что он раздулся от мысли о собственной важности.

РИМ ВО ВРЕМЕНА АВГУСТА СЕЗАРА.

Он предавал смерти всех, кто его обижал, и, унаследовав от Тиберия недоверие и ненависть к народу, восклицал, когда одним из его представлений восхищались не так сильно, как он ожидал: "Если бы у жителей Рима была одна шея, я бы обезглавил их всех сразу". Он задумывал великие общественные здания, но не имел твердости, чтобы их осуществить; и он стал так жаден до славы, которую, бедняга, не мог заслужить, что завидовал даже мертвым. Он сжег из библиотек книги Ливия и Вергилия, лишил статуи великих людей древности тех знаков, по которым их знали: Цинцинната - его кудрей, Торквата - воротника, а последнему из Помпеев запретил называться Магнусом.

Он совершил экспедицию в Галлию и говорил о завоевании Британии, но добрался не дальше берега канала, где, вместо того чтобы спустить парус, велел солдатам собирать раковины, которые отправил домой в сенат, чтобы поместить среди сокровищ Капитолия, назвав их трофеями завоеванного океана. Затем он собрал рабов-германцев и самых

высоких галлов, которых смог найти, велел последним покрасить волосы и бороды в светлый цвет и привел их домой, чтобы они шли на его триумф. Сенат, однако, не сразу понял, что он действительно может рассчитывать на триумф, и это так его возмутило, что, когда ему предложили его, он не согласился и продолжил оскорблять их. Он сделал своего коня консулом, хотя и всего на один день, и выставил его с золотым овсом перед собой в золотых яслях. Однажды, когда два консула сидели рядом с ним, он разразился хохотом, подумав, что одним словом может заставить их головы покатиться по полу.

В провинциях было не так плохо, но положение Рима было невыносимым. Все были в опасности, и наконец был составлен заговор для его смерти; когда он направлялся из своего дома в цирк и остановился, чтобы посмотреть на певцов, которые собирались выступить, группа людей набросилась на него и убила со многими ранами, после того как он царствовал всего пять лет, и когда ему было всего тридцать лет.

ГЛАВА XXXII.

КЛАВДИЙ И НЕРОН.

41-68 ГГ. Н.Э.

Бедный тупой Клавдий услышал шум и спрятался, думая, что его убьют, как и его племянника, но его ждало еще худшее. Его искали, чтобы сделать императором, ведь он был последним из рода. Он был неуклюж, хотя лицо у него было красивое, и он был добросердечным человеком, давал большие обещания и старался делать все хорошо; но он был медлителен и робок и позволял вести себя под влиянием злых мужчин и женщин, так что его правление закончилось не лучше, чем правление прежних царей.

Начал он энергично: послал войска, завоевавшие южную часть Британии, и сам совершил туда поход. Его супруга решила разделить его триумф, который заключался не в том, чтобы, как обычно, ехать на колеснице, а в том, чтобы сидеть в доспехах на своих тронах, с орлами и штандартами над головами, а перед ними вели пленных. Среди них был и великий британский вождь Карактак, который, как говорят, заявил, что не может понять, зачем тем, у кого есть такие дворцы, как в Риме, нужны хижины бриттов.

Клавдий был добр к жителям отдаленных провинций. Он снова дал иудеям царя, Ирода Агриппу, внука первого Ирода, который был очень любим ими, но внезапно умер через несколько лет в Кесарии, после встречи с тирийцами, когда он позволил им приветствовать его как бога. В Риме жило много иудеев, но иерусалимские ссорились с александрийскими, и однажды, когда был большой дефицит кукурузы, Клавдий изгнал их всех из Рима.

КЛАУДИЙ.

Клавдий был очень несчастлив в своих женах. С двумя он развелся, а затем женился на третьей, по имени Мессалина, которая предавалась всевозможным злодеяниям, о которых он и не догадывался, в то время как она использовала всевозможные искусства, чтобы сохранить свою красоту и обмануть его. В конце концов она вышла замуж за молодого человека, пока Клавдий отсутствовал в Риме; но когда об этом стало известно, он приказал предать ее смерти. Однако его последняя жена была худшей из всех. Она была дочерью доброго Германика и носила имя Агриппины. До этого она была замужем за Луцием Домицием Энобарбом, от которого у нее был сын, которого Клавдий усыновил, женившись на ней, хотя у него был собственный ребенок по имени Британник, сын Мессалины. Римляне никогда прежде не женились на своих племянницах, но власть императоров побуждала их попираť все законы и обычаи, и на беду Клавдия в данном случае он поступил именно так, ибо целью Агриппины было убрать всех с дороги собственного сына, который, приняв все имена Клавдиев и Юлиев в дополнение к своему собственному, стал известен как Нерон. Она женила его на дочери Клавдия Октавии, а затем, изрядно помучив императора, отравила его блюдом с грибами и подкупила его врача, чтобы он не выздоровел. Он умер в 54 г. н. э., и, как ни был он честен и правдолюбив, римляне были рады избавиться от него и рассказывали о нем насмешливые истории. Действительно, они сами были очень плохи во всех

отношениях, а многие дамы были отравительницами, как Агриппина, так что город почти заслужил тирана, пришедшего после Клавдия. Нерон, сын Агриппины от первого брака, и Британник, сын Клавдия и Мессалины, должны были царствовать вместе; но Нерон был старшим, и как только его бедный юный кузен достиг совершеннолетия, Агриппина приготовила для него дозу яда.

Нерон, однако, начал хорошо. Его хорошо воспитал Сенека, превосходный ученик стоической философии, который вместе с Бурром, командиром прусской гвардии, давал молодому императору добрые советы в течение первых пяти лет его правления; И хотя его злая мать называла себя Августой и оказывала сыну равные почести, правительству не было причинено особого вреда, пока Нерон не влюбился в злую женщину, Пoppею Сабину, которая слыла тщеславной и, как говорили, держала пятьсот ослиц, чтобы купаться в их молоке для сохранения цвета лица. Нерон хотел жениться на этой даме, а поскольку его мать дружила с его брошенной женой Октавией, он приказал, чтобы, когда она отправится на свою любимую виллу в Байе, ее галера потерпела крушение, а если она не утонет, то была заколота. Октавия развелась, была отправлена на остров и там предана смерти; после женитьбы Нерона на Пoppее он быстро стал еще более жестоким и диким.

Примерно в это же время умер Бурр, и только Сенека не смог удержать императора от глупого тщеславия. Он спускался на арену большого амфитеатра и пел под лиру свои собственные композиции, а в цирке демонстрировал свою езду на колеснице перед всем собравшимся городом, не позволяя никому уйти, пока представление не закончится. Это очень шокировало патрициев, но толпа была в восторге, и он больше всего заботился об их похвалах. Он строил огромный дворец, прозванный Золотым домом за его великолепное убранство; нуждаясь в деньгах, он возбудил обвинения против всех богачей, чтобы завладеть их богатствами.

НЕРО.

В Риме вспыхнул страшный пожар, который бушевал шесть дней и полностью уничтожил четырнадцать кварталов города. Пока он горел, Нерон, охваченный волнением, стоял, наблюдая за ним, и пел под свою лиру описание сожжения Трои. Поэтому возникли слухи, что он действительно устроил пожар, чтобы развлечься наблюдением за ним; и чтобы вытеснить это из памяти людей, он обвинил христиан. Христианская вера начала распространяться в Риме во время последнего царствования, и именно к Нерону, как к кесарю, обратился святой Павел. Два года он прожил в Риме в наемном доме и, таким образом, находился под охраной пруссов, но был освобожден после суда на "судейском месте" Нерона и оставался на свободе до этой внезапной вспышки, вызвавшей первое гонение. Затем он был схвачен в Никополе, а святой Петр - в Риме, и их бросили в Мамертинскую темницу. Рим считает святого Петра своим первым епископом. 29 июня 66 года н. э. оба они пострадали: святой Павел, как римский гражданин, был обезглавлен мечом, а святой Петр распят на кресте, головой, по его собственному желанию, вниз. В то же время пострадали и многие другие: одних бросили на съедение зверям, других завернули в полотнища, обмазанные смолой, и медленно сжигали для освещения игр в императорских садах. Наконец народ был потрясен и стал кричать, чтобы эти ужасы прекратились. И Нерон, заботившийся о людях, обратил свою ненависть и жестокость против людей более высокого сословия, чья судьба их волновала меньше. Послание, в котором человеку советовали не выносить приговор, а предать себя смерти, было настолько обычным делом, что каждый

изучал легкие способы умереть. Старый воспитатель Нерона, Сенека, считал его тиранию невыносимой и участвовал в заговоре с целью его свержения, но все было раскрыто, и Сенека должен был умереть от собственной руки. Он выбрал способ, и его жена тоже, ради него, вскрыла себе вены, залезла в теплую ванну и истекла кровью до смерти.

Нерон совершил путешествие в Грецию и показал себя на Олимпе и на перешейке, одновременно ограбив греческие города, чтобы украсить свой Золотой дом лучшими статуями и рельефами; ведь у римлян не было оригинального искусства - они могли только подражать грекам и нанимать греческих художников. Но опасность надвигалась на Нерона. Такого императора больше нельзя было терпеть, и генералы армий в провинциях начали угрожать ему, не будучи пораженными и беспомощными, как казалось всем в Риме.

Испанская армия под командованием офицера по имени Гальба, которому было уже семьдесят два года, но которому Август еще в детстве сказал: "Ты тоже разделишь мой вкус империи", начала двигаться домой, чтобы напасть на тирана, и к ней присоединилась армия из Галлии. Нерон почти обезумел от страха: то бушевал, то рвал на себе волосы и одежду; народ стал гневаться на него из-за нехватки зерна, говоря, что он тратит все на свои удовольствия. По мере приближения Гальбы вельможи и рыцари надеялись на спасение, а гвардия Претториана показала, что намерена присоединиться к своим соратникам и не будет сражаться за него. Несчастный император остался один и тщетно призывал кого-нибудь убить его, так как у него не хватало духу сделать это самому. Он бежал на загородную виллу и бродил по лесу, пока не услышал, что если его поймут, то предадут смерти по "древнему обычаю", который, как ему сказали, заключался в том, что ему затыкали шею вилкой и били до смерти. Тогда, услышав стук копыт лошадей своих преследователей, он приставил меч к своей груди, заставил раба загнать его домой и уже стонал в последний раз, когда подъехали всадники. Ему было всего 30 лет, и он был последним императором, у которого прослеживалась хоть какая-то связь с Августом, даже по усыновлению. Он погиб в 68 году н.э.

ГЛАВА XXXIII.

СЕМЬЯ ФЛАВИАНОВ.

62-96.

Самым умелым из всех офицеров Нерона был Тит Флавий Веспасиан, суровый, жесткий старый солдат, который вместе со своим сыном того же имени находился на Востоке, готовясь подавить великое восстание иудеев. Он ждал, что произойдет, и уже через несколько недель старый Гальба оскорбил солдат своим спасительным поведением; против него поднялось восстание, и императором стал другой солдат по имени Отхо; но легионы из Галлии выступили под командованием Вителлия, чтобы свергнуть его, и он покончил с собой, чтобы предотвратить новое кровопролитие.

Когда восточная армия узнала об этих переменах, они заявили, что хотят сделать императора таким же, как солдаты Запада, и провозгласили императором Веспасиана. Он оставил

своего сына Тита покорять Иудею, а сам отправился в Италию, где Вителлий предался разгулу и пиршествам. На улицах самого Рима произошла страшная драка и пожар, а галлы, составлявшие в основном армию Вителлия, натворили еще больше бед, чем прежние галлы при Бренне; но в конце концов Веспасиан одержал победу. Вителлий был схвачен и, после того как его подгоняли острием копья, предан смерти. Прошло восемнадцать месяцев смуты, и Веспасиан начал свое правление в 70 году.

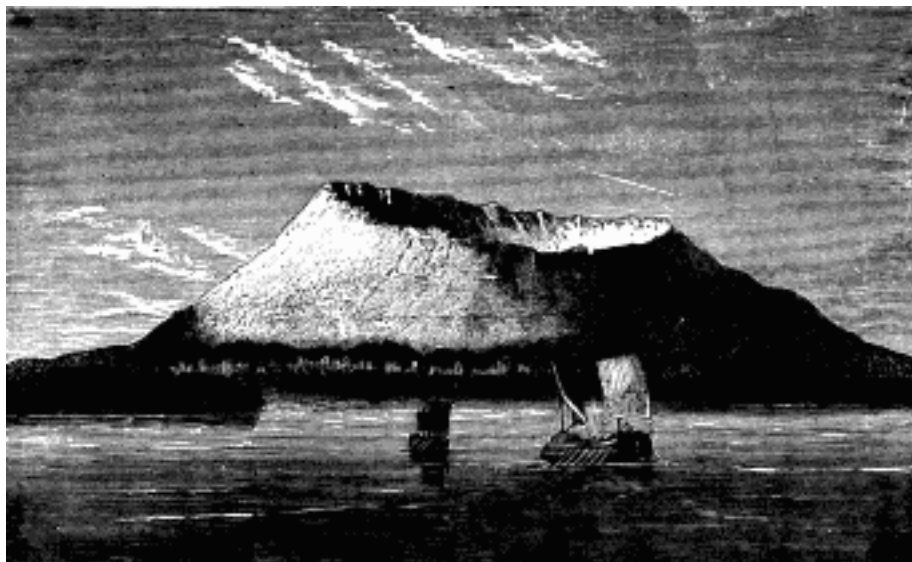
Как раз в это время его сын Тит, захватив все крепости в Галилее, хотя иудеи отчаянно их защищали, двинулся на осаду Иерусалима. Все христиане вняли предупреждению, которое оставил им наш благословенный Господь, и были в безопасности в городе на холмах под названием Пелла; но иудеи, оставшиеся внутри, яростно ссорились между собой и дрались друг с другом так же жестоко, как с врагами. Тит обнес город траншеями и блокировал его, и голод внутри стал самым ужасным. Некоторые умирали в своих домах, но свирепые беззаконные фанатики носились по улицам, врываясь в дома, где, по их мнению, можно было найти пищу. Когда в одном большом доме, принадлежавшем одной даме, запахло жареным мясом, они бросились туда, но даже они в ужасе отвернулись, когда она обнаружила останки своего собственного маленького ребенка, которого она ела. Наконец римские машины разрушили стены нижнего города, и, отчаянно сопротивляясь, римляне вошли внутрь и обнаружили, что все дома полны мертвых женщин и детей. Им оставалось взять Храм, и иудеи собрались там, полагая, что в худшем случае Мессия явится и спасет их. Увы, они давно отвергли Его, и настало время суда. Римляне с боем пробивались внутрь, поднимаясь по мраморным ступеням, скользким от крови и захлебываясь трупами, а вокруг бушевал огонь. Тит хотел бы сохранить Святое место как чудо света, но один из солдат бросил факел в золотое решетчатое окно, и пламя быстро распространилось. Тит успел окинуть взглядом всю богатую позолоту и мрамор, прежде чем все погрузилось в руины. Он страшно отомстил иудеям. Огромное количество их было распято, а остальные либо выведены в амфитеатры по всей империи, чтобы сражаться с дикими зверями, либо проданы в рабство, причем в таком количестве, что, как ни дешевы они были, никто не хотел их покупать. И все же этот удивительный народ живет в рассеянии и по сей день. Город был полностью разрушен и засеян солью, а те сокровища, которые удалось спасти от огня, были вывезены во время триумфа Тита - хлебосольный стол, семистворчатый подсвечник и серебряные трубы - и уложены, как обычно, среди трофеев, посвященных Юпитеру. Их фигуры можно увидеть на триумфальной арке, построенной в честь Тита, которая до сих пор стоит в Риме.

АРКА ТИТА.

Флавианские цари были великими строителями. Много пришлось восстанавливать в Риме после двух великих пожаров, и они построили новый Капитолий и новый Форум, а также снесли Золотой дом Нерона и возвели на этом месте великолепные бани, известные как бани Тита. Поход в баню, чтобы рабы распарились, натерлись, помазались и надушились, был главным развлечением праздного римлянина, потому что в залах ожидания он встречал всех своих друзей и узнавал новости; эти залы были великолепными, инкрустированными мрамором и украшенными статуями и картинами, которые Нерон привез из Греции. На части садов было начато строительство того, что тогда называлось Флавианским амфитеатром, но теперь известно как Колизей, из-за колоссальной статуи, стоявшей у его дверей - удивительное место, с чередой галерей на каменных сводах вокруг площади, на которых можно было увидеть представителей всех рангов и профессий, от императора и весталок до рабов, занимали свои места, откуда можно было видеть, как гладиаторы и звери борются и погибают, на песке, смешанном с алыми зернами, чтобы скрыть пятна, и под благоухающими струями, чтобы перебить запах крови, и под шелковыми вышитыми навесами, чтобы укрыться от солнца.

Веспасиан был честным человеком, и хотя он был суров и неумолим, его правление стало большим облегчением после капризной тирании последних Клавдиев. Он и его старший сын Тит были просты и понятны в своих привычках, старались подавить ужасные беспорядки и излишества, губившие римлян, и их боялись и любили. У них были и большие успехи. Британия была покорена и заселена до северных холмов, а в Восточной Галлии было подавлено большое восстание. Веспасиана обвиняли в скупости, но Нерон оставил казну в таком состоянии, что вряд ли смог бы править, не будучи осторожным. Он умер в 79 году, в возрасте семидесяти лет. Когда он обнаружил, что его уже почти нет, он попросил поднять его на ноги, сказав, что император должен умереть стоя.

ВЕЗУВИЙ ПЕРЕД ИЗВЕРЖЕНИЕМ 63 ГОДА Н.Э.

Он оставил двух сыновей, Тита и Домициана. Тит был более ученым, чем его отец, и отличался мягким и добрым характером, поэтому его очень любили. Он часто говорил: "Я потерял день", когда он не находил какого-нибудь доброго дела. Его называли отрадой человечества, и его правление было бы счастливым, если бы не очередной пожар в Риме, который сжег то, что оставил огонь Нерона. В его время также внезапно пробудился от своего покоя Везувий и страшным извержением уничтожил два города у его подножия, Геркуланум и Помпеи. Философ Плиний, писавший труды по географии и естественной истории, задохнулся от сернистого воздуха, спасаясь от ливней камней и пепла, выброшенных горой. Его племянник, по имени Плиний Младший, оставил полный рассказ о катастрофе, облаке, похожем на сосну, которое нависло над горой, шуме, землетрясении и падении пепла и лавы. Друзилла, жена Феликса, правителя, перед которым умолял святой Павел, также погибла. Геркуланум был покрыт сплошной лавой, так что из него мало что можно было извлечь; Помпеи же, будучи завалены пылью или пеплом, только захлебнулись, и в наши дни их обнаружили, прекрасно показав, каким был древнеримский город - амфитеатр, магазины, пекарни и все остальное. Были найдены скелеты: человек с ключами в погребке, полном сокровищ, жрец, раздавленный статуей Изиды, семья, теснившаяся в склепе, часовая на посту; в других случаях пепел прекрасно лепил отпечаток фигуры, которую задушил, и при заливке гипсом были восстановлены формы жертв, особенно двух женщин, старшей и младшей, так, как они упали у ворот, девочка с головой, спрятанной в одеянии матери.

ГОНЕНИЯ НА ХРИСТИАН.

Тит умер в следующем году, и его зять Тацит, написавший историю этих царствований, возложил вину на своего брата Домициана, который был таким же жестоким и диким тираном, как и Нерон. Похоже, он был потрясен нечестивостью римлян. Даже весталки стали бесстыдными, а среди патрицианских семей в Риме не было ни одной девушки, достаточно воспитанной, чтобы стать таковой. Вину возложили на отказ от старой религии, и то, что римляне называли "иудаизмом", что означало христианство, снова стало преследоваться. Флавий Клеменс, двоюродный брат императора, был обвинен и предан смерти; вероятно, именно это привело к тому, что святого Иоанна, последнего из апостолов, привезли в Рим и поместили в котел с кипящим маслом у Латеранских ворот; но от его имени произошло чудо, и масло не причинило ему вреда, после чего он был изгнан на остров Патмос.

Во времена Домициана был открыт Колизей, и представления гладиаторов, бои со зверями и даже морские бои, когда арена была затоплена, превзошли все, что было до этого. Проводились бои между женщинами и женщинами, карликами и журавлями. В Риме сохранилась надпись, которая заставила некоторых поверить, что архитектором Колизея был некий Гандентий, который впоследствии погиб там как христианин.

Домициан оскорбил римлян, надев золотую корону с маленькими фигурками богов на ней. Он совершал странные поступки. Однажды он собрал весь свой совет посреди ночи по срочному делу, и пока они ожидали вестей о каком-то чужеземном враге на границах, принесли чудовищную тюрбо, и они советовались, разрезать ли ее на куски или специально приготовить для нее блюдо. В другой раз он пригласил несколько гостей, и они оказались в зале из черного мрамора, с погребальными кушетками, с именем каждого человека, высеченным на колонне, как на могиле, с пиром, накрытым как на похоронах, и с черными мальчиками, которые их обслуживали! На этот раз это была всего лишь шутка; но Домициан предал смерти столько людей, что испугался, как бы месть не обрушилась на него, и выложил свои залы полированным мрамором, чтобы видеть, как в стекле, если кто-то подойдет к нему сзади. Но это его не спасло. Его жена узнала, что он хочет предать ее смерти, и подстроила так, чтобы его убила партия слуг, 96 г. н.э.

МОНЕТА НЕРО.

ГЛАВА XXXIV.

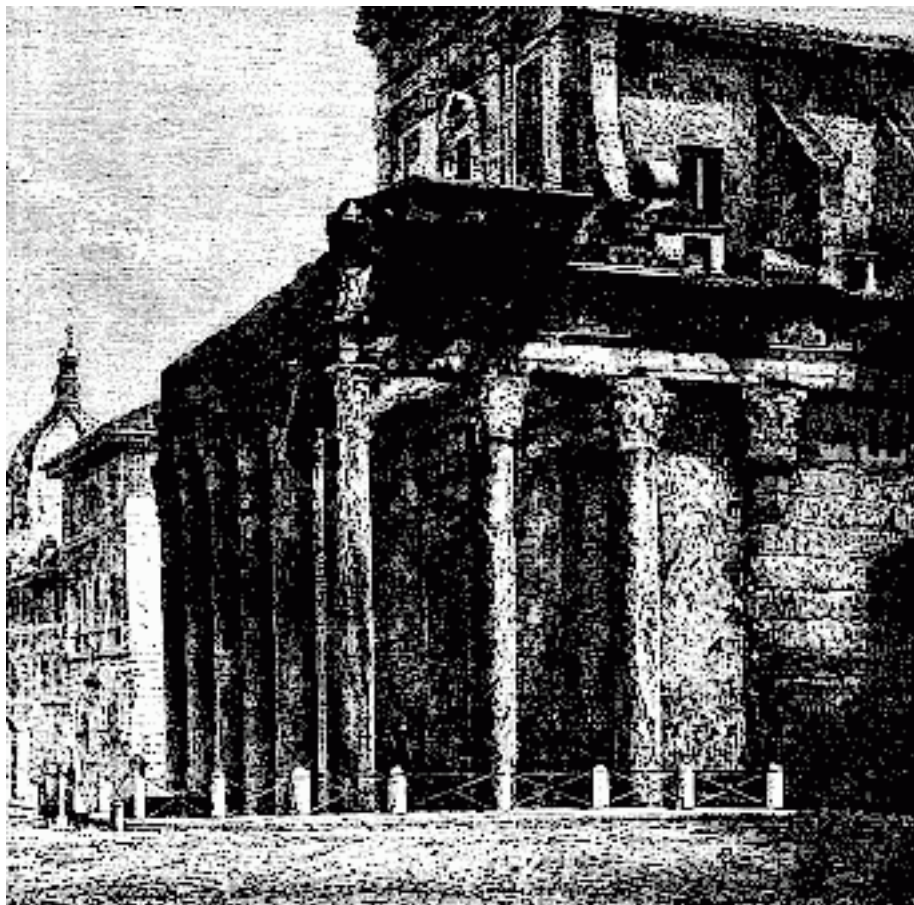
ЭПОХА АНТОНИНОВ.

96-194.

Домициан называется последним из двенадцати цезарей, хотя все, кто приходил после него, называли себя цезарями. У него не было сына, и императором стал высокочтимый старый сенатор по имени Кокций Нерва. Это был честный человек, который пытался восстановить старый римский дух; так как он считал христианство лишь суеверием, которое портит древние нравы, он постановил, что все должны умереть, кто не принесет фимиам богам, и среди них погиб святой Игнатий, епископ Антиохии, который был воспитан среди апостолов. Его отвезли в Рим, по дороге он увидел своего друга, епископа Смирны Поликарпа, и написал ему одно из писем, сохранившихся до наших дней. Затем его бросили на растерзание львам в Колизее.

Кажется странным, что хорошие императоры часто были худшими гонителями, чем плохие, но дело в том, что плохие позволяли людям делать все, что им заблагорассудится, лишь бы они их не обижали; а хорошие пытались вернуть то, о чем они читали в истории Ливия, о простой жизни и высоком мышлении, и затыкали уши, чтобы не знать о христианах больше того, что они люди, которые не поклоняются богам. Более того, Юлий Траян, которого Нерва усыновил и который стал править после него в 98 году, не преследовал активно, но против христиан действовали законы. Когда Плиний Младший был пропретором провинции Понтия в Малой Азии, он написал императору письмо с вопросом, что делать с христианами, и рассказал, что ему удалось узнать о них от двух девушек-рабынь, подвергшихся пыткам; а именно, что они имеют обыкновение собираться вместе ночью или рано утром, петь вместе и

есть то, что он называет безобидной общественной едой. Траян ответил, что ему не нужно пытаться их выследить, но если они предстанут перед ним, то закон должен действовать по своему усмотрению. В Риме главным убежищем христиан были катакомбы, или каменоломни из туфа, из которого в основном был построен город, и которые были выдолблены в длинных галереях. Рабы и каторжники работали в них, и таким образом они стали известны христианам, которые хоронили своих мертвых в местах, выдолбленных по бокам, использовали галереи для своих церквей и часто прятались там, когда их искали.

ХРАМ АНТОНИНА И ФАУСТИНЫ.

Траян был настолько хорошим правителем, что носил титул Оптимуса, Лучшего, как никто другой. Он был отличным полководцем и завоевал Дакию, страну между реками Дунай, Тисса и Прут, а также Карпатские холмы; он также победил парфян и сказал, что если бы он был моложе, то дошел бы до Александра. В его царствование империя достигла своего наивысшего расцвета, и он был очень большим строителем и улучшителем, так что один из его преемников назвал его цветком стены, потому что его имя повсюду можно было увидеть на стенах, мостах и дорогах - некоторые из них до сих пор сохранились, как и его высокая колонна в Риме, вокруг которой сверху вниз выгравирована спиральная линия его завоеваний. Он возвращался с Востока, когда в 117 году умер в Киликии, оставив империю другому храброму воину, Публию Ютию Адриану, который энергично принял командование, но обнаружил, что не может удержать Дакию и разрушил мост через Дунай. Он пришел в Британию, где римские поселения терзали пикты. Там он построил знаменитую римскую стену от моря до моря, чтобы отгородиться от них. Он был удивительно активен и спешил из одного конца империи в другой, где бы ни требовалось его присутствие. На дальнем Востоке произошло восстание евреев под предводительством человека, который выдавал себя за

Мессию и называл себя Сыном Звезды. Оно было подавлено самым суровым образом, и ни одному еврею не было позволено приближаться к Иерусалиму, над которым был построен новый город, названный по второму имени императора - *Ælia Capitolina*; а чтобы еще больше оттеснить евреев, на месте храма был построен храм Юпитеру, а на горе Голгофа - храм Венере.

Но Адриан не преследовал и благосклонно выслушал объяснение веры, которое дал ему в Афинах христианский философ Квадрат. Адриан построил себе грандиозный памятник, похожий на башню, окруженный ступенями колонн и арок, который называть Моле Адриана, и который до сих пор стоит, хотя и лишен своих украшений. Перед смертью, в 138 году, он выбрал себе преемника, Тита Аврелия Антонина, доброго и честного человека, философа, 52 лет от роду; ведь бывало, что молодым людям, ставшим императорами, вскружила голову такая безграничная власть, а старшие мужчины заботились о работе и долге. Антонин так заботился о благе своего народа, что его прозвали Пием. Он избегал войн, только защищал империю; но он был великим строителем, так как возвел еще один вал в Британии, намного дальше на север, и установил еще одну колонну в Риме, а в Галлии построил большой амфитеатр в Нисме и возвел прекрасный акведук, который до сих пор стоит и называется Пон-дю-Гар.

Его зятя, которого он усыновил и который стал его преемником, обычно называют Марком Аврелием, как выбор из множества его имен. Он был глубоким студентом и стоическим философом, искренне стремившимся к истине и добродетели, хотя и не знал, как искать их там, где их можно найти; и когда на его империю обрушились землетрясения, мор и войны, и люди решили, что боги оскорблены, он позволил им преследовать христиан, чью веру он презирал, потому что надежда на воскресение и рай казалась ему слабой и глупой рядом с его суровым, гордым, безнадежным стоицизмом. Так, престарелый Поликарп, епископ Смирны, последний ученик самих апостолов, был приговорен к сожжению в театре своего города, хотя, когда огонь окутал его завесой пламени, не коснувшись его, он был фактически убит мечом. А в Галлии, особенно во Вьенне, было страшное гонение, которое обрушилось на женщин всех сословий, и где рабыня Бландина, подвергаясь самым невыразимым мучениям, была особо отмечена за свое мужественное терпение.

Аврелий вел упорную борьбу с германскими племенами на Дунае, которые не давали ему покоя и грозили ворваться в пределы империи. Преследуя их, он со своим войском заперся в крепком месте, где не было воды, и погибал от жажды, когда целый легион, все солдаты-христиане, опустились на колени и стали молиться. Набежало облако, пролился долгожданный дождь, который и спас измученное жаждой войско. Говорят, что впоследствии это подразделение получило название "Громовой легион", хотя на колонне, воздвигнутой Аврелием, изображен Юпитер, посылающий дождь на жаждущих воинов, которые ловят его в свои щиты. После этого гонений стало меньше, но всевозможные беды - чума, землетрясения, голод и войны - обрушились на империю со всех сторон, и император тщетно боролся с этими бедами, сочиняя тем временем размышления, которые показывают, как печален и болен он был душой и как мало утешения давала ему философия, пока глаза его были слепы к истине. Он умер от лихорадки в своем лагере, будучи еще в расцвете сил, в 180 году, и с ним закончился период хороших императоров, который римляне называют эпохой Антонинов. Аврелию действительно наследовал его сын Коммод, но это был глупый, никчемный юноша, который не вынес усталости и трудов настоящей войны, хотя ему не стыдно было показать себя на арене, и, как говорят, он сражался там семьсот пятьдесят раз, кроме того, убивал диких зверей. Он хвастался, что убил сто львов сотней стрел и целый ряд страусов стрелами в форме полумесяца, которые отрубили им головы, причем бедняги были

закреплены так, что он не мог их пропустить, а римляне аплодировали, как за благородный поступок. Они позволили ему царствовать шестнадцать лет, пока его не убили, и тогда на престол вступил старый добрый солдат по имени Пертинакс; но за эти шестнадцать лет прусская гвардия стала беспорядочной, и как только они почувствовали давление твердой руки, они напали на дворец, убили императора, отрубили ему голову и побежали с ней в сенат, спрашивая, кто будет императором. Один старый сенатор был достаточно глуп, чтобы предложить им большую сумму, если они выберут его, и это вбило им в голову выбежать на валы и объявить, что они продадут империю тому, кто больше заплатит.

Тщеславный, старый, богатый сенатор по имени Дидий Юлиан ужинал со своей семьей, когда услышал, что пруссы продают империю с аукциона, выбежал и купил ее по цене около 200 фунтов стерлингов на человека. Император был настоящим главнокомандующим, к которому прилагались и другие должности, и солдаты имели своего рода право на выбор; но другие армии, находившиеся в отдалении, которые действительно сражались и охраняли империю, не могли позволить, чтобы этот вопрос решали пруссы, простые гвардейцы, которые оставались дома и пытались управлять остальными; Поэтому каждая армия выбрала своего полководца и двинулась на Рим, и первым туда пришел полководец на Дунае Септимий Север, после чего пруссы убили своего глупого императора и присоединились к нему.

МАРК АВРЕЛИЙ.

ГЛАВА XXXV.

ВЛИЯНИЕ ПРЕНТОРОВ.

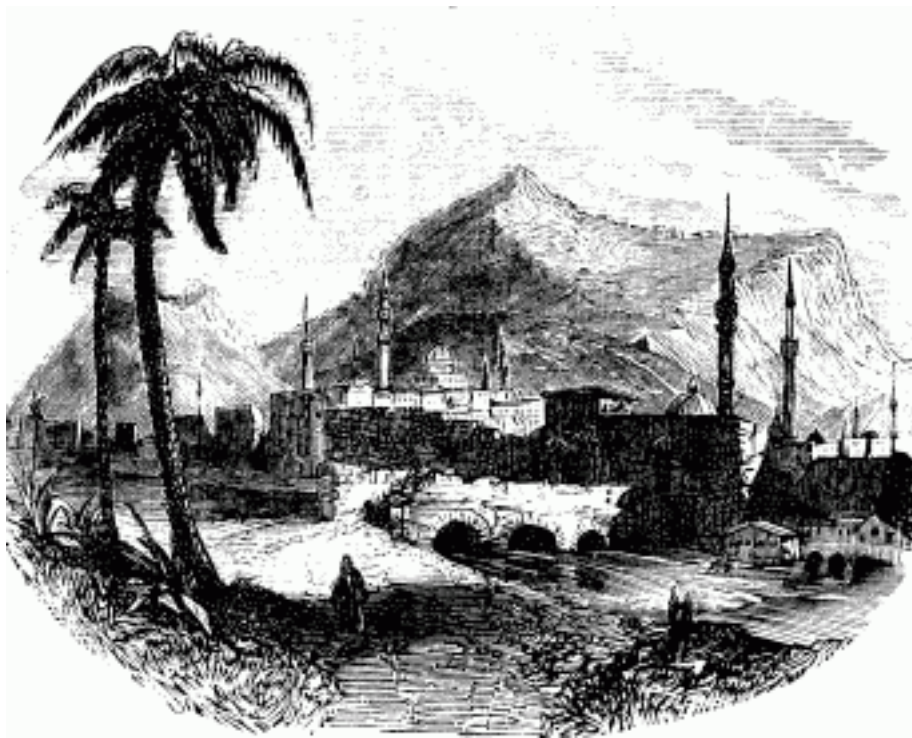
197-284.

Септимий Север был способным императором и правил долгое время. Он был суров и жесток, как того требовали пороки того времени; он был очень активен, редко находился в Риме, но метался из одного конца империи в другой, где бы он ни был нужен, и поддерживал отличный порядок. В его время не было регулярных гонений на христиан; но в Лионе, где горожане в большом количестве были христианами, деревенские жители по какому-то внезапному побуждению ворвались и устроили страшную резню, в которой был убит епископ, святой Иреней. В это время в христианство обратилось так мало деревенских жителей, что язычник стал обозначать крестьянина Paganus.

Северус, подобно Траяну и Адриану, был великим строителем и дорожником. Вся империя была соединена сетью мощных дорог, сделанных солдатами, прорезающих холмы, пересекающих долины, прямых, гладких и настолько прочных, что они сохранились до наших дней. Это сделало связь настолько быстрой, что управление государством стало возможным для такого активного человека, как он. Он дал отпор парфянам, а когда состарился, пришел в Британию и совершил поход далеко на север, но увидел, что невозможно охранять стену Антония между Фортом и Клайдом, и лишь укрепил вал Адриана от Твида до Солуэя. По возвращении он умер в Йорке в 211 году, и его последним напутствием было "Труд!". Его жену звали Юлия Домна, и он оставил двух сыновей, обычно называемых Каракаллой и Гетой, которые разделили империю; но Гета вскоре был заколот собственной рукой брата, а затем Каракалла показал себя еще хуже, чем Коммод, пока в свою очередь не был убит в 217 году.

СЕПТИМИЙ СЕВЕРУС.

АНТИОХ.

У его матери, Юлии Домны, была сестра Юлия Семея, которая жила в Антиохии и имела двух дочерей, Семею и Маммею, у каждой из которых был сын Элагабал, названный так по имени идола, изображавшего солнце, жрецом которого он был в Эмесе, и Александр Север. Прусская гвардия в затруднении, кого выбрать императором, выбрала Элагабала, юношу девятнадцати лет, который показал себя бедным, несчастным, глупым негодяем, совершавшим самые нелепые поступки. Его пиры стали пословицей о чрезмерности, и даже львов он кормил попугаями и фазанами. Иногда он собирал на праздник всех толстяков или всех худых, всех высоких или низких, всех лысых или подагрических; на других он справлял свадьбу своего тезки-бога и Палласы, устраивая поединки между богами и богинями по всей Италии; и он совершал службу своему богу с теми же варварскими танцами в странном костюме, что и в Эмесе, к великому отвращению римлян. Бабушка уговорила его усыновить своего двоюродного брата Александра, юношу гораздо более перспективного, который принял имя Северус. Солдаты были очарованы им; Элагабал стал ревновать и собирался лишить его почестей, но это возмутило пруссов, и они предали старшего императора смерти в 222 году.

АЛЕКСАНДР СЕВЕРУС.

Александр Север был добрым и справедливым князем, мать которого, как полагают, была христианкой, и он, несомненно, достаточно изучил Божественный закон, чтобы любить добродетель и быть твердым, но при этом терпеливым. Он любил добродетель, но не принимал веру и смотрел на нашего Благословенного Господа лишь как на некоего великого философа, помещая Его статую вместе со статуями Авраама, Орфея и всех тех, кого он считал великими учителями человечества, в своем собственном храме, как будто все они были на одном уровне. Он так и не приблизился к вере, и после тринадцати лет доброго и твердого правления был убит во время мятежа прусских стражников в 235 году.

Эти гвардейцы обладали всей полнотой власти, они ставили и свержали императоров так быстро, что вряд ли стоит вспоминать какие-либо имена. В беспокойном состоянии империи никто не успевал преследовать христиан, и их число росло и процветало; во многих местах у них были церкви, богослужение совершалось открыто, а их епископы были известны и уважаемы. Император Филипп, прозванный Аравийским, который на самом деле был христианином, хотя и не признавал этого открыто, находясь в Антиохии, присоединился к службе на Пасху и предстал перед причастием; но епископ Вавила отказал ему, пока он не совершит открытого покаяния за преступления, благодаря которым он пришел в пурпур, и не отречется от всех остатков язычества. Он отвернулся с упреками, но отложил покаяние, а на следующий год отпраздновал игры, называемые Секулами, поскольку они проводились каждый Секулум или сотый год, со всеми их языческими церемониями и с десятикратным великолепием, в честь того, что это был тысячный день рождения Рима.

Вскоре после этого в армии на германской границе был выбран другой полководец по имени Деций, и Филипп был убит в битве с ним. Деций хотел быть старомодным римлянином; он верил в богов и считал, что беды империи происходят от того, что они оставили его; а поскольку парфяне досаждали на Востоке, а готы и германцы - на Севере, и солдаты, казалось, были готовы убить своих императоров больше, чем врагов, он решил вернуть процветание, заставив всех вернуться к старому поклонению, и начал самое жестокое гонение, которое когда-либо знала Церковь. Рим, Антиохия, Карфаген, Александрия и все главные города были обысканы в поисках христиан. Если они не бросали горсть ладана на алтарь идола или не отрекались от Христа, их подвергали всем ужасным мучениям, какие только могла изобрести жестокая изобретательность, в надежде покорить их постоянство. Некоторые из них пали, но большинство остались непоколебимы и стали свидетелями славного исповедания, прежде чем в 251 году Деций и его сын были убиты в битве в Мезии.

ХРАМ СОЛНЦА В ПАЛЬМИРЕ.

Следующим императором, чье имя стоит запомнить, был Валериан, которому пришлось вести войну с персами. Старый род персидских царей, исповедующих происхождение от Кира и, как и он, обожающих огонь, победил парфян и распространял персидскую власть на Востоке под руководством своего царя Сапора, который завоевал Месопотамию и на берегах Евфрата победил Валериана в страшной битве при Эдессе. Валериан попал в плен и содержался как жалкий раб, которого заставляли приседать, чтобы Сапор мог взобраться ему на спину, когда садился на коня; а когда он умер, его кожу покрасили в пурпурный цвет, набили чучелом и повесили в храме.

КАТАКОМБЫ В РИМЕ.

Лучшее сопротивление Сапору оказали сирийский вождь Оденат и его прекрасная арабская жена Зенобия, которые удерживали город Пальмиру, расположенный на оазисе в пустыне между Палестиной и Ассирией, пока Сапор не отступил. Обнаружив, что Рим не обращает на них внимания, они назвали себя императором и императрицей. Город был очень красиво украшен великолепными зданиями в позднем греческом стиле; Зенобия, правившая вместе с молодыми сыновьями после смерти мужа, была хорошо начитана в греческой классике и философии и являлась ученицей философа Лонгина. Аврелиан, став императором Рима, выступил против этого странного маленького королевства, и Зенобия оказала ему храброе сопротивление; но он победил ее, взял в плен и заставил идти с триумфом в Рим. После этого она жила со своими детьми в Италии.

Аврелиан видел, что опасности надвигаются на империю со всех сторон, и решил, что пора укрепить сам город Рим, который уже давно вышел за пределы старых стен Сервия Туллы. Он проложил новую трассу и построил стену, линии которой до сих пор окружают Рим, хотя сама стена несколько раз разрушалась и восстанавливалась. Он также построил город в Галлии,

который до сих пор носит его имя, немного изменив его в Орлеан. Он был одним из тех суровых, храбрых императоров, которые тщетно пытались вернуть старые римские нравы и считали, что их испортило христианство; он как раз готовился к великому гонению, когда был убит в своей палатке, и еще три или четыре императора были поставлены, а затем убиты почти сразу после начала их царствования. Последние тридцать из них иногда называют Тридцатью тиранами. Эта власть прусской гвардии - ставить и снимать своего императора, будучи в первую очередь его полководцем, - продолжалась в общей сложности около ста лет.

МОНЕТА СЕВЕРУСА

ГЛАВА XXXVI.

РАЗДЕЛ ИМПЕРИИ.

284-312.

Далматинскому солдату по имени Диокл колдунья сказала, что он станет императором, убив кабана. Он стал великим охотником, но ни один убитый им кабан не приближал его к пурпуру, пока, когда армия сражалась на Тигре, не умер император Нумериан, и офицер по имени Апер предложил себя в качестве его преемника. Апер по-латыни означает "кабан", и Диокл, поняв, что пророчество сбывается, вонзил свой меч в грудь соперника, после чего легионы провозгласили его императором. Он удлинил свое имя до Диоклетиана, чтобы оно звучало более императорски, и начал властвовать, не похожий на всех, кто был до него. Они были лишь генералами-переростками, которых выбирали пруссы или часть армии, а также пожизненно занимали трибунские и другие должности. Диоклетиан, хотя и назывался императором, правил как восточные цари. Он сломил силы пруссов, так что они больше

никогда не могли убивать одного императора и избирать другого, как прежде; он никогда не посещал Рим, чтобы не быть вынужденным признать власть сената, власть которого он сумел так полностью отнять, что с тех пор сенатор стал лишь комплиментарным титулом, которым очень гордились жители покоренных стран.

ДИОКЛЕТИАН.

Он разделил империю на две части, чувствуя, что она не под силу одному человеку, и выбрал способного солдата низкого происхождения, но очень храброго, по имени Максимиан, чтобы тот управлял Западом из Трира как своей столицы, в то время как сам он управлял Востоком из Никомедии. Каждый из двух императоров выбрал себе будущего преемника, который должен был править частью его владений под титулом Сезара и царствовать после него. Диоклетиан выбрал своего зятя Галерия и отправил его воевать на Дунай, а Максимиан выбрал в качестве кесаря Констанция Хлора, который командовал в Британии, Галлии и

Испании; таким образом, было сделано все, чтобы везде была готова сильная рука, не позволяющая легионам ставить императоров по своему усмотрению.

Диоклетиан считался самым справедливым и добрым из императоров; Максимиан - самым свирепым и диким. Он питал лютую ненависть к христианскому имени, которую разделял и Галерий; но, с другой стороны, жена Диоклетиана считалась христианкой, а Елена, жена Констанция, несомненно, была ею. Однако Максимиан и Галерий были полны решимости уничтожить веру. Говорят, что у Максимиана в армии был целый легион христиан, которых называли фиванцами, родом из египетских Фив. Он приказал им принести жертву, а когда они отказались, перебил их, то есть зарубил каждого десятого. Их снова призвали к жертвоприношению, но они все еще оставались непоколебимыми, и после последнего вызова все до одного были убиты, когда стояли со своим трибуном Морисом, чье имя до сих пор высоко чтится в Энгадине. Диоклетиан не спешил становиться гонителем, пока в его дворце в Никомидии не вспыхнул пожар, который причинил много бед городу, но пощадил главную христианскую церковь. Враги христиан обвинили их в случившемся, и Диоклетиан потребовал, чтобы каждый из его домочадцев очистил себя, принес жертву Юпитеру. Его жена и дочь уступили, но большинство офицеров и рабов устояли и умерли в жестоких мучениях. Одного раба бичевали, пока плоть не отделилась от костей, а затем натерли раны солью и уксусом; других бичевали, пока кости не вышли из суставов, третьих подвешивали за руки к крюкам, а к ногам прикрепляли гири. Город во Фригии окружили солдаты и вырезали всех жителей; христиан выслеживали, как диких зверей, от одного конца империи до другого, везде, кроме Британии, где при Констанции, как сообщается, произошло только одно мученичество - солдата из Ветулама, святого Альбана. Это было самое страшное из всех гонений, и длилось оно дольше всего.

ДИОКЛЕТИАН В ОТСТАВКЕ.

Оба императора были хорошими солдатами и сдерживали врагов, так что Диоклетиан отпраздновал триумф в Никомидии; но сразу после этого он заболел, и, поскольку ему было пятьдесят девять лет, он решил, что будет лучше сложить с себя полномочия, пока он еще в полном порядке, и убедил Максимиана сделать то же самое в 305 году, сделав Констанция и Галерия императорами вместо себя. Констанций прекратил гонения на Западе, но на Востоке они бушевали как никогда при Галерии и назначенном им кесаре, которого звали Даза, но который называл себя Максимином. Констанций храбро сражался, как в Британии, так и в Галлии, с врагами, пытавшимися ворваться в империю. Франки, один из тевтонских народов, постоянно врывались на восточную границу Галлии, а каледонцы - на северную границу поселения Британия. Он галантно противостоял им, и его очень любили, но он умер в Йорке в 305 году, и Галерий обошел своего сына Константина и назначил своего фаворита по имени Лициний. Константин был так любим армией и народом Галлии, что они провозгласили его императором, и он надежно удерживал провинции Британия и Галлия от всех врагов.

Старый Максимиан, ушедший в отставку только по приказу Диоклетиана, теперь вышел из своего убежища и призвал своего коллегу сделать то же самое; но Диоклетиан был слишком счастлив на своей маленькой ферме в Салоне, чтобы покинуть ее, и ответил посланнику, который снова призывал его взять на себя пурпур, словами: "Подойди и посмотри на капусту, которую я посадил". Однако сенат признал Максимиана истинным императором и сделал его сына Максенция кесарем, а сам он вступил в союз с Константином, которому отдал в жены свою дочь Фаусту. Максенций оказался мятежником и изгнал старика в Марсель, где Константин дал ему дом с условием, что он не будет вмешиваться в управление; но тот не мог успокоиться и поднял войска на юге против своего зятя. Армия Константина с готовностью выступила против него и взяла его в плен, но даже тогда он был помилован; тем не менее он продолжал строить заговоры и пытался убедить свою дочь Фаусту убить мужа. За это Константин был вынужден предать его смерти.

КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ.

Галерий вскоре умер от страшной болезни, во время которой он был полон раскаяния за свои жестокости по отношению к христианам, послал просить их молитв и прекратил гонения. После его смерти Лициний захватил часть его владений, и императорами стали называть себя четыре человека - Лициний в Азии, Даза Максимин в Египте, Максенций в Риме и Константин в Галлии.

Вскоре должна была начаться страшная борьба. Она началась между Максенцием и Константином. Последний вышел из Галлии и вошел в Италию. До сих пор он сомневался между христианством и язычеством, но тут на небе перед всей его армией появилось чудо: в полуденном небе появился яркий крест, вокруг которого четко вырисовывались слова: *In hoc signo vinces* - "В этом знаке ты победишь". Это зрелище решило его мысли; он провозгласил себя христианином и издал из Милана эдикт, обещавший христианам свою благосклонность и защиту. Великие победы были одержаны им в Турине, Вероне и на берегах Тибра, где в битве на Мильвийском мосту в 312 году Максенций потерпел поражение и утонул, переплывая реку. Константин вошел в Рим и был признан сенатом императором Запада.

ГЛАВА XXXVII.

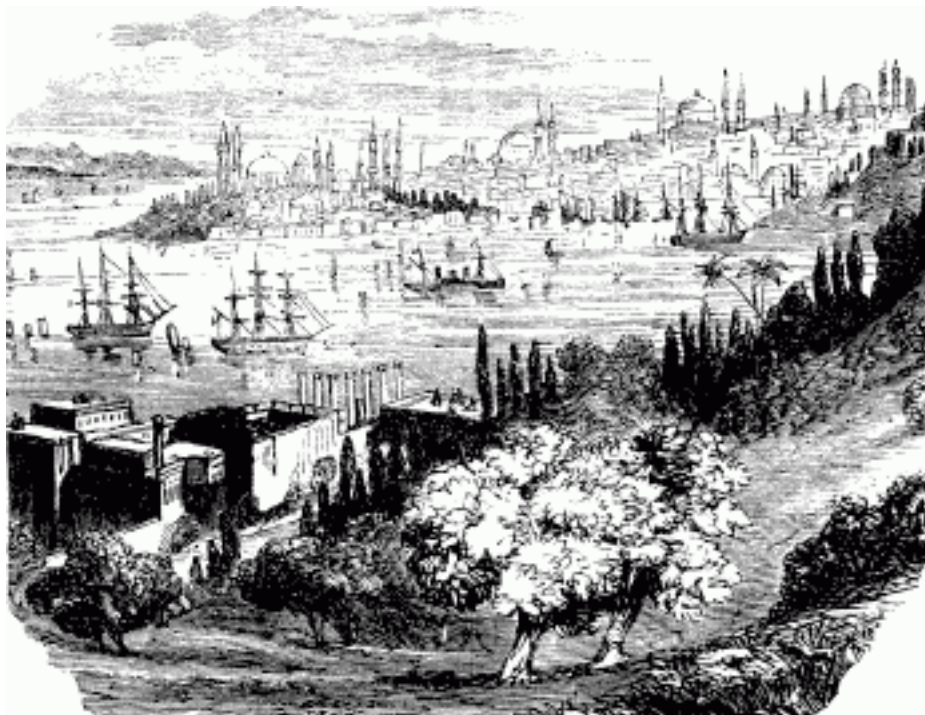
КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ.

312-337.

Константин вошел в Рим как христианин, и с его времени христианство стало преобладать. Сначала он царствовал только на Западе, но Лициний сверг Дазу, обращаясь с ним и его семьей с большим варварством, и тогда Константин, встревоженный его могуществом, выступил против него в поход, избил его во Фракии, а через десять лет совершил на него новое нападение. В битве при Адрианополе Лициний был разбит, а вскоре после этого попал в плен и был предан смерти. Таким образом, в 323 году Константин стал единственным императором.

Он был христианином по вере, хотя еще не был крещен. Он не разрушал языческие храмы и не запрещал языческие обряды, но делал все, чтобы благоприятствовать христианам и принимать христианские законы. Церкви были отстроены и украшены; воскресенье стало днем Господним, и в него нельзя было заниматься никакими делами, кроме освобождения раба; солдаты могли ходить в церковь, и все, что делало исповедание веры трудным и опасным, было устранено. Константин жаждал видеть всю свою империю христианской; но в Риме языческие церемонии были так связаны с каждым действием государства или жизни человека, что императору было очень трудно избежать их, и поэтому он проводил там как можно меньше времени, но обычно бывал в более новых городах - Арле и Трире; наконец он решил основать новую столицу, которая с самого начала должна была быть христианским городом.

Место он выбрал на берегу Босфора, где Азию и Европу разделяет лишь узкий канал, и где уже стоял старый греческий город Византий. Отсюда он надеялся, что сможет править Востоком и Западом. Он расширил город великолепными зданиями, построил там дворец для себя и назвал его по своему имени - Константинополь, или Новый Рим, ни одно из этих названий он никогда не терял. Он перенес туда многие из украшений Старого Рима, но освятил их, насколько это было возможно, и окружил себя епископами и духовенством. Его мать Елена совершила паломничество в Иерусалим, чтобы посетить места, где жил и умер наш благословенный Господь, и очистить их от осквернения. Церкви, построенные ею над Гробом Господним и пещерой Рождества Христова в Вифлееме, сохранились до наших дней.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Теперь не было никакой опасности быть христианином, и поэтому мирские и даже злые мужчины и женщины считали себя принадлежащими к Церкви. Зла было так много, что многие добрые люди бежали от его вида, думая, что принесут больше пользы, молясь в уединенных местах, свободных от искушений, чем живя среди него. Их называли отшельниками, и первым и самым известным из них был святой Антоний. Фиваида, или холмистая местность над Фивами в Египте, была полна таких отшельников. Когда они объединялись в братства, их называли монахами, а женщин, которые поступали так же, - монахинями.

В это время в Египте появился священник по имени Арий, который отпал от истинной веры в отношении нашего благословенного Господа и учил, что Он не был от начала и не был равен Богу-Отцу. Александрийский патриарх пытался заставить его замолчать, но он увел за собой огромное количество последователей, которые не желали напрягать свои души, чтобы исповедовать, что Иисус Христос есть Бог. Наконец Константин решил созвать собор епископов и мудрейших священников всей Церкви, чтобы объявить, в чем состоит истина, которой придерживались с самого начала. Местом встречи он назначил Никею в Малой Азии и оплатил путешествие всех епископов, в количестве трехсот восемнадцати человек, которые прибыли со всех концов империи, с востока и запада, чтобы сформировать первый Вселенский или Всеобщий церковный собор. Многие из них все еще носили следы гонений, которым они подвергались во времена Диоклетиана: некоторые были ослеплены или у них были отрезаны уши; у некоторых на руках были следы от цепей, или они были согнуты от тяжелого труда в шахтах. Император, одетый в пурпур и золото, занял место в совете как принц, но только как мирянин и еще не крещеный; а человеком, который использовал самые сильные аргументы, был молодой диакон из Александрии по имени Афанасий. Почти каждый епископ заявил, что учение Ария противоречит тому, чего Церковь придерживалась с самого начала, и было составлено исповедание веры, которое мы называем Никейским Символом веры. Триста епископов сразу же приложили к нему свои печати, и из тех, кто поначалу отказывался, все, кроме двух, были переубеждены, а эти изгнаны. Именно тогда вера Церкви стала называться католической, или вселенской, и ортодоксальной, или прямым учением, а

те, кто нападал на нее, назывались еретиками, а их учение - ересью, от греческого слова, означающего "выбирать".

НИКЕЙСКИЙ СОБОР.

С Никейским собором и Символом веры проблемы не закончились. Арий притворился, что покорился, но продолжал свое лжеучение, а любезный епископ Евсевий Никомидийский, имевший уши императора, защищал его. Афанасий был поставлен патриархом, или отцом-епископом, Александрии, и всеми силами выступал против лжеучения, отлучая от Церкви тех, кто ему следовал. Но Евсевий так заговорил, что Константину показалось, что тишина лучше правды, и он послал Афанасию приказ, чтобы никого не отлучали. Патриарх не смог послушаться, и император изгнал его в Галлию. Затем Арий отправился в Константинополь, чтобы попросить императора настоять на том, чтобы его снова приняли в причастие. Он заявил, что верит в то, что держит в руках, показывая Никейский Символ веры, но скрывая под ним изложение своей собственной ереси.

КАТАКОМБЫ.

"Иди, - сказал Константин, - если твоя вера согласна с твоей клятвой, ты непорочен; если же нет, то Бог тебе судья"; и он повелел, чтобы Арий был принят к причастию на следующий день, который был воскресеньем. Но по дороге в церковь, среди множества своих друзей, Арий был поражен внезапной болезнью и через несколько минут скончался. Император, как и католики, воспринял это как явное знамение руки Божией, и Константин излечился от всякой склонности к арианам, хотя по-прежнему считал людей, называвших Афанасия, вздорными и беспокойными, и поэтому не отзывал его из ссылки.

Большим горем в жизни Константина было то, что он предал смерти своего старшего сына Криспа по нечестивому обвинению его мачехи Фаусты. Узнав правду, он приказал воздвигнуть серебряную статую с надписью: "Мой сын, которого я несправедливо осудил"; а когда выяснились другие преступления Фаусты, он приказал задушить ее.

В те времена крещение часто откладывали до конца жизни, чтобы после него не было больше греха, и Константин не крестился до начала своей последней болезни, когда ему было шестьдесят четыре года, и он послал за Сильвестром, папой или епископом Рима, где он тогда находился, и принял от него крещение, отпущение грехов и святое причастие. После этого Константин больше никогда не надевал пурпурных одежд, но носил белые до самой своей смерти в 337 году.

ГЛАВА XXXVIII.

КОНСТАНТИЙ.

337-364.

Константин Великий оставил трех сыновей, которые разделили империю между собой; но двое были убиты в раннем возрасте, и императором остался только Констанций, второй и худший из братьев. Он был арианином, и при нем Афанасий, вернувшийся в Александрию, был снова изгнан и укрылся у папы Либерия в Риме. Папа по-латыни - это имя отца, как и патриарх; и папа стал более важным после удаления двора из Рима; но Констанций попытался одолеть Либерия, изгнал его во Фракию и посадил на его место арианина по имени Феликс. Весь римский народ поднялся в негодовании, и Констанций попытался успокоить его, объявив, что Либерий и Феликс должны вместе управлять Церковью; но римляне не подчинились такому указу. "Должны ли мы иметь в Церкви цирковые фракции?" - говорили они. "Нет! Один Бог, один Христос, один епископ!" В конце концов Феликс был вынужден улететь, а Либерий сохранил свое место. Афанасий нашел свое самое надежное убежище в пустыне среди отшельников Фиваиды в Египте.

В это время Сапор, царь Персии, напал на Нисибис, самый восточный город Римской империи, где епископом был храбрый католик по имени Иаков, и воодушевил жителей на самое мужественное сопротивление, так что они держались четыре месяца; и Сапор, думая, что город находится под божественной защитой, и обнаружив, что его войско изнывает в жарких болотах вокруг него, наконец, сдал осаду.

ЮЛИАН.

Констанций был маленьким, невзрачным человечком, но он одевался так, чтобы исполнять свои обязанности императора. У него была целая стая прислуги, как у любого восточного принца, в основном рабы, которые ждали его, как будто он был совершенно беспомощен. Лицо его было разрисовано, по всем государственным случаям он покрывался золотой вышивкой и драгоценностями и стоял, как статуя, на которую смотрят, ни разу не подмигнув глазом, не шевельнув рукой и не сделав ничего, чтобы напомнить людям, что он такой же человек, как они сами. Он был робок и ревнив, а больше всего на свете он боялся своего юного кузена Юлиана, единственного родственника, который у него был. Юлиан учился в Афинах, и то, что он там слышал и представлял себе о старой греческой философии, казалось ему гораздо более великим, чем христианство, проявившееся в жизни Констанция и его придворных. Он был полон духа и способностей, и Констанций счел за лучшее держать его на расстоянии, отправив воевать с германцами на границах Галлии. Там он добился такого успеха и был так любим солдатами, что Констанций послал отозвать его. Это лишь заставило армию провозгласить его императором, и он отправился с ними через Дунай в сторону Константинополя, но по дороге получил известие, что Констанций умер.

Это было в 361 году, и, не заезжая в Рим, Юлиан поспешил в Константинополь, где был принят как император. Он больше не притворялся христианином, но приказал снова открыть все старые языческие храмы и совершать жертвоприношения, как в старые времена, хотя нелегко было найти кого-нибудь, кто помнил бы, как они совершались. Он говорил, что все формы религии должны быть свободны для каждого, а сам старался жить как древний философ, избавившись от всей пышности драгоценностей, одежд, придворных и рабов, которые были при Констанции, надев просто старое пурпурное одеяние римского полководца, спал на львиной шкуре и жил на самой простой пище. В то же время он пытался

свести на нет христианскую веру, смеясь над ней и пытаясь заставить людей презирать ее как нечто низкое и подлое. Когда это не удалось, он запретил христианам быть школьными учителями или преподавателями; а поскольку они заявили, что разрушение Иерусалимского храма доказывает, что наш Господь был истинным пророком, он приказал восстановить его. Как только начали рыть фундамент, появился огненный дым и шары пламени, которые заставили рабочих покинуть храм. Такое иногда случается, когда вскрывают давно погребенные руины, от образовавшихся там газов; но это, несомненно, было делом Божьего провидения, и христиане считали это чудом.

Юлиан ненавидел католиков сильнее, чем ариан, потому что считал их более стойкими против него. Афанасий вернулся в Александрию, но ариане выдвинули против него обвинение в убийстве и в доказательство привели руку в ящике; и хотя Афанасий показал убитого живым и с обеими руками на своих местах, его все равно выследили из Александрии, и ему пришлось снова скрываться среди отшельников в Фиваиде. Когда возникала угроза обыска в том месте, где он находился, раздавался звук рога, созывавший отшельников в церковь, и его уводили в другое укрытие. Иногда он тайно навещал свою паству в Александрии, а однажды, возвращаясь вниз по Нилу, узнал, что его преследует лодка с солдатами. Повернув назад, он встретил лодку. Они окликнули его, чтобы узнать, не видели ли Афанасия. "Он недавно спускался по Нилу", - ответил епископ. Враги поспешили дальше, и он оказался в безопасности.

Юлиан был разгневан тем, что не смог пробудить язычество. В одном большом храме в Азии, куда для жертвоприношения приводили сотни быков, все его усилия привели лишь к тому, что в жертву принесли одного гуся, которого жрец храма получил в качестве большого подарка. Юлиан также ожидал, что язычники будут поклоняться своим старым богам и при этом вести добродетельную жизнь, как христиане; и он был разочарован и опечален, обнаружив, что от тех, кто следовал его вере, не исходило никаких дел добра и милосердия. Он был добрым человеком по натуре, но стал ожесточаться от разочарования и угрожать, когда обнаружил, что убеждать бесполезно; и христиане ожидали, что когда он вернется из похода на Восток против персидского царя, начнутся сильные гонения.

АРКА КОНСТАНТИНА.

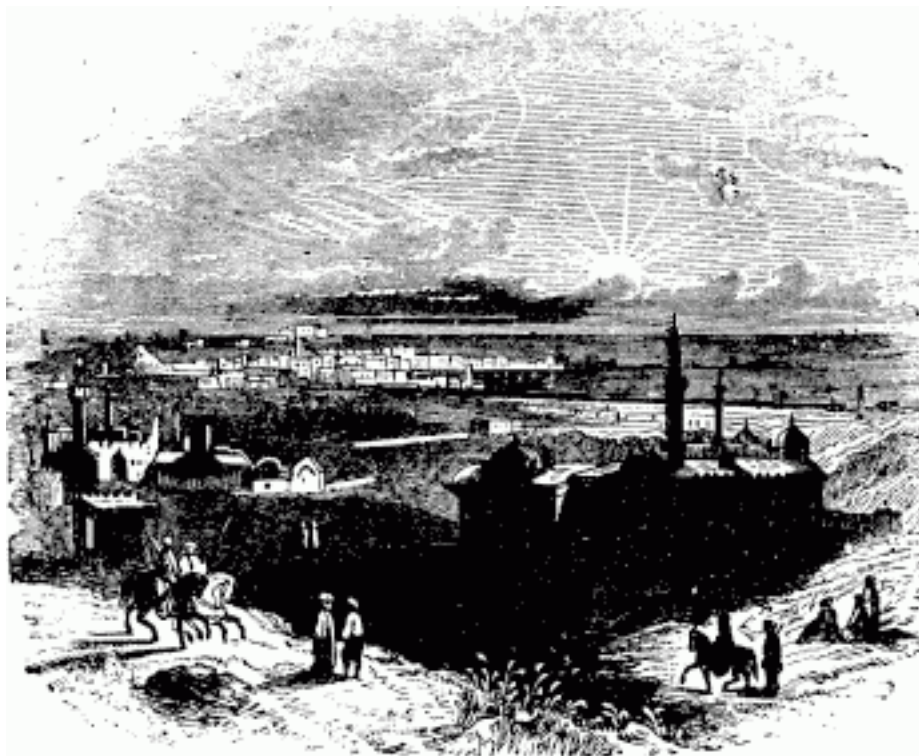
Он отправился с прекрасным войском на кораблях вниз по Евфрату, а затем вошел в Персию, где царь Сапор был достаточно мудр, чтобы избежать сражения и только отступить перед ним. Римляне были наполовину измождены голодом и вынуждены были повернуть назад. Тогда Сапор напал на их тыл и перебил оставшихся. Юлиан разделял все страдания своего войска и всегда находился в опасности. В конце концов копье пронзило его под мышкой. Говорят, что он взял немного крови в другую руку, подбросил ее к небу и воскликнул: "Галилеянин, ты победил". Он умер через несколько часов, в 363 году, и римлянам оставалось только выбрать лучшего из известных им вождей, чтобы вывести их из печального положения, в котором они оказались - почти как десять тысяч греков, за исключением того, что они знали дороги и имели дружественные земли гораздо ближе. Их выбор пал на простого, честного христианского солдата по имени Иовиан, который сделал все возможное, заключив договор с Сапором, отказавшись от всех притязаний на земли за Тигром и сдав храбрый город Нисибис, который так доблестно держался - большое горе для восточных христиан. Первое, что сделал Иовиан, - отозвал Афанасия, но его правление не продлилось и года, он умер по дороге в Константинополь.

ГЛАВА XXXIX.

ВАЛЕНТИНИАН И ЕГО СЕМЬЯ.

364-392.

После смерти Иовиана армия выбрала другого воина по имени Валентиниан, крепкого, храброго, грубого человека, малообразованного, грубого и вспыльчивого, но католического христианина. Как только он достиг Константинополя, он разделил империю со своим братом Валенсом, которого оставил править Востоком, а сам отправился управлять Западом, главным образом из Милана, поскольку императоры не любили жить в Риме, отчасти потому, что остатки сената мешали их полному величию, а отчасти из-за старых обычаев, которые были неудобны для христианского императора. В целом он был справедлив и честен в делах, но когда сердился, мог быть жестоким, и, как говорят, у него было два медведя, которым он подбрасывал преступников. Его брат Валенс был более слабым и менее способным человеком и был арианом, который изгнал Афанасия в пятый раз; но Александрийская церковь одержала верх, и ему было позволено остаться и умереть в мире. Считается, что Символ веры, носящий его имя, был написан не им, но передавал то, чему он учил. В это время по всем городам ходили большие разговоры о спорах между католиками и арианами, и добрые люди были потрясены, услышав, как о святейших тайнах веры сплетничают бездельники в банях и на рынках.

АЛЕКСАНДРИЙ.

В это время Дамас, папа римский, пожелал, чтобы очень ученый дьякон его церкви по имени Иероним сделал хороший перевод всего Писания на латынь, сравнив лучшие версии и дав отчет о книгах. С этой целью Иероним отправился в Святую землю и поселился в келье в Вифлееме, радуясь тому, что оказался в стороне от раздоров в Риме и Константинополе. Там же был сделан первый перевод Евангелий на один из тевтонских языков, а именно на готский. Готы были великим народом, принадлежавшим к той же тевтонской расе, что и германцы, франки и саксы - высокие, справедливые, храбрые, сильные и красивые, и в это время они жили на северном берегу Дуная. Многие из их молодых людей нанимались воинами в римскую армию; они изучали христианство, но только как ариане. Именно для них их епископ Ульфилас перевел Евангелия на готский язык и придумал алфавит для их написания. Копию этого перевода до сих пор можно увидеть в Упсале в Швеции, написанную серебряными буквами на пурпурном пергаменте.

ГОТЫ.

Другим великим и святым человеком этого времени был Амвросий, архиепископ Миланский, который был наставником и учителем Грациана, старшего сына Валентиниана, хорошего и многообещающего юноши, но который, по обычаю того времени, ждал крещения до тех пор, пока не достигнет более зрелого возраста. Вторую жену Валентиниана звали Юстина, и когда он умер, как говорят, от разрыва сосуда в порыве гнева, в 375 году, Западная империя была разделена между ее маленьким сыном Валентинианом и Грацианом.

Юстина была арианкой и хотела иметь в Милане церковь, где она могла бы поклоняться, не воздавая полной чести и славы Богу-Сыну; но Амвросий считал, что церкви принадлежат его господину, а не ему, чтобы их отдавать, и наполнил церковь христианами, которые день и ночь дежурили там, воспевая псалмы, а солдаты, которых Юстина послала выгнать их, присоединились к ним, пели и молились вместе с ними.

Грациан не пожелал называться Pontifex Maximus, или главным жрецом всех римских идолов, как это делали все императоры; это оскорбило многих. Полководец по имени Максим поднялся и воцарился в качестве императора в Британии, а у Грациана было слишком много дел на севере, чтобы сместить его.

Тем временем с запада надвигалось страшное дикое племя гуннов, которое гнало перед собой готов, и они попросили у Валенса разрешения переправиться через Дунай и обосноваться во Фракии. Советники Валенса так плохо распорядились ответом, что готы были оскорблены и перешли реку как враги, хотя могли бы прийти как друзья; Валенс был убит в битве с ними при Адрианополе в 378 году.

Грациан почувствовал, что ему одному не справиться с опасностями, подстерегавшими империю, а его брат был еще ребенком, поэтому он отдал Восточную империю храброму и благородному испанскому полководцу по имени Феодосий, который был католиком и крестился, заключил мир с готами, дал им поселения и взял их молодых людей в свои войска. Тем временем Максим усиливался в Британии, а Грациан, живший в основном в Галлии, был недолголюбим солдатом, особенно за то, что подружился с молодым готским

вождем Аларихом, с которым вместе охотился в галльских лесах, что, по их мнению, было недостойно императора. Обнаружив, что его так не любят, Максимус пересек Ла-Манш, чтобы напасть на него. Его солдаты не пошли против британских легионов, и он был схвачен и предан смерти, горько сетуя на то, что так долго откладывал свое крещение, пока теперь ему в нем не было отказано.

Молодой Валентиниан продолжал править в Милане, а Максим - в Галлии. Последний стал христианином и католиком по имени, но не отказался от свирепости и жестокости, так что, когда к нему привели еретиков, он приказал предать их смерти, вопреки совету великого святого и епископа, работавшего в то время в Галлии, Мартина Турского, а также святого Амвросия, которого Валентиниан послал заключить мир с галльским тираном.

Это было время великих людей в Церкви. В Африке возвысился великий человек, святой Августин, который, после долгих сомнений и греховной жизни, был привлечен к истине молитвами своей доброй матери Моники, а во время обучения в Италии слушал святого Амвросия и стал горячо верующим и сторонником всего доброго. Он стал епископом Гиппо в Африке.

МОНАСТЫРЬ НА ХОЛМАХ.

Но наряду с добром было и много зла. Все старые города, и особенно Рим, были полны странной смеси христианской показухи и языческих пороков. В городах царили такая праздность и роскошь, что почти никто из римлян не имел достаточно мужества, чтобы отправиться сражаться самостоятельно, но нанимали готов, германцев, галлов и мавров; те

изучали их способы ведения войны и использовали их в свою очередь против самих римлян. Ничто так не привлекало внимание, как игры в амфитеатрах. Люди устремлялись туда, чтобы посмотреть на гонки колесниц, и совершенно сходили с ума от нетерпения по поводу погонщиков, чьи цвета они носили; и даже игры гладиаторов не были отменены христианством, хотя эти виды спорта постоянно проповедовались духовенством, и ни один действительно набожный человек не ходил в театры. Много времени проводилось в банях, где велись разговоры и сплетни, и где стоял мягкий пар, которого было достаточно, чтобы лишить человека мужественности и решительности. Платья дам были очень дорогими и нелепыми, а весь образ жизни таким же роскошным и беспомощным, как во времена язычества. Хорошие люди старались жить отдельно. Все больше людей становились монахами и отшельниками, а несколько дам, которых очень поразило учение святого Иеронима, создали в Риме своего рода общество, которое занималось добрыми делами и преданностью. Две из них, мать и дочь, последовали за ним в Святую землю и поселились в монастыре в Вифлееме.

Через некоторое время Максим продвинулся в Италию, и Валентиниан бежал просить помощи у Феодосия, который пришел с войском, разбил и убил Максима и восстановил Валентиниана, но лишь на короткое время, так как бедный юноша был вскоре убит вождем франков, состоявшим у него на службе, по имени Арбогастес.

ГЛАВА XL.

ФЕОДОСИЙ ВЕЛИКИЙ.

392-395.

Франк Арбогаст, убивший Валентиниана, не стал императором, а поставил языческого философа Евгения, который на некоторое время восстановил всю языческую пышность и великолепие и снова открыл храмы, угрожая даже отнять церкви и превратить главную в Милане в хлев. Они знали, что Феодосий скоро нападет на них, поэтому приготовились к большому сопротивлению в перевалах Юлианских Альп, а для их охраны поставили образ Громовержца Юпитера.

ЮЛИАНСКИЕ АЛЬПЫ

Феодосий собрал свои войска и выступил в поход под Лабарумом, то есть крестом Константина, который был эмблемой императорской армии со времен битвы у Мильвийского моста. Это был крест, соединенный с двумя первыми греческими буквами имени Христос [Символ: греческие χ и ρ вместе], и его несли, как и орлов, над пурпурным шелковым знаменем. Люди Евгения несли перед собой фигуру Геркулеса, и в первой же битве они получили преимущество, поскольку более невежественные восточные солдаты, хотя и были христианами, не могли избавиться от мысли, что в языческом боге заключена какая-то сила, и считали Юпитера и Геркулеса слишком сильными для них.

Но Феодосий сплотил их и отвел назад, так что они одержали великую победу, а страшная буря и вихрь, обрушившиеся в то же время на войско Евгения, заставили христианскую армию почувствовать еще большую уверенность в том, что Бог сражается на их стороне. Еугений был схвачен и предан смерти, а Арбогаст пал от собственного меча.

Таким образом, Феодосий вновь объединил империи Востока и Запада. Он был храбрым и галантным воином, добрым и совестливым человеком, его очень любили и почитали; но он мог быть суровым и вспыльчивым, и его также очень боялись. В Антиохии жители были сильно оскорблены налогом, который Феодосий наложил на них; они подняли восстание, свергли его статуи и статуи его семьи и растащили их по грязи. Не успели они это сделать, как их начали шокировать и пугать, особенно из-за оскорбления статуи императрицы, которая недавно умерла, прожив очень добрую и милосердную жизнь. Горожане поспешно отправили гонцов с епископом во главе, чтобы объявить о своей скорби и печали и попросить прощения у императора. Все время, пока их не было, город предавался молитве и посту, слушая проповеди священника Иоанна, прозванного за его красноречие Златоустом, который проповедовал покаяние во всех самых частых грехах, таких как любовь к удовольствиям, непочтение к церкви и т. д. По пути епископ встретил императорских

наместников, которым было поручено расследовать преступление и наказать людей; он удвоил скорость, чтобы добраться до Константинополя, где так ратовал за народ, что Феодосий безропотно простил его и отправил домой, чтобы он вместе с ними отпраздновал счастливую Пасху. Это произошло, когда он еще был императором только Востока.

РИМСКИЙ ЗАЛ ПРАВОСУДИЯ.

Но когда он был в Италии вместе с Валентинианом, три года спустя, в Фессалонике произошла еще одна большая смута. Тамошние жители, как и большинство жителей больших городов, были помешаны на спорте в амфитеатре и горячо любили возниц, которыми восхищались по обе стороны. Незадолго до ожидавшихся скачек один из любимых гонщиков совершил преступление, за которое его посадили в тюрьму. Народ, вне себя от ярости, поднялся и потребовал его освобождения, а когда ему в этом было отказано, обрушил на магистратов камни и убил главного из них, Ботерика, командующего войсками. Весть об этом была доставлена в Милан, где в то время находился император, и гнев его был столь велик и ужасен, что он повелел, чтобы пострадал весь город. Солдаты, которые были рады и отомстить своему полководцу, и набрать добычи, поспешили исполнить его приказ; несчастных собрали в цирке и зарубили так быстро и внезапно, что когда Феодосий начал

приходить в себя и послал остановить убийц, они обнаружили, что город горит, а улицы полны трупов.

Святой Амвросий счел своим долгом выступить от имени Церкви против такого неистовства и жестокости; и когда Феодосий явился к дверям церкви, чтобы причаститься, Амвросий встретил его там и отпустил как запятнанного кровью грешника, недостойного участвовать в небесном пире, и велел ему не добавлять святотатства к убийству.

Феодосий возразил, что Давид согрешил еще глубже, но был прощен. "Если ты согрешил, как он, покаяйся, как он", - сказал Амвросий, и император с плачем вернулся в свой дворец, чтобы остаться там в качестве кающегося. Пасха была обычным временем для принятия кающихся обратно в Церковь, но на Рождество император снова явился, надеясь получить согласие епископа на свое возвращение сразу же; но Амвросий был тверд, и снова встретил его у ворот, упрекая за попытку нарушить правила Церкви.

"Нет, - сказал Феодосий, - я пришел не для того, чтобы нарушать законы, а чтобы умолять тебя подражать милосердию Бога, которому мы служим и который открывает врата милосердия сокрушенным грешникам".

Видя, насколько глубоко его раскаяние, Амвросий разрешил ему войти в Церковь, хотя лишь через некоторое время он был допущен к Святому Причастию, и все это время он постился и не надевал императорских одежд. Он также издал закон, согласно которому смертный приговор не должен приводиться в исполнение до истечения тридцати дней после его вынесения, чтобы дать время понять, поспешен он или справедлив.

Во время этого правления возникла еще одна ересь, отрицающая Божество Бога Святого Духа, и в связи с этим Феодосий созвал еще один церковный собор, на котором к Никейскому Символу веры были добавлены те последние предложения, которые следуют за словами "Верую в Святого Духа". В это же царствование начали петь *Te Deum*, который обычно называют гимном святого Амвросия. Впервые он был использован в Милане, но написал ли он его или нет, точно неизвестно, хотя есть история, что он впервые спел его во время крещения святого Августина.

Феодосий прожил всего шесть месяцев после победы над Евгением и умер в Милане в 395 году, когда ему было всего пятьдесят лет. Он был последним, кто действительно заслужил имя римского императора, хотя титул сохранялся, и Риму еще многое предстояло пережить. Он оставил двух малолетних сыновей Аркадия и Гонория, между которыми и была разделена империя.

ГЛАВА XLІ.

АЛАРИХ ГОТ.

395-410.

Сыновья великого Феодосия, как и почти все дети римских императоров, были тщеславными и слабыми, испорченными тем, что выросли принцами. Аркадий, которому было восемнадцать лет, владел Востоком и находился под началом римского офицера по имени Руфин; Гонорий, которому было всего одиннадцать, правил в Риме под началом Стилихона, который по происхождению был вандалом, то есть одним из тех тевтонских народов, что жили по всему северному краю империи, и чьи сыновья приходили служить в римскую армию и учиться римским обычаям. Стилихо был храбрым и верным, и почти принадлежал к императорской семье, ведь его жена Серена была племянницей Феодосия, а дочь Мария была обручена с юным Гонорием.

Стилихо был очень деятельным, энергичным человеком, который находил войска для борьбы с врагами Рима по всем сторонам Западной империи. Руфин был не столь верен и причинил большой вред на Востоке, поссорившись с другими министрами Аркадия, а затем, как все считали, пригласив готов выйти из своих поселений на Дунае и вторгнуться в Грецию под предводительством Алариха, того самого готского вождя, который был другом и соратником Грациана и воевал при Феодосии.

Они перешли Дунай, захватили Македонию и распространились по всей Греции, где, будучи христианами-арианами, со всей силой разрушили все оставшиеся статуи и храмы старых язычников; хотя, поскольку они не напали на Афины, язычники, которых там было много, думали, что им помешало видение Аполлона и Палласа Афины. Аркадий послал к брату за помощью, и Стилихон двинулся в поход через Фракию; Руфин был убит благодаря его ухищрениям, а затем, пройдя в Пелопоннес, он победил Алариха в битве и изгнал его оттуда, но не далее Эпира, где готы заняли свою позицию, чтобы дожидаться другого случая; Но к этому времени Аркадий стал бояться Стилихона, отослал его в Италию со многими дарами и обещаниями и поручил Алариху быть хранителем его империи не только против диких племен, но и против его брата и министра.

КОЛОННАДЫ СВЯТОГО ПЕТРА В РИМЕ.

Это был прекрасный шанс для Алариха, который обладал всем темпераментом великого завоевателя, а к дикой храбрости гота добавились знания и мастерство римского полководца. Он провел свои войска через Альпы в Италию и показался перед воротами Милана. Бедного слабого мальчика Гонория увезли в Равенну, а Стилихон собрал все войска из Галлии и оставил Британию без охраны римских солдат, чтобы защитить сердце империи. С ними он напал на Алариха и одержал великую победу при Поллентии; готы отступили; он последовал за ними и снова разбил их при Вероне, изгнав из Италии.

Это была последняя римская победа, и она была отмечена последним римским триумфом. Было триста триумфов римских полководцев, но именно Гонорий въехал в Рим на машине победы и был доставлен в Капитолий, после чего в амфитеатре, как обычно, начались игры и бои гладиаторов. В разгар страшной битвы раздался голос, просивший прекратить ее во имя Христа, и между мечами показался монах в темно-коричневом одеянии, поднявший руку и сдерживавший удары. Раздался крик ярости, и он был зарублен и убит в одно мгновение; но затем в ужасе игры были прекращены. Выяснилось, что это египетский монах по имени Телемах, только что прибывший в Рим. Больше о нем никто ничего не знал, но эта его благородная смерть положила конец представлениям гладиаторов. Гонки на колесницах и

игры продолжались, хотя добрые и благоразумные люди не одобряли дикого возбуждения, которое они вызывали; но с ужасным спортом смерти и крови было покончено навсегда.

Алариха на время отбросили назад, но там, где граница оставалась незащищенной солдатами, призванными на борьбу с готами, врывались стаи германцев. Свирепый языческий вождь по имени Радегайз с не менее чем 200 000 человек дошел до Флоренции, но был побежден храбрым Стилихоном и предан смерти, а остальные пленники проданы в рабство. Но Стилихо, каким бы храбрым он ни был, не пользовался ни любовью, ни доверием императора и народа. Одни поносили его за то, что он не вернул старых богов, при которых, по их словам, Рим процветал; другие говорили, что он не был честным христианином, а все считали, что он хотел сделать императором своего сына. Когда он женил этого сына на дочери Аркадия, люди убедились, что именно это и было его целью. Гонорий прислушался к обвинениям, а его фаворит Олимпий уговорил армию выдать Стилихона. Он бежал в церковь, но его уговорили выйти из нее, после чего предали смерти.

А в это самое время Аларих переходил через Альпы. Некому было оказать сопротивление. Гонорий находился в Равенне, в безопасности за стенами и болотами, и не заботился ни о чем, кроме своей любимой домашней птицы. Аларих расположился лагерем за стенами Рима, но не пытался ворваться внутрь, ожидая, пока римляне не вымрут от голода. Когда они дошли до страшного бедствия, он предложил выкупить их город. Он запросил чудовищную сумму, но они отказались, сказав ему, что их много и что они могут быть опасны. "Чем толще сено, тем легче его косить", - сказал гот. "Что же ты нам оставишь?" - спросили они. "Ваши жизни", - был ответ.

Выкуп, который согласились заплатить несчастные римляне, составил 5000 фунтов золота и 30 000 серебра, 4000 шелковых одеяний, 3000 кусков алой ткани и 3000 фунтов перца. Они разобрали крышу храма в Капитолии и переплавили изображения старых богов, чтобы собрать эту сумму, и Аларих отозвал своих людей; но на следующий год он пришел снова, заблокировал Остию и еще больше уморил их голодом. На этот раз он привел человека по имени Аттал, которого приказал признать императором, что они и сделали; но поскольку правитель Африки не присылал кукурузы, пока этот человек правил, народ поднялся и изгнал его, и таким образом Аларих в третий раз обрушился на них. Ночью ему открыли ворота, и он вошел в Рим 24 августа 410 года, ровно через восемьсот лет после разграбления Рима Бренном.

ПОГРЕБЕНИЕ АЛАРИХА.

Аларих не хотел разорять и разрушать великий старый город и истреблять его жителей; но его готы жаждали добычи, от которой он так долго их удерживал, и он дал им разрешение грабить в течение шести дней, но не убивать и не причинять вреда церквям. Разумеется, диких, разъяренных людей невозможно было удержать такими приказами, и многие несчастные семьи постигло ужасное несчастье; однако причиненный вред был гораздо меньше, чем можно было ожидать, и великие церкви Святого Петра и Святого Павла не пострадали. Одну старушку по имени Марцелла, подругу святого Иеронима, били, чтобы заставить ее показать, где лежат ее сокровища; но когда наконец ее мучители убедились, что она потратила все на благотворительность, они привели ее в убежище церкви вместе с ее друзьями, и она вскоре умерла от пережитого. Однако через двенадцать дней Аларих отвел свои силы, оставив Рим на произвол судьбы. Епископ Иннокентий находился в Равенне, куда он отправился просить помощи у императора, но Гонорий так мало знал и заботился о нем, что когда ему сообщили о гибели Рима, он только подумал о своей любимой курице, которую звали Рим, и сказал: "Этого не может быть, ведь я только что накормил ее".

Аларих двинулся на юг, готы грабили виллы римских вельмож по пути. В Козенце, на крайнем юге, он заболел лихорадкой и умер. Его воины свернули с русла реки Бионцо, вырыли ему

могилу в русле потока и, положив туда его труп, убили всех рабов, выполнявших эту работу, чтобы никто не мог сказать, где лежит великий гот.

ГЛАВА XLII.

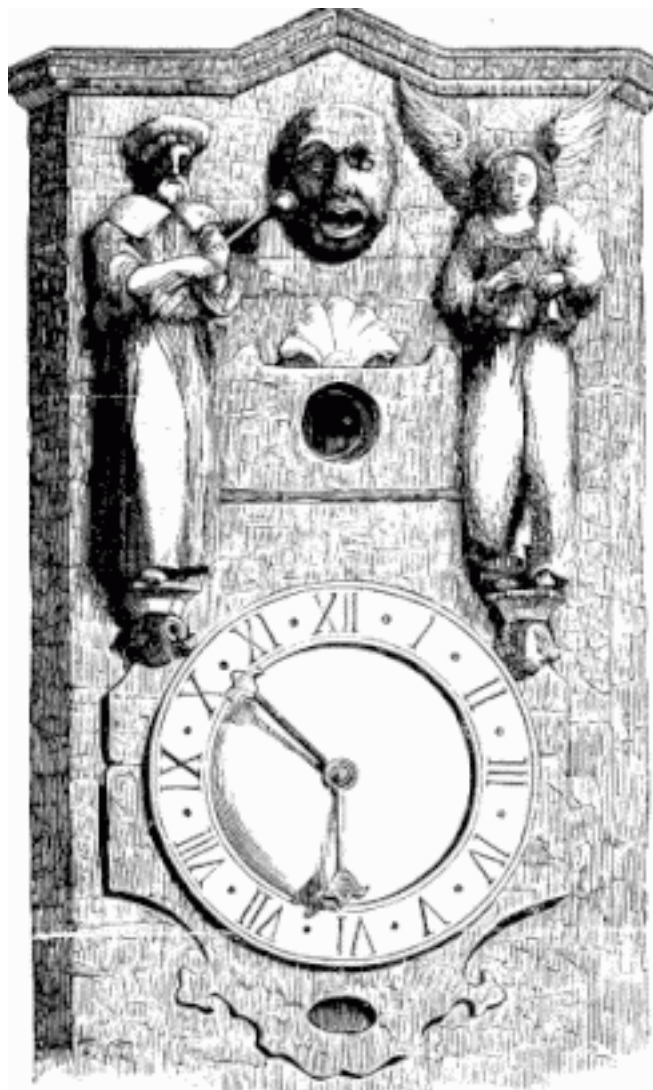
ВАНДАЛЫ.

403.

Одно хорошее событие произошло после готского завоевания - язычники навсегда замолчали. Храмы были разрушены, идола разбиты, и никто их больше не устанавливал; но весь народ Рима с этого времени стал христианским, по крайней мере, по имени; а храмы и залы правосудия начали превращаться в церкви.

Гонорий по-прежнему вел праздную жизнь в Равенне, а епископ - или, как его называли римляне, папа, отец или папа - вернулся и помог им снова навести порядок. Аларих не оставил сына, но вождь готов стал брат его жены Атаульф. В Риме он взял в плен дочь Феодосия Плацидию и женился на ней, но править в Риме не стал, поскольку, по его словам, его готы никогда не вынесут спокойной жизни в городе. Поэтому он пообещал защищать империю для Гонория и увел свое племя из Италии в Испанию, которую они завоевали и основали там королевство. Поэтому их стали называть вестготами, или западными готами.

Аркадий тем временем спокойно царствовал в Константинополе, где святой Иоанн Златоуст, златоустый проповедник из Антиохии, стал патриархом, или отцом-епископом. Игры и скачки в цирке Константинополя были столь же безумны, как и в Риме или Фессалонике; там не было, правда, шоу гладиаторов, но люди с глупым рвением поддерживали одного загонщика против другого, носили их цвета и называли себя их именами, а две фракции - зеленые и синие - были готовы разорвать друг друга на куски. Императрица Евдоксия, жена Аркадия, была одной из самых ярких сторонниц, а кроме того, тщеславной и глупой женщиной, которая поощряла всякую пышность и расходы. Святой Златоуст проповедовал против всех бед, которые от этого происходили, так что она была оскорблена и придумала возвести на него обвинение и изгнать из города. Жители Константинополя все еще проявляли к нему такую любовь, что она настояла на том, чтобы его отправили дальше, на мрачные берега Черного моря, и по дороге он умер, его последними словами были: "Слава Богу во всем".

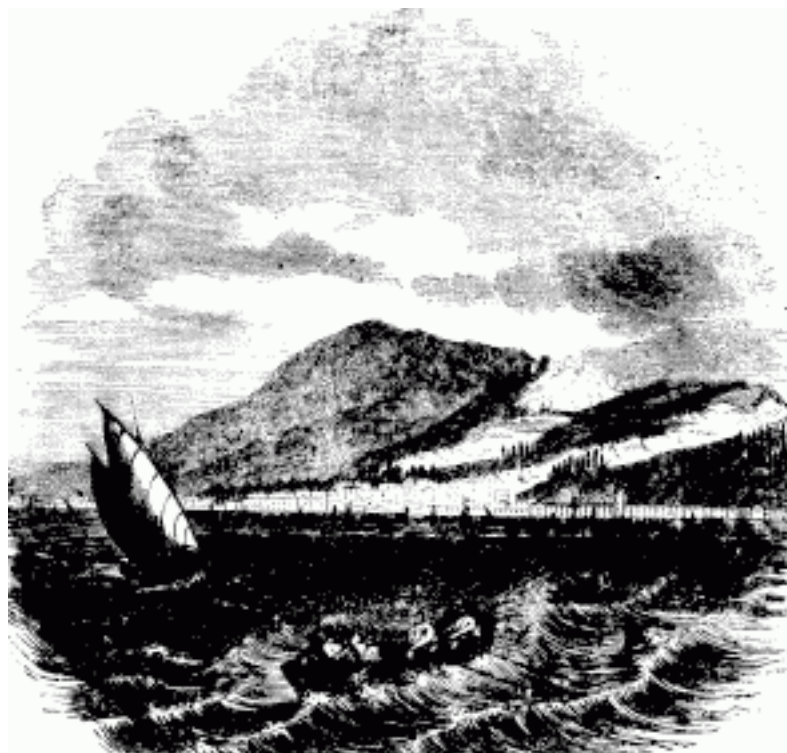
РОМАНСКИЕ ЧАСЫ.

Аркадий умер в 408 году, оставив малолетнего сына, нареченного Феодосием II, на попечение своей старшей сестры Пульхерии, при которой Восточная империя пребывала в мире, в то время как бедствия Западной продолжали расти. Новые императоры были поставлены легионами в отдаленных провинциях, но вскоре были свергнуты, а Гонорий остался в Равенне только благодаря поддержке королей тевтонских племен; поскольку он никогда не доверял им и не поддерживал с ними веры, он постоянно обижал их и был наказан новыми нападениями на ту или иную часть своей империи, о чем он не очень заботился, пока они оставляли его в покое.

Атаульф умер в Испании, а Платидия вернулась в Равенну, где Гонорий выдал ее замуж за римского полководца по имени Констанций, и у нее родился сын Валентиниан, который, когда его дядя умер после тридцати семи лет жалкого правления, стал императором вместо него, под опекой матери, в 423 году.

Два великих полководца, действительно способные люди, были ее главными сторонниками - Бонифаций, граф или полководец Африки, и Аэций, которого иногда называют последним из римлян, хотя по происхождению он был вовсе не римлянином, а скифом. Он добился расположения императрицы Платидии и убедил ее, что Бонифаций хочет стать императором в Африке, поэтому она послала отозвать его, а злые друзья уверили его, что она намерена предать его смерти, как только он прибудет. Он очень разгневался, и хотя святой Августин,

уже пожилой человек, долгое время бывший епископом Гиппо, советовал ему сдерживать свой гнев, он призвал Генсерика, вождя вандалов, прийти и помочь ему защитить свою провинцию.

ИСПАНСКИЙ БЕРЕГ.

Вандалы были еще одним племенем тевтонов - высоких, сильных, светловолосых, очень похожих на готов, и, как и те, они были арианами. Они совершили мародерство в Италии, а затем последовали за готами в Испанию, где обосновались на юге, в стране, названной от них Вандалузией, или Андалузией. Их вождь с радостью подчинился вызову Бонифация, но еще до его прихода римлянин понял свою ошибку; Плацидия извинилась перед ним, и между ними все было в порядке. Но теперь было уже слишком поздно: Гензерик и его вандалы были на подходе, и ему ничего не оставалось, как сражаться с ними изо всех сил.

Ему не удалось спасти Карфаген, и, хотя он предпринял самую храбрую оборону, какая была в его силах, его загнали в Гиппо, который был так сильно укреплен, что он смог продержаться целый год, в течение которого святой Августин умер после продолжительной болезни. На стенах своей комнаты он выписал семь покаянных псалмов и постоянно размышлял над ними. Он умер и был похоронен с миром до того, как город был взят. Бонифаций продержался пять лет, прежде чем Африка была полностью захвачена вандалами, и для Церкви начались тяжелые времена, так как Гензерик был арианином и решил уничтожить Католическую Церковь, отбирая ее здания и жестоко преследуя ее верных епископов.

Валентиниан III заключил с ним договор и даже уступил ему все права на старую римскую провинцию Африку; но у Гензериха был сильный флот, и он продолжал нападать и грабить Сицилию, Корсику, Сардинию, Италию и побережье Греции.

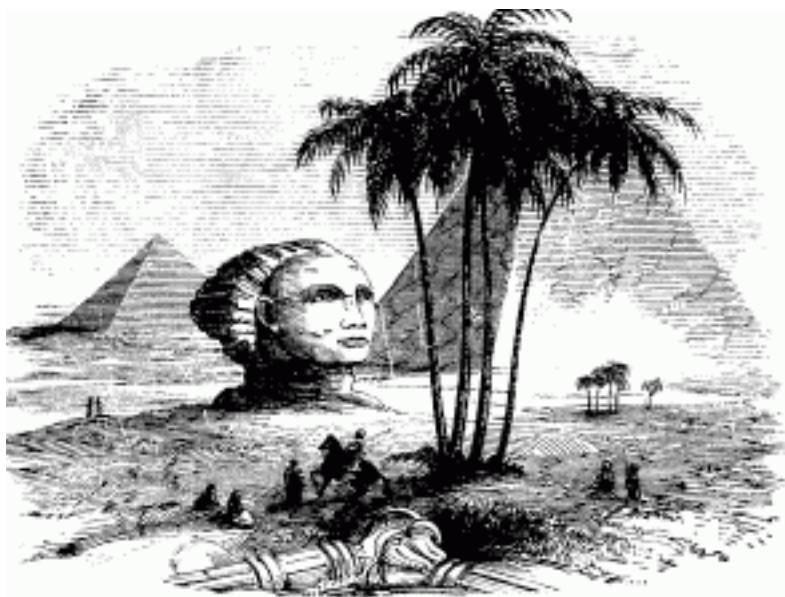
В то же время Британия была так измучена нападениями саксов с моря и каледонцев с севера, что ее вожди отправили жалобное письмо Аэцию в Галлию, начинавшееся словами

"Стоны бриттов"; но Аэций не мог прислать помощь, а саму Галлию захватили готы на юге, бургунды в центре и франки на севере, так что Валентиниану осталась лишь сама Италия.

ВАНДАЛЫ ГРАБЯТ

Восточная половина империи была в лучшем положении, хотя на востоке ее терзали персы, на северной границе - восточные готы или остготы, которые остались на берегах Дуная, а не пришли в Италию, а на юге - вандалы из Африки. Но Пульхерия была настолько мудра и добра, что, когда ее молодой брат Феодосий II умер, не имея детей, народ умолял ее выбрать мужа, который мог бы стать для них императором. Она выбрала мудрого старого сенатора по имени Маркиан, а когда он умер, снова выбрала другого доброго и мудрого человека по имени Зенон; и так Восточная империя стояла, в то время как Западная быстро разрушалась. Почти все вельможи были тщеславными, слабыми трусами, думавшими только о себе, а сражаться оставляли чужаков; и каждый из них был скован страхом, ибо на них надвигался враг, более страшный, чем любой другой.

ГЛАВА XLIII.

АТТИЛА ГУНН

435-457.

Страшным врагом, надвигавшимся на несчастную Римскую империю, был народ гуннов - диких, необузданных людей, которые происходили из того же рода, что и татары, и обитали, как и те, в северных районах Азии, держа огромные табуны лошадей, проводя всю жизнь верхом и используя в пищу молоко кобыл. Они были уродливой, маленькой, но активной расой и имели обыкновение резать лица своим детям, чтобы шрамы делали их более страшными для врагов. Как раз в это время в них проснулся дух завоевания, и они, как уже говорилось, пятьдесят лет назад перегнали готов через Дунай и захватили земли, которые мы до сих пор называем Венгрией. Их главой стал могущественный и воинственный вождь по имени Атила, и куда бы он ни шел, его путь был отмечен кровью и пламенем, поэтому его прозвали "Бичом Божьим". Его жилище находилось на берегу Тейса, в лагере, обнесенном стволами деревьев, так как он не хотел селиться в городах или основывать королевство, хотя дикие племена гуннов из самых дальних уголков Азии следовали его знаку - мечу, прикрепленному к шесту, который, как говорили, был также его идолом.

ЛАГЕРЬ ГУННОВ.

Он угрожал обрушиться на две империи, и к нему в лагерь было отправлено посольство. Гунны не хотели расходиться, и римляне были вынуждены обратиться к ним верхом. Единственным условием, при котором он воздержится от вторжения в империю, была уплата огромной дани, превышающей ту, которую могла бы собрать почти любая их держава. Однако он не стал нападать на Италию, а обратился к Галлии. Его так ненавидели и боялись тевтонские народы, что все готы, франки и бургунды стекались к римским войскам под командованием Аэция, чтобы прогнать его. Они подоспели как раз вовремя, чтобы спасти от разорения город Орлеан, и победили его в битве при Шалоне с большой резней; но он успел отступить из Галлии с огромным количеством пленников, которых убил в отместку.

На следующий год он потребовал отдать ему сестру Валентиниана, Гонорию, и, получив отказ, во главе своего войска вошел в Италию и разрушил все прекрасные города севера. Многие жители бежали на острова среди солончаков и водоемов у истоков Адриатического моря, между устьями рек По и Адидже, где их не мог достать враг; там они построили дома и создали город, который со временем превратился в великий город Венецию, королеву Адриатики.

СВ. МАРК, ВЕНЕЦИЯ.

Аэций все еще находился в Галлии, несчастный Валентиниан в Равенне был беспомощен и бесполезен, а Аттила продвигался к Риму. Для Рима было хорошо, что у него был храбрый и преданный папа Лев. I., который во главе своего духовенства вышел навстречу варвару в его шатре и пригрозил ему гневом Небес, если тот выпустит на город своих жестоких последователей. Аттила был поражен его спокойным величием и, вспомнив, что Аларих умер вскоре после разграбления Рима, испугался. Он согласился принять приданое Онории вместо нее самой и довольствоваться большим выкупом за город Рим. Затем он со всей своей ордой направился в свой лагерь на Дунае и вскоре после прибытия женился на девушке, которую взял в плен. На следующее утро его нашли мертвым на постели в луже собственной крови, а она исчезла; но так как на нем не было ран, решили, что он в пьяном припадке, в котором заснул, пробил кровеносный сосуд, и она в ужасе убежала. Его воины раздирали себе щеки кинжалами, говоря, что его следует оплакивать только кровавыми слезами; но поскольку у них не было вождя, столь же способного и смелого, как он, они

постепенно отступили к своим северо-восточным поселениям и больше не тревожили Европу.

Валентиниан решил, что опасность миновала, и, когда Аэций вернулся в Равенну, позавидовал его славе и заколол его собственной рукой. Вскоре после этого он оскорбил сенатора по имени Максим, который убил его в отместку, стал императором и женился на его вдове Евдоксии, дочери Феодосия II Константинопольского, сказав ей, что именно из-за любви к ней был убит ее муж. Евдоксия отправила послание с просьбой к грозному Генсериху, королю вандалов, прийти и избавить ее от мятежника, убившего законного императора. Корабли Гензериха были готовы, и они вошли в Тибр, а римляне, обезумев от ужаса, забрасывали Максима камнями на своих улицах. Ни у кого не было ни мужества, ни решимости, кроме папы Льва, который снова вышел навстречу варвару и стал просить за свой город; но Генсерик, будучи арианином, не испытывал перед ним такого же трепета, как перед дикими гуннами, ненавидел католиков и жаждал добычи. Он не принял никакого выкупа вместо награбленного, но пообещал, что жизни римлян будут пощажены. Это было самое страшное бедствие, которое пережил Рим, некогда бывший королевой городов. Разграбление продолжалось четырнадцать дней, вандалы грабили церкви, дома и все остальное, складывая добычу на корабли, но многое было потеряно во время шторма между Италией и Африкой. Вместе с добычей в Карфаген были увезены золотой подсвечник и стол с хлебами, принадлежавшие Иерусалимскому храму, и не менее шестидесяти тысяч пленников, среди которых была императрица Евдоксия, благодаря которой Генсерик и две ее дочери попали в плен. Императрица была возвращена своим друзьям в Константинополь, но одна из ее дочерей осталась у вандалов и была выдана замуж за сына Гензериха. Разграбив весь юг Италии, Генсерик вернулся в Африку, не пытаясь удержать Рим или основать королевство; когда его не стало, римляне избрали императором сенатора по имени Авит, галла по происхождению, мирного и доброго человека.

ДОМ ПАПЫ.

Его дочь вышла замуж за прекраснейшего галльского кавалера по имени Сидоний Аполлинарий, который писал такие хорошие стихи, что римляне поставили его бюст, увенчанный лавром, в Капитолии. Он также написал множество писем, которые сохранились до наших дней и свидетельствуют о том, что посреди всего этого разваливающегося могущества Рима жители Южной Галлии могли прожить много мирных дней в приятной деревенской жизни. Но спокойным дням Сидония пришел конец, когда мирянин и юрист, каким он был, жители Клермона умоляли его стать их епископом. Церковь стояла, что бы ни падало, и люди доверяли своему епископу больше, чем кому-либо другому, и хотели, чтобы это был самый способный человек, которого они могли найти. Поэтому Сидоний взял на себя управление ими и помог им целый год удерживать свой горный город Клермон против готов,

добившись в конце концов хороших условий для них, хотя сам он должен был подвергнуться тюремному заключению и изгнанию от этих арианских готов за свою католическую веру.

ГЛАВА XLIV.

ТЕОДОРИХ ОСТРОГОТСКИЙ.

457-561.

Авит был хорошим человеком, но римляне устали от него, и в 457 году они наняли Рицимера, вождя тевтонского племени, называемого суэви, чтобы изгнать его, когда он вернется в Галлию, где у него был прекрасный дворец и сад. Через десять месяцев Рицимер выбрал императором другого суэва. Он был капитаном при Аэции и носил римское имя Майориан. Он показал себя храбрым и энергичным, повел армию в Испанию и напал на Гензериха, но был разбит и вернулся разочарованным. Рицимер, однако, ревновал к нему, заставил его уйти в отставку и вскоре отравил.

После этого Рицимер действительно стал править Италией, но, похоже, с каким-то благоговением относился к титулу императора *Cæsar Augustus*, так как не позволял себе использовать его сам и передавал его одному бедному слабому несчастному человеку за другим до самой своей смерти в 472 году. Его племянник продолжал в том же духе; но наконец солдат по имени Орест, римского происхождения, получил главную власть и поставил императором своего собственного маленького сына, христианское имя которого было Ромул Август, заставив его носить пурпур и корону и называя его всеми титулами; римляне же превратили его имя в Августул, или Маленький Август. В конце года тевтонский вождь по имени Одоакер перешел Альпы во главе огромного племени германцев, и Орест не смог противостоять ему, был схвачен и предан смерти. Его маленького мальчика пощадили и поместили в Сорренто, но Одоакер отправил корону и одежды Запада Зенону, восточному императору, сказав, что одного императора достаточно. Так пала Римская держава в 476 году, ровно через двенадцать веков после даты основания Рима. Считалось, что это означают двенадцать грифов, которых видел Ромул, а семь, которых видел Рем, обозначают семь веков, которые просуществовала республика. Любопытно также, что Рим и его империя пали именно с двумя именами - Ромул и Август.

Одоакер называл себя королем, и действительно, Западная империя почти вся была захвачена разными королями - вандалами в Африке, готами в Испании и Южной Галлии, бургундскими королями и королями франков в Северной Галлии, саксонскими королями в Британии. Восточные готы, которые со времен Валенса обитали на берегах Дуная, были покорены Атилиой, но после его смерти вернули себе свободу. Один из их молодых вождей, по имени Теодорих, был отправлен в качестве заложника в Константинополь и там многому научился. Он стал королем восточных готов в 470 году и показал себя настолько опасным соседом для Восточной империи, что император Зенон посоветовал ему, чтобы избавиться от него, пойти и напасть на Одоакра в Италии. Остроготы прошли семьсот миль и перевалили через Альпы на равнины Северной Италии, где Одоакер храбро сражался с ними, но был

побежден. Они осаждали его даже в Равенне, пока через три года он не был вынужден сдаться и не был предан смерти.

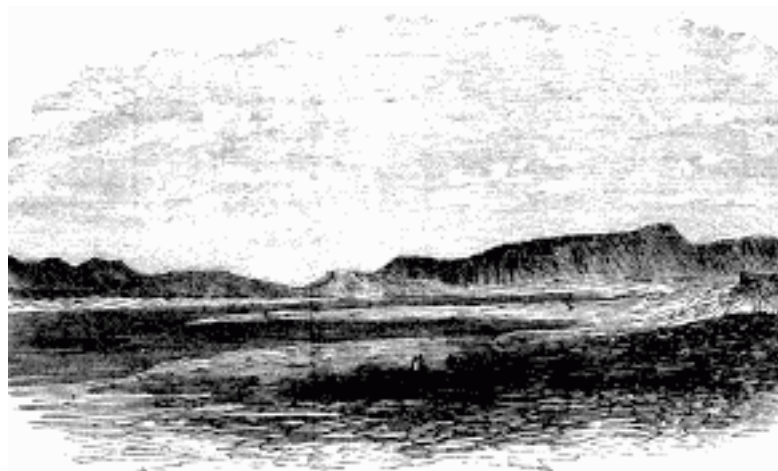
РОМУЛ АВГУСТ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ КОРОНЫ.

Рим не смог защитить себя и попал в руки Теодориха вместе с остальной Италией; но он был лучшим из завоевателей - не причинял им вреда и не злоупотреблял ими, а лишь желал, чтобы готы научились и стали мирными земледельцами. Он отдал им земли, которые потеряли своих владельцев; около тридцати или сорока тысяч семей были поселены им на пустующих землях, а оставшиеся римляне набрались храбрости и тоже работали. Он не жил в Риме, хотя приезжал туда и получал похвалы от сената, и каждый год выделял сумму на ремонт старых зданий; но главным образом он жил в Вероне, где правил восточными и западными готами в Галлии и Италии.

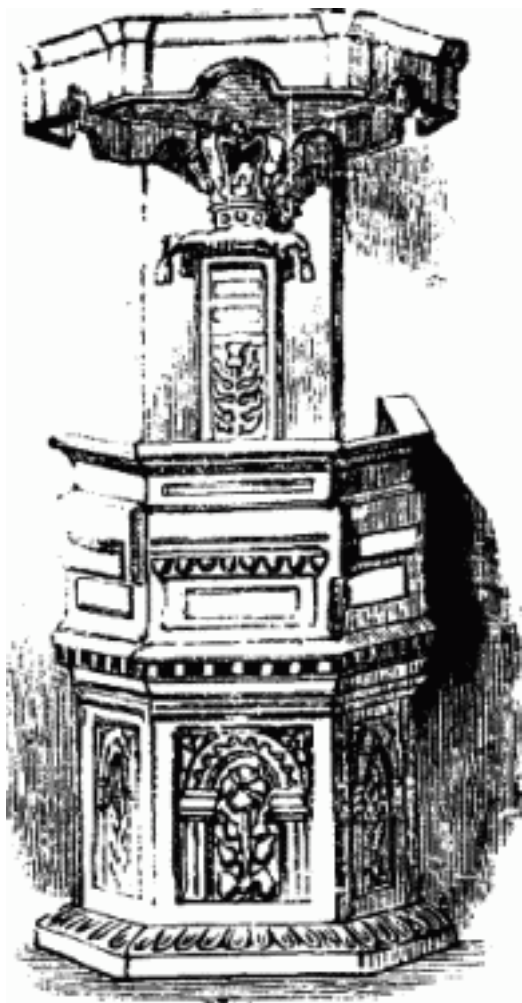
Он был арианином, но не преследовал католиков, а к тем, кто менял свое вероисповедание в угоду ему, не проявлял больше благосклонности, говоря, что те, кто не верен своему Богу, никогда не будут верны своему земному господину. Он царствовал тридцать три года, но закончил не так хорошо, как начал: с возрастом он стал раздражительным и недоверчивым, а римляне, напротив, забыли, что они уже не тот свободный и процветающий народ, который был раньше, и были ему неприятны. Двоих лучших людей, Боэция и Симмаха, он долго держал в плену в Риме, а затем предал смерти. Пока Боэций находился в тюрьме в Павии, он написал книгу "*Философские утешения*", настолько прекрасную, что английский король

Альфред перевел ее на саксонский язык четыре века спустя. Теодорих вел переписку с другими готскими королями, где бы ни обитало племя его народа, вплоть до Швеции и Дании; но поскольку даже он не умел писать и имел только печать с буквами [греч. THEOD], которой можно было поставить свою подпись, вся переписка велась на латыни римскими рабами с обеих сторон, которые переводили своим господам. Сохранилось огромное количество писем секретаря Теодориха, которые показывают, каким способным человеком был его хозяин и насколько он заслужил свое имя "Великий". Он умер в 526 году, оставив только двух дочерей. Два их сына, Амальрик и Аталарих, снова разделили между собой восточных и западных готов.

После Теодориха Северной Италией правили семь готских королей. Они были свирепыми и беспокойными, но не имели ничего похожего на его силу и дух, и жили в основном в более северных городах - Милане, Вероне и Равенне, оставив Рим в качестве подчиненного города, где все еще сохранялись старые названия сената и консулов, но человеком, которому больше всего доверяли, был папа. Все это время Рим заквашивал завоеванные народы. Когда они пытались научиться цивилизованному образу жизни, то только у нее; они учились говорить на ее языке, никогда не писали иначе, чем на латыни, и поклонялись латинским молитвам и службам. Прежде всего, эти завоеватели научились христианству у римлян. Когда все остальное было разрушено, епископ и духовенство остались и стали главными советниками и консультантами многих из этих королей.

Как раз в это время в Монте-Казино, на юге Италии, жил святой Бенедикт, итальянский отшельник, к которому присоединилось множество других людей, которые, как и он, жаждали молиться за грешный мир, а не бороться и воевать с плохими людьми. Он объединил их в большую группу монахов, которые носили простую темную одежду с капюшоном и следовали строгим правилам простой жизни, тяжелого труда и молитв в семь обычных часов в течение дня и ночи. Его правило было названо бенедиктинским, и во многих местах возникли дома монахов, которые были надежным убежищем в эти жестокие времена.

ГЛАВА XLV.

БЕЛИСАРИЙ.

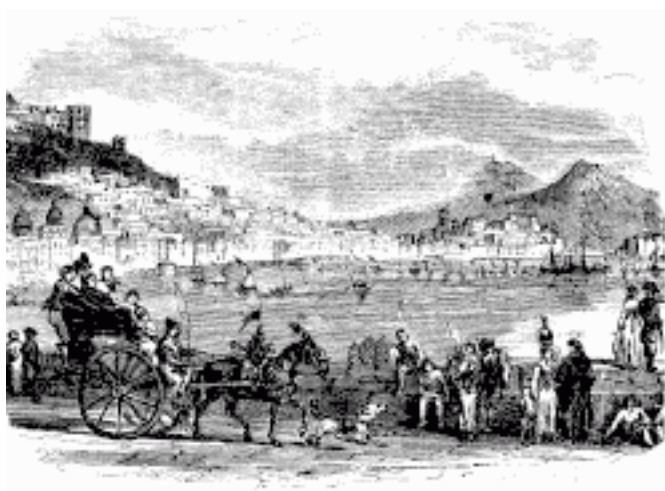
533-563.

Поселившись в роскошных римских городах, тевтонские народы вскоре утратили свой дух, а поскольку они были столь же свирепы, как и прежде, их короли разрывали друг друга на куски. На Востоке на престол взошел очень способный император по имени Юстиниан, и в его войсках вырос фракиец, который был одним из величайших и лучших полководцев, каких когда-либо видел мир. Его звали Белисарий, и, как ни странно, и он, и император женились на дочерях двух возниц, участвовавших в цирковых скачках. Императрицу звали Феодора, жену генерала Антонина, и их знакомство впервые сделало Белисария известным Юстиниану, который с его помощью отвоевал большую часть Западной империи.

Он начал с Африки, где внук Гензериха правил вандалами и так мало внимания уделял своей обороне, что Белисарий высадился без предупреждения и призвал все толпы старых римских жителей присоединиться к нему, что они с радостью и сделали. Он победил

вандалов в битве, вошел в Карфаген и восстановил могущество империи. Он привез золотой подсвечник и сокровища Храма, а также крест, считавшийся истинным, и перевез их в Константинополь, откуда император отправил их обратно в храм Гроба Господня в Иерусалиме.

Едва Белисарий вернулся в Константинополь, как к Юстиниану пришла жалобная мольба от Амалосонты, дочери Теодориха, которую Феодот, выбранный ею муж, сделал пленницей. Это, казалось, открывало путь к возвращению Италии, и Юстиниан отправил Белисария; но не успел он отплыть, как бедная готская королева была задушена в своей ванне. Однако Белисарий с 4500 конных и 3000 пеших воинов высадился в Сицилии и вскоре завоевал весь остров, и все жители радовались его приходу. Затем он переправился в Регию и осадил Неаполь. Как обычно, жители оказались его друзьями, и один из них указал ему путь в город через старый акведук, который выходил в сад старухи.

НЕАПОЛЬ.

Теодот был трусом и убийцей и бежал, а храбрый воин по имени Витигес был провозглашен готами в Риме королем. Но когда стены были разрушены, а все римские граждане были против него, Витигес счел за лучшее не пытаться выстоять против Белисария и отступил в Равенну, а Рим принял восточную армию в качестве освободителей. Но Витигес собирал армию в Равенне и через три месяца снова осаждал Рим. Никогда еще не было такого мужества и терпения, какое Витигес проявил за стенами Рима, а Белисарий - внутри, летом 536 года. Внутри царил страшный голод; все виды странной пищи употреблялись в скудных количествах, а римляне были так нетерпеливы к страданиям, что Белисарий был вынужден следить за ними день и ночь, чтобы они не предали его врагу. И действительно, пока осада длилась целый год, почти все жители Рима умерли от голода и нищеты; а готы, обитавшие в нездоровой Кампанье, умирали от лихорадки и аги, пока тоже не погибли все, кроме небольшой группы, которую Витигес повел обратно в Равенну, где Белисарий последовал за ним, осадил его, взял в плен и доставил в Константинополь. Юстиниан подарил ему поместье, где он мог жить в мире.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Мавры в Африке подняли восстание, и Белисарий отправился покорять их. Пока он там находился, готы в Италии начали оправляться от нанесенного им удара и выбрали своим королем храброго юношу по имени Тотила. За очень короткое время он отвоевал почти всю Италию, так как там почти не осталось людей, и даже Юстиниану оставалось распоряжаться лишь двумя небольшими армиями, состоявшими из фракийцев и исавров с берегов Черного моря. Одна из них была отправлена с Белисарием для нападения на готов, но была недостаточно сильна, чтобы не только сдерживать Тотилу, а Юстиниан даже не послал ему всю возможную помощь, потому что боялся любви, которую питала к нему армия. После четырех лет борьбы с Тотилой его отозвали, а командование принял раб по имени Нарсес, который всегда жил в женских апартаментах во дворце. Он оказался действительно способным и умелым, и, получив лучшую поддержку, одержал великую победу под Римом, в которой Тотила был убит, и еще одну - под Неаполем, в результате которой полностью победил остготов, так что они больше никогда не становились силой. Италия была возвращена империи, а управлял ею офицер из Константинополя, который жил в Равенне и назывался экзархом.

Тем временем Белисарий был отправлен на войну с персидским царем Хосроем, очень воинственным принцем, который захватил Сирию и увел множество пленников из Антиохии. Белисарий одерживал над ним победу за победой и только что загнал его обратно за реки, как снова пришел отзыв, и Нарсес был послан закончить войну. Императрица Феодора хотела царствовать после своего мужа и слышала, что, когда в армию пришло сообщение о его смерти, Белисарий сказал, что он должен отдать свой голос за Юстина, законного наследника. Поэтому она сработала на страхе всех императоров, что их войска могут провозгласить императором успешного полководца, и снова Белисарий был отправлен домой, а Нарсес - завершать начатое.

Этому великому человеку предстояла еще одна война, когда дикие болгары вторглись во Фракию, и хотя его солдаты были немногим лучше робких крестьян, он прогнал их и спас страну. Но Юстиниан все больше и больше завидовал ему и, ошибочно полагая, что он участвует в заговоре с целью посадить Юстина на трон, бросил его в тюрьму, а оттуда выслал лишенным всего и с вырванными глазами. Он нашел маленького ребенка, который привел его к дверям церкви, где тот сидел с деревянным блюдом перед собой и просил милостыню. Когда стало известно, кто этот слепой нищий, в народе поднялся такой шум, что Юстиниан был вынужден вернуть ему дворец и часть его богатств; но он прожил недолго.

Хотя Юстиниан поступил так несправедливо и неблагодарно по отношению к этому великому человеку и верному слуге, он известен и лучшими делами, а именно тем, что сделал храм

Святой Софии, или Святой Премудрости, который Константин построил в Константинополе, самым великолепным из всех зданий, а также тем, что весь свод римских законов был тщательно пересмотрен и приведен в порядок. Многие из старых языческих законов были очень хороши, но были и другие, связанные с идолопоклонством, от которых нужно было избавиться; и в течение многих лет было принято столько законов и изменений, что даже для того, чтобы понять, что это такое и как по ним действовать, нужно было изучать всю жизнь. Юстиниан поручил своим лучшим юристам привести их в порядок, чтобы было легче работать по ним. Римские граждане в Греции, Италии и во всех землях, захваченных тевтонскими народами, по-прежнему судили по своим законам, так что это была очень полезная работа; и она была выполнена так хорошо, что завоеватели со временем переняли их, и римское право стало великим образцом, который изучали повсюду те, кто хотел понять правила юриспруденции, то есть права и справедливости. Таким образом, Рим еще одним способом покорил своих завоевателей.

Юстиниан умер в 563 году, и его сменил племянник Юстин, жена которого София вела себя с Нарсесом почти так же плохо, как Феодора с Белисарием: пока он из всех сил защищал Италию от диких племен, готовых в любой момент перевалить через Альпы, она послала ему дистаф и приказала вернуться в свое прежнее рабство во дворце.

ГЛАВА XLVI.

ПАПА ГРИГОРИЙ ВЕЛИКИЙ.

563-800.

Не успел Нарсес отозваться домой, как через Альпы начал переходить другой страшный народ тевтонов, до сих пор обитавший на севере. Это были длиннорылые, или лангобарды, как их чаще называли; свирепые и все еще язычники. Их король, Альбоин, увлек за собой Розамонд, дочь Кунимунда, короля гепидов, другого тевтонского племени. Началась страшная война, в которой Кунимунд был убит, а все его племя разбито и соединено с лангобардами. Объединив их, Альбоин вторгся в Италию и завоевал весь север. Равенна, Верона, Милан и все крупные города мужественно сопротивлялись, но в конце концов были взяты, кроме Венеции, которая все еще принадлежала императору в Константинополе. Альбоин сохранил череп Кунимунда в качестве трофея и сделал из него золотую чашу для питья, поскольку его дикая вера заставляла его верить, что наградой храбрецам на том свете будет пить медовуху из черепов своих павших врагов. В пьяном припадке в Вероне он послал за Розамондой и заставил ее поклясться ему в этом ужасном кубке. Она всегда ненавидела его, и это заставило ее отомстить за смерть отца, пронзив его в сердце в 573 году. Однако власть лангобардов не пала вместе с ним; его племянник стал его преемником и правил страной, которую мы до сих пор называем Ломбардией. Рим не был взят ими, но все еще принадлежал императору, хотя у него было мало власти, и сенат управлял им по имени, со всеми старыми магистратами. Во время прихода лангобардов претором был человек из одного из старых знатных родов, Аниций Григориус, или, как мы привыкли его называть, Григорий. Он всегда был добрым и благочестивым человеком, и хотя он очень старался исполнять все обязанности своей должности, его ум все больше и больше

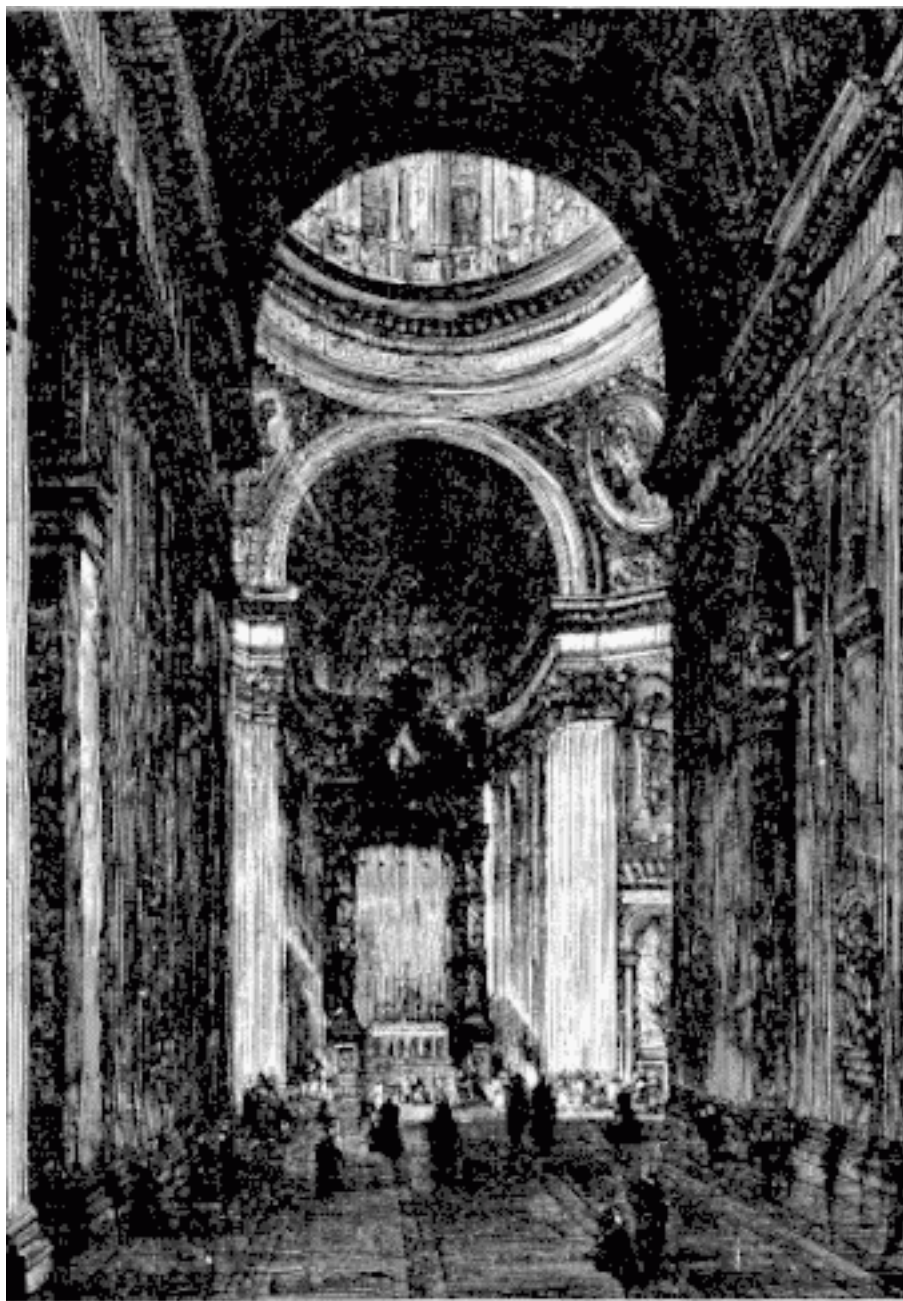
уходил от мира, пока, наконец, он не стал монахом св. Бенедикта, отдал все свое огромное состояние на строительство и обзаведение монастырями и больницами, а сам жил в больнице для нищих, ухаживая за ними, изучая Священное Писание и живя только на пульс, который мать каждый день присылала ему в серебряном блюде - единственный остаток его богатства, - пока однажды, не имея ничего другого, чтобы дать потерпевшему кораблекрушение моряку, который просил милостыню, он не подал ему ее.

ПАПА ГРИГОРИЙ ВЕЛИКИЙ.

Он стал одним из семи дьяконов, которых называли кардиналами-дьяконами, потому что они отвечали за бедняков главных приходов Рима; и именно тогда, когда он шел с каким-то добрым поручением, он увидел на рынке английских детей-рабов и задумал обратить их страну; но народ не позволил ему покинуть Рим, и в 590 году сенат, духовенство и народ избрали его папой. Как раз в это время на Рим обрушился страшный мор, и он заставил

народ сформировать семь больших процессий из духовенства, монахов, монахинь, детей, мужчин, жен и вдов - все они пели литании, чтобы молить о том, чтобы чума была отведена. Тогда он увидел ангела, стоящего на гробнице Адриана, и чума прекратилась. С тех пор великая старая гробница стала называться замком Святого Анджело.

КАФЕДРА ПАПЫ РИМСКОГО.

Это было беспокойное время, но Григорий пользовался таким уважением, что сумел сохранить порядок и безопасность в Риме, а также заключить мир между императором Маврикием и королем лангобардов Агилульфом, у которого была прекрасная жена Теодолinda. Она была большим другом Папы, писала ему письма и делала все возможное, чтобы поддержать его. Восточная империя по-прежнему принадлежала Риму, но когда была предпринята попытка сделать Константинопольского патриарха выше Папы, Григорий отстаивал принцип, что ни один патриарх не имеет права быть выше остальных и называться вселенским епископом. Григорий был очень великим человеком, а справедливость и

мудрость его управления во многом способствовали тому, что римляне стали считать своего Папу главой дел даже после его смерти в 604 году.

БИТВА ПРИ ТУРЕ.

Греческая империя послала офицера для управления крайним югом Италии, который, как Рим и Венеция, все еще принадлежал императору; но все войска, которые можно было нанять, вскоре понадобились для борьбы с арабами, чей лжепророк Махоммед учил их распространять религию мечом. Не было никого, кто мог бы выступить против лангобардов, и папы сдерживали их только договорами и хорошим управлением; наконец, в 741 году папа Григорий III. поставил себя под защиту Карла Мартела, великого франкского полководца, который победил магометан в битве при Туре. Карл Мартель был награжден званием

римского сенатора, его сын Пиппин также стал королем франков, а его внук Карл Великий, которому приходилось часто бывать в Италии для защиты Рима и который в конце концов разбил королевство лангобардов, был избран римским императором, как в старые времена, и коронован папой Львом III в 800 году. С этого времени вновь возникла Западная империя, обычно называемая Священной Римской империей, а император, или Цезарь-Кайсар, как его до сих пор называют немцы, был одновременно королем Германии и королем Ломбардии. Все это время Рим находился под властью пап, которые с годами становились все больше и больше князьями и в то же время претендовали на большую власть над Церковью, называя себя вселенскими епископами вопреки учению святого Григория Великого. Все это, однако, относится к истории Европы новейшего времени и будет найдено в истории Германии, поскольку там было много борьбы между папами и императорами. У Рима было *две* истории, и те, кто посещает Рим и изучает его замечательные здания, могут остановиться на старой или новой, языческой или христианской, в зависимости от того, куда ведет их разум, или же на том странном среднем времени, когда идолопоклонство и христианство боролись вместе.